

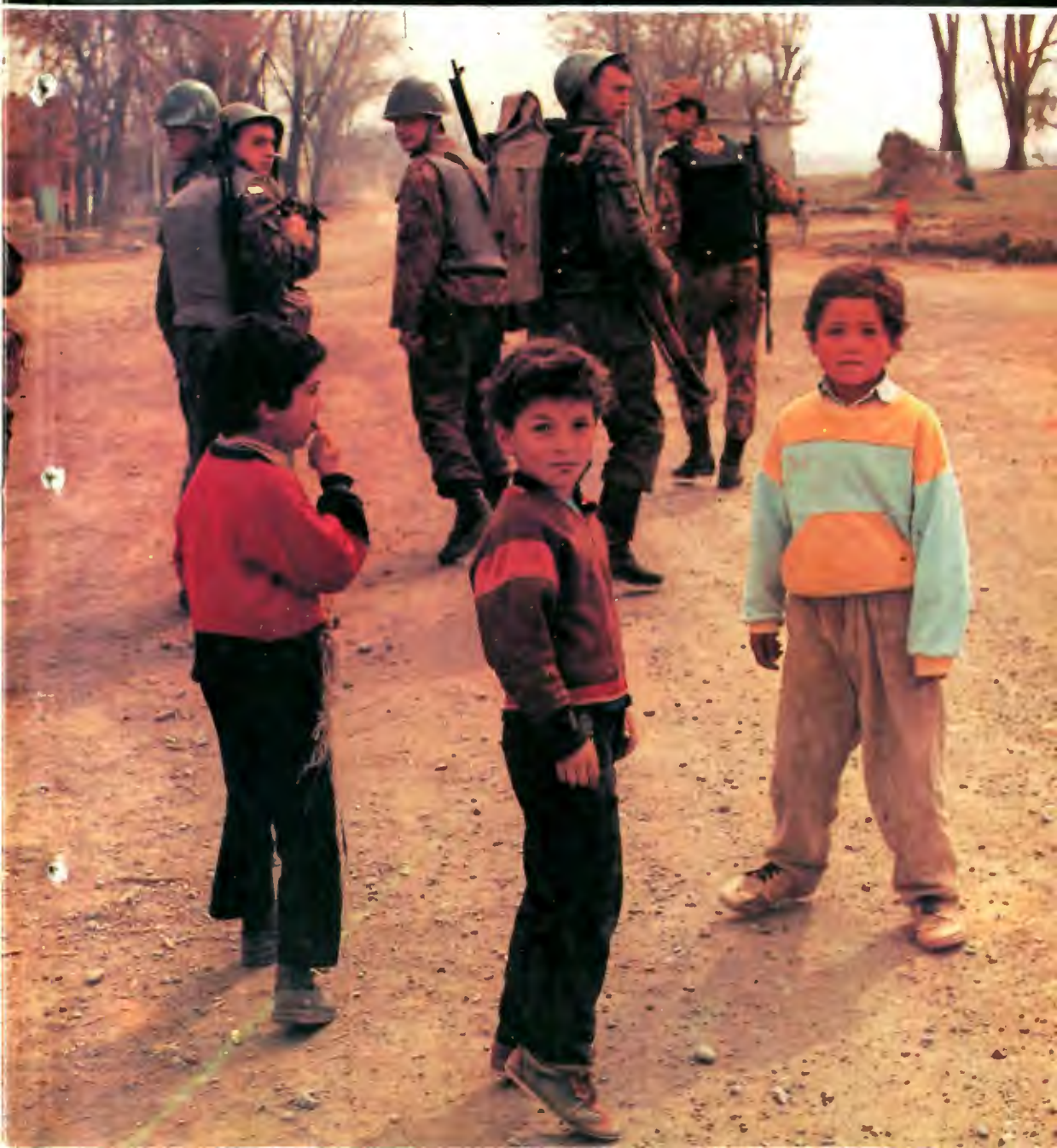
ISSN 0869-6403

ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ
ВОЙСК

НА
БОЕВОМ
ПОСТУ

7
'94

**"ЛУЧШЕ ГОР
МОГУТ БЫТЬ
ТОЛЬКО ГОРЫ..."**

**Курсанты
Владикавказского
высшего военного
командного училища
на занятиях по горной
подготовке.**

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Издается с 1958 г.

7 '94

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

В НОМЕРЕ:

■ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

Указ Президента Российской Федерации "О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994–1995 годы," 2

■ АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

МАЛЮТИН С.: "Пора научиться считать деньги," 5

■ ВОЙСКА: ПРОБЛЕМЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КИСЛЫЙ Ю. Винни-Пух из роты "Скорпион," 10
БУТОРИНА Е. Краповый берет – посмертно 16
КАРПОВ Ю. Семь футов под килем! 20
БУЛГАКОВ Б. На войне как на войне 25
МУЧАК И. Эх, дороги... 32
Полиция Греции 36

■ РЕТРОСПЕКТИВА

БЕЛИКОВ И. Радость не в радость, или Грустные размышления о нашей истории 39
ЗАХАРЧЕНКО Т. Бункер Сталина 44

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

КОЖИНОВ В.: "Русская культура началась в дружине," 47
КАСМЫНИН Г. Душа страшится перемен... (стихи) 53
ГОРЧАКОВ О. Вне закона (главы из романа) 55
УСКОВ В. Память о светлом (стихи) 70

■ КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

ЛИНДЕР И. Гармония силы и души 71
Рыболовам и охотникам 76
Шахматный клуб 78
Сад-огород 79

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л. И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е. А.
АФАНАСЬЕВ В. В.,
БОНДАРЕВ П. Т.,
ВОРОЖЦОВ В. П.,
ДУРБАЖЕВ В. А.,
ЕРХОВ Е. И.,
ЗАЙЦЕВ А. П.,
КАВУН С. Ф.,
КАРЕВ А. Н.
(ответственный
секретарь),
КАРПОВ Б. В.,
КОЗЛОВ И. Т.,
КОНДРОЕВ В. В.,
КОТЛЯРОВ А. П.,
КУДРЯШОВ В. И.
КУЗЬМИН Н. П.,
МАЛЮТИН С. Н.,
ОВЧИННИКОВ В. В.,
СЕНОКОСЕНКО Л. Ф.
(зам. главного
редактора),
УШАР А. Г.,
ЧЕРНЫШОВ П. П.,
ЯКУБОВСКИЙ В. И.

Учредитель – МВД России.

Издатель – Главное управление
командующего внутренними войсками:
111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9а.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Регистр. № 01420.
Имеет приложения: газету «Ситуация» и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник».

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы. При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна.
© Журнал «На боевом посту», 1994

Сдано в набор 6.05.1994 г. Подписано к печати 30.06.1994 г.
Формат бумаги 70x108/16. Усл. печ. л. 7, 0.
Уч.-изд. л. 11, 0. Зак. № 1223. Тираж 9 000.
Цена по каталогу для индивидуальных подписчиков 480 руб.,
(индекс 70610), для предприятий и организаций – 1500 руб.
(индекс 73175), в розницу – саободная.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда»,
123826, ГСП, Москва, Д-317, Хорошевское шоссе, 38.

Художественное оформление
Э. П. Копылова.
Корректор
Е. А. Богданова.
На первой странице обложки:
фото А. Л. Александрова.

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятинский проезд,
8.

Телефоны:
361-82-57, 361-81-71.

Указ Президента Российской Федерации

О неотложных мерах по реализации Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994 — 1995 годы

Принимая во внимание продолжающийся рост преступности, создающей серьезную угрозу безопасности государства и общества, в целях усиления защиты конституционных прав и свобод граждан от преступных посягательств, мобилизации для этого необходимых сил и средств, постановляю:

1. Утвердить Федеральную программу Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994—1995 годы (прилагается).

Правительству Российской Федерации обеспечить финансирование указанной Программы.

Возложить на руководителей министерств, ведомств и учреждений Российской Федерации, являющихся исполнителями Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994—1995 годы, персональную ответственность за ее полное и своевременное выполнение.

Контроль за выполнением Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994—1995 годы возложить на Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Лобова О. И.

2. Рекомендовать Государственной Думе Федерального Собрания рассматривать в первоочередном порядке внесенные Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации законопроекты, направленные на усиление борьбы с преступностью, совершенствование уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, административного и административно-процессуального законодательства, а также деятельности правоохранительных органов.

3. Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации:

принять комплексные региональные программы по усилению борьбы с преступностью;

довести к 1 июля 1994 г. численность подразделений милиции общественной безопасности (местной милиции), финансируемой за счет бюджетов субъектов Российской Федерации, до установленной штатной численности;

завершить в первом полугодии 1994 г. формирование региональных внебюджетных фондов, образуемых для дополнительного финансирования мероприятий по укреплению законности и обще-

ственного порядка, материально-технического оснащения правоохранительных органов и общественных объединений граждан по охране правопорядка, а также для оплаты деятельности граждан по обеспечению общественно-го порядка;

устанавливать для предприятий, организаций, учреждений, использующих труд лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, льготы по налогам и другим платежам в бюджеты субъектов Российской Федерации.

4. Правительству Российской Федерации:

считать приоритетным направлением своей деятельности своевременную разработку и введение в действие нормативных правительственных актов, направленных на усиление борьбы с преступностью, охрану собственности и общественного порядка, совершенствование деятельности правоохранительных органов;

в целях обеспечения общественного порядка и безопасности пассажиров в поездах дальнего и пригородного сообщений рассмотреть в первом полугодии 1994 г. вопрос об увеличении штатной численности подразделений милиции на транспорте;

завершить в первом полугодии 1994 г. формирование государственного внебюджетного фонда, средства которого направлять на дополнительное финансирование мероприятий по реализации федеральной и региональных программ по борьбе с преступностью, а также на укрепление материально-технической базы правоохранительных органов;

разработать федеральную программу профилактики детской безнадзорности, предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи;

разработать в 3-месячный срок федеральную программу содействия трудовой занятости осужденных к наказанию в виде лишения свободы;

в целях обеспечения оперативного и качественного расследования уголовных дел и укрепления кадров следственных и оперативных работников в правоохранительных органах разработать комплекс мер морального и материального стимулирования их труда в зависимости от уровня подготовки, стажа работы, характера расследуемых преступлений;

осуществить в 1994–1995 годах финансирование мероприятий по увеличению численности соединений и воинских частей оперативного назначения внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации и их расквартированию;

обеспечить внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации в 1994–1995 годах боевой техникой, вооружением, специальным автомобильным транспортом и специальными средствами, исходя из характера и объема выполняемых внутренними войсками задач. Внести необходимые изменения в решения Правительства Российской Федерации по этим вопросам;

разработать в 3-месячный срок и ввести в действие типовое положение о федеральном, муниципальном и ведомственном фондах служебного жилья, выделяемого судьям, работникам правоохранительных органов, военнослужащим внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации;

разработать в месячный срок и утвердить типовое положение о помощниках руководителей органов исполнительной власти в Российской Федерации по вопросам борьбы с преступностью.

5. Руководителям федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации создать условия, стимулирующие участие граждан и их объединений в охране общественного порядка, предупреждении и пресечении правонарушений.

6. Министерству иностранных дел Российской Федерации незамедлительно принять меры по усилению контроля за выдачей въездных виз российскими дипломатическими и консульскими учреждениями в государствах, с территории которых осуществляется неконтролируемая иммиграция в Российскую Федерацию.

7. В целях укрепления системы судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации Правительству Российской Федерации в месячный срок упорядочить оплату труда работников судебно-экспертных учреждений, применив принципы оплаты труда, действующие в научных и образовательных учреждениях Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Министерству юстиции Российской Федерации в месячный срок подготовить проект положения о классных чинах экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации для внесения в установленном порядке в Государственную Думу Федерального Собрания.

8. Ввести в Российской Федерации с 1 июля 1994 г. обязательный учет средств цветного копирования (оперативной полиграфии, копировально-множительной техники, капельно-струйных принтеров), приобретаемых

гражданами, а также предприятиями, организациями и учреждениями независимо от форм собственности и сферы деятельности.

Правительству Российской Федерации в 2-месячный срок утвердить правила учета, хранения и использования в Российской Федерации средств цветного копирования.

9. Министерству внутренних дел Российской Федерации и Министерству юстиции Российской Федерации совместно с другими заинтересованными федеральными органами исполнительной власти в целях расширения прав милиции в борьбе с преступностью в 2-месячный срок подготовить предложения о внесении соответствующих изменений в законодательные акты Российской Федерации, предусматривает:

предоставление милиции права осмотра зданий и помещений предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности (кроме зданий и помещений дипломатических, консульских и иных учреждений иностранных государств и международных организаций, пользующихся неприкосновенностью в соответствии с международными договорами или законодательством Российской Федерации) при наличии достоверных данных о приготовляемом преступлении;

изменение правил и порядка применения оружия работниками правоохранительных органов при выполнении ими служебных обязанностей по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

10. Увеличить численность соединений и воинских частей оперативного назначения внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации на 52 тысячи единиц.

Предоставить Министру внутренних дел Российской Федерации право перераспределять численность внутренних войск в зависимости от изменения объема выполняемых ими задач.

11. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Министерству транспорта Российской Федерации и Министерству путей сообщения Российской Федерации:

принять дополнительные меры по обеспечению безопасности граждан в аэропортах, морских и речных портах и на вокзалах;

создать специальные подразделения милиции для сопровождения поездов дальнего и пригородного сообщений, определить порядок их деятельности;

разработать в месячный срок комплексные меры по предупреждению и пресечению правонарушений, совершаемых на объектах транспорта и со-

здающих угрозу безопасности пассажиров.

12. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службе контрразведки Российской Федерации, Государственному таможенному комитету Российской Федерации, Департаменту налоговой полиции Российской Федерации регулярно осуществлять согласованные крупномасштабные целевые операции по выявлению и пресечению коррупции, преступной деятельности организованных групп и сообществ, контрабанды, незаконного вывоза стратегически важных товаров, незаконного оборота оружия и наркотических средств.

13. Государственному таможенному комитету Российской Федерации, Федеральной пограничной службе — Главному командованию Пограничных войск Российской Федерации, Государственному комитету санитарно-эпидемиологического надзора Российской Федерации и Министерству внутренних дел Российской Федерации принять необходимые меры по перекрытию каналов проникновения на внутренний рынок из-за рубежа опасных для жизни и здоровья потребительских товаров.

14. Министерству обороны Российской Федерации:

передать Министерству внутренних дел Российской Федерации пригодные для эксплуатации высвобождаемые военные городки и учебные объекты для размещения формируемых соединений и воинских частей оперативного назначения внутренних войск. В месячный срок представить в Правительство Российской Федерации согласованные с Министерством внутренних дел Российской Федерации перечень и сроки передачи указанных военных городков и учебных объектов;

обеспечить подготовку кадров для внутренних войск в военно-учебных заведениях за счет средств Министерства внутренних дел Российской Федерации;

выделять в 1994–1995 годах по заявкам Министерства внутренних дел Российской Федерации для комплектования внутренних войск призывной контингент, отвечающий требованиям прохождения службы во внутренних войсках.

15. Настоящий Указ вступает в силу с момента его подписания.

Президент Российской Федерации

Б. ЕЛЬЦИН

Москва, Кремль
24 мая 1994 г.
N 1016

*Начальник
финансового отдела
Главного управления
командующего
внутренними войсками
МВД Российской Федерации
полковник
Сергей МАЛЮТИН:*

“ПОРА НАУЧИТЬСЯ СЧИТАТЬ ДЕНЬГИ”

— Сегодня какой стороны жизни, деятельности войск ни коснись, какую социальную программу ни затронь — только и слышно: нет денег, нет денег, нет денег. Но куда же они подевались? Несведущий человек, разумеется, все существующие беды валит на ухудшение работы финорганов — на вашу нерасторопность, малый профессионализм ну и так далее. Вплоть до злой преднамеренности. Вот и хотелось бы, Сергей Николаевич, так сказать, из первых уст услышать: что же все-таки происходит?

— А происходит то, чему мы с вами свидетели. Спад производства, разрывы экономических связей, нарушения в финансовой системе ведут к дальнейшему ухудшению положения в стране. Бюджет трещит, принимается с большими потугами, с громадным дефицитом. Это, разумеется, больно бьет по войскам, по каждому из нас. По-моему, сегодня всем уже ясно: кризис, в котором оказалось наше общество, не преодолевается за год-другой. Поэтому сидеть и ждать у моря погоды — мол, все наладится, поправится — по меньшей мере неадекватно. Пора всем научиться вести хозяйство в рыночных условиях.

Ну а что касается разговоров о неразворотливости финорганов, непрофессиональности работников наших служб,

то это — досадное недоразумение. Мне кажется, это идет от того, что люди привыкли искать крайнего, чтобы обвинить в своих бедах, сорвать зло. Но поверьте, если сегодня мы еще держимся на плаву, то немалую роль в этом играет профессионализм войсковых финансистов. Ведь работать приходится под стать “скорой помощи”: ждем сигнала о несвоевременном финансировании, бегаем по банкам в поисках переведенных войскам средств. Потому как нет гарантий, что деньги придут по назначению.

Раньше ведь все шло по плану, по утвержденной на год смете. Теперь же приходится раз за разом доказывать Минфину, и притом расчетным путем, чего и сколько нам необходимо.

Бывало, при поквартальном финансировании получаешь сразу 70 процентов положенного, спокойно работаешь два месяца, затем в третьем приходишь оставшиеся 30 процентов, закрываешь квартал.

Теперь же Минфин дает деньги частями — 3–4 раза в месяц. Мы поэтому иногда запаздываем с переводом их в войска. Но и самая большая задержка с выплатой денежного содержания у нас не превышала 2–3 недели.

— А что вы предлагаете делать тем, кто сидит на голодном пайке?

— Сокращать аппетиты. Это прежде всего. А дальше — научиться наконец

считать государственные деньги, как умеем это делать со своими. Четко планировать расходы, исходя не из абстрактной на сегодня похолодности, а из реальной наличности, которой располагаешь. Видеть приоритеты в платежах. Денежное содержание личного состава, продовольствие, ГСМ, коммунальные и банно-прачечные услуги, связь — все это оплачивается в первую очередь. Остальное — при наличии средств.

— Иначе говоря, вы призываете экономить в большом и малом. Не забывать, что экономика должна быть экономной. А ведь это мы уже проходили...

— Однако твердо урок не усвоили. Да и в том учении был изъян. Не экономике надо быть экономной, а нам с вами, и в первую голову офицерам-руководителям. Финотдел войск не устаёт повторять им всем вместе и каждому в отдельности: будьте рачительными хозяевами, бережнее подходите к расходованию денежных и материальных средств, повышайте эффективность экономической работы.

— Признаться, даже как-то странно слышать такое — настолько тыл повсеместно стал большим местом. Те «заповеди сегодняшнего дня», которые вы произнесли, элементарны. Да и командиры сами признаются, что ныне не столько занимаются вопросами службы, боевой учебы, сколько ремонтом, строительством жилья, добыванием запчастей, продовольствия и т.д. и т.п.

— И тем не менее многие руководители на местах по старинке лишь накладывают резолюции на входящие документы и уходят от прямой своей обязанности лично руководить финансово-хозяйственной деятельностью, осуществлять строгой спрос с подчиненных за ее состояние. Я уже не говорю об экономической стороне дела. А чтобы не быть голословным, покажу лишь некоторые картины нашей действительности.

Год минувший. Войска Северо-Кавказского округа испытывают острую нужду в денежных средствах для оплаты ГСМ, продовольствия, но 2,8 миллиона рублей не задумываясь тратят на 20 кондиционеров, предназначенных отнюдь не в караульные помещения; там же приобретают дорогостоящие телефонные аппараты типа «Макс». В Пятигорске покупают телевизоры на многие миллионы, проводят подписку не на журнал «На боевом посту», а на такие издания, как «Чудеса и приключения», «Приключения и фантастика», и многое другое, что тоже влетает нам в копеечку. А возьмите Саратовское военное училище. Там закупается четырнадцать игровых компьютерных аппаратов. Я не говорю о том, что нам этого не нужно. Но давайте соизмерять желания с возможностями. И потом нельзя забывать,

что многое нам должны поставлять окружные довольствующие органы.

— Но мы ведь знаем, Сергей Николаевич, что между «должны» и «поставляют», могут стоять не то что месяцы — годы ожидания.

— Так надо же добиваться! А у нас сплошь и рядом вместо этого командиры, их заместители идут по пути наименьшего сопротивления. Ведь куда проще вызвать начфина и приказать: «Оплачивай — и никаких разговоров!».

Другое дело, когда у снабженцев действительно нет необходимых нам материальных ценностей. Допустим, тех же игровых автоматов. Тогда по договоренности с окружным управлением воинская часть может приобрести их самостоятельно, но обязательно в течение двух-трех дней с момента закупки надлежит выслать счет для возмещения расходов. Такой порядок определен соответствующим приказом министра, и, следуя ему, не нанесешь ущерб никаким другим службам.

Да и вообще пора всем понять, что не управления материально-технического и военного снабжения дают нам что-то из своего кармана, а это мы направляем им деньги для закупок военного имущества, предусмотренного нормами положенности. Так что не надо ходить с протянутой рукой и низко кланяться.

— Сергей Николаевич, видимо, в нынешних условиях роль начфина части должна заметно возрасти?

— Да он, по сути, никогда и не был в тени. Сегодня же нам бы хотелось, чтоб начфин становился своего рода координатором действий, консультантом у командира по финансово-экономическим вопросам.

— И как вы это себе представляете?

— Пусть начальники служб составляют на предстоящий квартал перечни первоочередных, самых неотложных, на их взгляд, платежей. Начфин обобщит их, доложит свое мнение командиру. Потом можно будет все обсудить на командовании и принять окончательное решение, чтобы с поступлением денег без раскочки начинать их расходование. То, что не терпит отлагательства, оплатить в первую очередь, что не вызывается срочностью, перенести на более поздний срок или оплатить частично.

— А разве кто-то с этим не согласен?

— То-то и оно! Кое-где вообще стремятся решать вопросы в обход финансиста, ставить его перед фактом. Одно время командиры всех степеней упрасивали нас развязать им руки: избавиться от постатейного ассигнования. Дескать, на местах виднее, на что и сколько тратить. И что же? Там, где привыкли брать из государственного кармана не считая, сидят на мели, за-

сыпают нас срочными телеграммами с просьбами финансовой помощи. Но ведь печатного станка в ГУКВВ нет. Поэтому опять, в который уже раз, приходится повторять, казалось бы, прописные истины: прежде чем принимать военный городок, санаторий и т.д., просьба просчитать, сколько это будет стоить; определиться, где взять необходимую сумму, за счет чего ее можно получить, не прося дополнительных финансовых средств.

— **Сергей Николаевич, а вы сами неужто лишены возможности провести необходимый финансовый маневр? Или в вас все-таки по роду службы говорит "скупой рыцарь"?**

— Вот посудите сами. Северо-Кавказский округ в отличие от других весь минувший год финансировался в полном объеме. Но именно оттуда больше всего мы и получали телеграмм. Срочную депешу отстучать можно, только денег срочно найти нельзя.

Когда начнешь разбираться, то оказывается: деньги-то в войсках есть! Только в первом квартале нынешнего года неизрасходованными остались двадцать с лишним миллиардов рублей. В том же самом Северо-Кавказском округе — 4 миллиарда 164, 5 миллиона! Вот и получается: идеи есть, но денег нет, деньги есть — идей нет.

— **И все-таки, Сергей Николаевич, есть ли у нас резервы для финансирования войск?**

— Есть. Статья 52 Закона "О внутренних войсках", указывает, что строительство и ремонт войсковых объектов и зданий производится за счет бюджета Российской Федерации и бюджетных средств местных органов исполнительной власти. А сколько мы истребовали от них? Ровным счетом ничего, да и самого механизма получения этих средств пока не разработано. Согласно статье 12 того же Закона все расходы по перемещению и обустройству войск на новом месте производятся за счет бюджетных средств соответствующего административно-территориального образования. И что же? И с этим вопросом у нас не все в порядке. Мы сначала занимаем городок, а потом начинаем просить денег из российского бюджета.

Давно было дано указание в войска: оборудовать бани, прачечные, комнаты приезжих. Сделано немало, но далеко не все. И мы продолжаем платить существенные суммы за стирку, помывку, гостиницы и т.д.

А сколько убытков от дорожно-транспортных происшествий, пожаров, плохой организации хранения овощей, других продуктов?!

Надо учитывать и то, что конверсия пока только снижает уровень производства техники и, стало быть, нужно налаживать собственную ремонтную базу, бороться за продление сроков эксплуатации техники, не гонять без ост-

рой нужды командно-штабные машины. Наконец, прекратить распродавать автотехнику "ну по очень смешным ценам".

— **Нельзя ли подробнее об этих самых распродажах? Ведь ни для кого не секрет, что нестабильность жизни, растущая дороговизна порождают у многих чувства, которые испытывает человек, опаздывающий на поезд.**

— К сожалению, это есть. Иных просто изнутри сжигает стремление успеть ухватить хоть какой-то куш, несмотря ни на что и не считаясь ни с чем.

В условиях нестабильного финансирования войск, отсутствия денег не только на приобретение каких-либо материалов, но и своевременную выплату денежного довольствия в ряде округов, в соединениях одно время шла распродажа материальных ценностей порой с грубыми нарушениями приказа министра внутренних дел. В первую очередь это относится к Восточному округу, Санкт-Петербургскому ВВКУ, нашей старейшей трижды орденосной дивизии...

— **Недавно я брал интервью у ее командира. Он говорил о больших трудностях с финансированием, о том, что строительство и ремонт казарменных помещений приходится вести чуть ли не в долг. Зачастую задерживается оплата молока, хлеба личному составу, отсюда перебои...**

— И в то же время на первое апреля за дивизией числится свыше 1,3 миллиарда рублей неизрасходованными. Знаете, я так скажу: генерал-майор Будников лишь в августе 93-го принял ОДОН. Тогда как до него здесь шла распродажа не только строительных материалов, но даже культпросветимущества, начиная с телевизоров и магнитофонов и кончая шестиструнными гитарами. Продавались холодильники, мебель, телефонные аппараты и многое другое, что согласно приказу министра никакой реализации не подлежит. Более того, различные материалы, бытовые приборы приобретались через снабженческие органы якобы для удовлетворения солдатских нужд по ценам, определенным для бюджетных организаций, т.е. в десятки раз ниже, чем в госторговле.

— **Насколько я вас понял, эта беда коснулась не только бывших дзержинцев?**

— Все верно. В Восточном округе, к примеру, для гаражно-строительного кооператива было закуплено стройматериалов более чем на миллион рублей за счет 13-й статьи сметы войск. Иначе говоря, как бы для капитального ремонта войсковых зданий. Руководство округа знало об этом, но не реагировало. Лишь через полгода истраченные деньги были возвращены и, разумеется, без какой-либо индексации.

Или в Пермском военном училище тыла еще в декабре 1989 года был продан автопредприятию автомобиль ГАЗ-53. Два с половиной года спустя по требованию наших ревизоров деньги внесли в училищную кассу. Но что это за деньги? Четыре тысячи сто рублей. Да на них автомобильную фару уже не купишь!

Я бы мог рассказать и о других случаях, когда реализация материальных ценностей осуществлялась без предварительной оплаты и вместо существенных сумм мы получали обратно пшик.

— Но все эти махинации (иного слова я не подберу) не прошли безнаказанно?

— Разумеется. По всем выявленным фактам приняты строгие меры. Продажу всех видов материальных средств, за исключением продовольствия, как частным лицам, так и организациям командующий внутренними войсками запретил.

— Наверное, распродажи были не единственной лазейкой для нечистоплотных людей?

— К сожалению, да. Тут и выделение личного состава на работы в сторонние организации без заключения с этими организациями каких бы то ни было договоров, объявления приказом по части, выдачи нарядов и т.д. и т.п., в результате чего суммы военнослужащим начислялись не за весь объем выполненных работ. В подавляющем большинстве случаев, когда начинаешь разбираться, выясняется, что часть оплаты производилась строительными или прочими материалами, которые по книгам учета частей не приходятся, разбазариваются. Порой на время работ личному составу и продовольствие из части не доставляется: люди питаются за счет заработанного в том же колхозе или на заводе, но с котлового довольствия они не снимаются...

А чего стоят связи с коммерческими структурами?! При острой нехватке у самих служебных площадей далеко не худшее сдавалось в аренду, да при этом на таких условиях, что порой только диву даешься.

В июле 92-го Новосибирское ВВКУ предоставляет товариществу "Типар" два нежилых помещения и недостроенную теплицу — в общей сложности 280 квадратных метров за 16 тысяч рублей в год. Отдельно оплата электроэнергии, воды, отопления в договоре не оговаривалась. И это в то время, когда за один квадратный метр занимаемых площадей был установлен тариф — не менее 500 рублей, на 1 января 1993 года эта сумма возросла уже до 2880 рублей. Арифметика проста: даже на момент сдачи товариществу должно было перечислить училищу чуть ли не в десять раз больше. Оно же в течение года не выплачивало вообще ни рубля. Договор был расторгнут в ходе финансовой ревизии лишь в июне прошлого года.

Как не вспомнить историю с прачечной. В одной из наших дивизий посчитали, что можно сдать в аренду кооперативу одну из двух своих прачечных. Тот, кроме оплаты занимаемых площадей, коммунальных услуг, обязался отчислять соединению 10 процентов прибыли от реализации... выращенных грибов, да еще 10 процентов урожая этих самых даров природы продавать по себестоимости военнослужащим гарнизона. Так вот для этих целей оба этажа прачечной были полностью переоборудованы, и она стала непригодна к эксплуатации по прямому своему назначению. Ущерб составил 2,8 миллиона рублей. И ведь что выясняется. Сдать прачечную кооперативу было решено потому, что и одна работала не на полную мощность. Когда же соседние части обращались в дивизию с просьбами стирать их солдатское белье, то получали отказ: мол, со своим едва справляемся...

И в мае, и в августе прошлого года мы направляли в войска документы, запрещающие сдавать в аренду какие бы то ни было войсковые объекты без рассмотрения этого вопроса в ГУКВВ.

— И все наконец стало на свои места?

— Как сказать. Полковник П. Андреевский, к примеру, пренебрег нашими требованиями, сдал в аренду фирме "Орион" одно из клубных помещений под киоск. Командующий объявил ему взыскание.

— Сергей Николаевич, при подведении итогов 93-го финансового года вы называли и другие фамилии: бывшего начальника Санкт-Петербургского военного училища, использовавшего в личных целях строительные материалы, предназначенные для реконструкции спортивно-оздоровительного центра; бывшего начальника учебной части Пермского училища тыла, приобретшего за смехотворную сумму "уазик". Но не кажется ли вам, что меры, в частности запреты, принимаются с опозданием. А от общественного пирога отхватывают куски отнюдь не лейтенанты. Ей-Богу, как бы ни ругали народный контроль и особенно партийные органы, совавшие куда надо и не надо свой нос, но для иных была хоть какая-то острастка. Выложил партбилет, и карьера, считай, конец. А сейчас что? Взыскание как накладывается, так и снимается, но дача-то остается. Если же не находишься под следствием, то и очередное воинское звание будет присвоено в срок.

— И все-таки на одном страхе нам не выехать. Да, нужен действенный контроль, быстрое и эффективное реагирование на каждый сигнал, касающийся учета, хранения и использования денежных и материальных средств, стро-

гий спрос с нерадивых, виновных в порче, разбазаривании. Да ведь хочется верить: нечестных, нечистоплотных людей у нас все-таки единицы. Не всегда будет существовать в обществе и нестабильность, рождающая в ином руководителе чувство временщика.

Меня сегодня, признаться, больше беспокоит наша нерасторопность. Взять хотя бы оплату материальных ценностей, получаемых от поставщиков. Если раньше мы знали, перечислив деньги, что в любое время можем получить товары, то теперь в течение суток, максимум двух надо все вывезти, ибо деньги обесцениваются, а стоимость приобретаемого растет, в связи с чем может потребоваться немалая доплата. Поэтому, называя вам цифру — 20 с лишним миллиардов рублей, не израсходованных в войсках в первом квартале текущего года, могу с уверенностью сказать, что большая часть ее относится к оплаченным, но не полученным материалам и услугам. Но если можно как-то объяснить дебиторскую задолженность за контрактами кинопроката, органами связи, нефтебазами, банно-прачечными комбинатами, то как прикажете понимать вот это: перечисляют деньги предприятиям и организациям за краску, стройматериалы и т.п., но не получают купленного по месяцу и больше? Простите, тут не что иное, как нарушение авансовой дисциплины.

— Сергей Николаевич, мы в основном говорили с вами о положении в войсках. Но ведь войска — это люди, и у каждого свои конкретные беды, нужды, заботы. Я не стану посвящать вас в частные проблемы наших читателей. Остановлюсь на общих. А они таковы. Молодежь жалуется на всяческие препоны с получением 12 окладов беспроцентной ссуды на обустройство хозяйства. Женатые курсанты спрашивают: раз мы контрактники, то почему женам не выдаются проездные документы, когда следуем в отпуск? Те, кто собирается в запас, переживают по поводу 20 окладов: будут ли они сохранены за увольняющимися согласно существующему законодательству, если последнее время только и слышно, что наши народные избранники стремятся лишить ратных людей и тех невеликих льгот, которыми пока располагаем. Ну и наконец, уволившись по болезни никак не могут разобраться, чем же отличается инфаркт или инсульт, полученный при исполнении служебных обязанностей, от того же самого недуга, обрушившегося на человека в "период прохождения службы"?

— Что ж, давайте начнем отвечать по порядку. Что касается самых молодых. Да, беспроцентная ссуда в размере до 12 окладов денежного содержания — я подчеркиваю "до", ибо именно так ука-

зано и в Законе "О статусе военнослужащего" — оформляется и объявляется приказом командира войсковой части в течение трех месяцев, а выдается в последующем при наличии денежных средств. К тому же именно командиру решать, кто из его подчиненных действительно нуждается в этой ссуде, поскольку за ней обращаются и лейтенанты, только-только прибывшие из училища и не имеющие, по сути, ничего — ни чашки, ни ложки своей, и прапорщики, сверхсрочнослужащие, уже обжившиеся и теперь собирающиеся то ли жениться, то ли строить свой дом. Ситуаций много, приоритеты может видеть командир, владеющий обстановкой. В связи с недостаточностью финансирования ему определять, кому выдавать и сколько, а кому отказать.

Что касается жен курсантов. На сегодняшний день нет никаких документов, разрешающих выдачу им проездных документов.

Ветеранам могу сказать одно: не надо лишний раз трепать себе нервы. Будем надеяться, что российские законы не будут иметь обратного хода.

Уволенным по болезни я могу только посочувствовать. Поймите правильно, мое дело выплатить вам или нет 60 окладов. Определять же, кому это положено, а кому нет, предоставлено медикам, ВВК, специальным комиссиям, созданным в частях.

— Сергей Николаевич, хотелось бы прояснить и вот какую ситуацию. Так сложилось, что опытные офицеры войск сегодня удивляются: "Служим в одном министерстве, однако милицейский офицер получает больше, хотя и разряд соответствует, и стаж одинаков".

— Это верно. Выслужившему двадцать и более лет в органах внутренних дел выплачивается определенный процент от его же пенсии. Но и у нас с 1 июля стала выплачиваться надбавка за особые условия службы во внутренних войсках.

— Словом, справедливость возторжествовала. Единственно, что огорчает: прибавление в денежном содержании коснулось вас, меня, наших сверстников, тогда как молодые офицеры остались, как говорится, при своих...

— Обстановка с финансами сегодня такова, что изменения могут произойти в любой момент. Остаются только надеяться, что пока готовится к печати наш диалог, российскому офицерству не станет жить еще туже.

— Да уж не хотелось бы, Сергей Николаевич. И спасибо вам за открытый разговор.

Вел беседу полковник Е. АРТЮХОВ.

Фото подполковника Б. БУЛГАКОВА.

ВОЙСКА: проблемы, события, люди

Из кавказского дневника

ВИННИ-ПУХ ИЗ РОТЫ "СКОРПИОН"

— **СЛАЗЬ** с бэтэра! Подожду! — Какой-то бритоголовый тип с безумными глазами под улюлюканье юнцов из толпы, качнув канистру, выплеснул на сержанта бензин и трясущейся рукой достал из кармана спички.

По выцветшему камуфляжу, по скату нагретой солнцем брони бесформенными медузами расплозились маслянистые пятна. Судорожный росчерк серной головки о коробок, и...

— Слалю-у-у!

— Только попробуй, гад, — тихо, одними губами ответил Андрей, сдвигая вниз флажок предохранителя. В этот миг он уже знал, что будет делать, если на нем запылает хэбэ. Короткая очередь в упор. Команда-крик водителю: "По газам! На прорыв!". И живым факелом — "Прощайте, пацаны!", — в гущу толпы, расчищая дорогу заблокированному "бэтру". Пропадать — так с музыкой...

Эта исполненная трагизма картина возникла перед его взором с четкостью кинокадра на экране, будто энергия жизни, сфокусированная волей и совестью для решающего рывка, пробила завесу времени, позволив ему, Андрею Винокурову*, увидеть самого себя у последнего порога.

"Выше голову! Готовность номер один!", — унял дрожь мысленным приказом. Отменить принятое решение может только помощь из штаба войсковой оперативной группы, коли подоспеет, либо отступление накачанного "дурью", безумца. Иного не дано. Никакие угрозы не заставят его с бойцами покинуть БТР, бросив на поругание сидящих за броней женщин.

Из-за них, троих ингушек, безвинных жертв затянувшегося конфликта народов-соседей, и попала в переплет маневренная группа роты специального назначения, за которой прочно закрепилось название "Скорпион", (грозное имечко придумали воины своему подразделению, жаль, не то что именем — видом бронетехники с крупнокалиберными стволами заведенную экстремистами толпу не отрезвишь).

* По понятным причинам фамилии бойцов и офицеров спецназа изменены.

... В тот день "скорпионы", в составе боевого охранения должны были сопровождать хлебовозку и автобус с беженцами-ингушами по маршруту Черменский круг — Карца. Дело привычное — касается службы: к тому, что в зоне ЧП не только особый правовой режим, но и особые отношения между двумя народами, разве привыкнешь? И сержант-контрактник Андрей Винокуров, получив приказ, приготовился действовать с учетом этого невеселого "чепэшного" обстоятельства. Редкой автоколонне из Ингушетии позволяют экстремисты беспрепятственно проехать по территории Пригородного района, так что "краповые береты", в гуманитарных операциях рискуют не меньше, чем "голубые каски", в воюющей Боснии. Бывало, прорывались через живые заборы на дорогах под прицелами пулеметов и противотанковых гранатометов местных вооруженных формирований, противопоставляя агрессивности "стражей порядка", терпение, выдержку, дипломатическую мудрость. Бывало... Да что говорить, неспроста в "гуманитарный конвой", назначают спецназовцев, и то не всех подряд, а самых-самых. Таких, как бойцы из группы сержанта Винокурова.

"Семеро смелых", называет свою команду Андрей. Они того стоят, младший сержант Алексей Серегин, рядовые Михаил Подплетов, Виталий Ивашко, Валерий Ростовцев, Александр Самород, Самар Сабиров и Виталий Головин. Парни надежные, в боевых делах проверенные; у каждого за плечами пять горячих командировок. Кремень — не группа.

Ну так вот, приготовился, значит, и, несмотря на солидный опыт всей гвардии, напомнил для порядка:

— Обстановка сложная, парни. В дороге всякое может случиться. Поэтому — никакой раслабухи!

— Ясненько, — произнес Леша Серегин. И добавил веско и внушительно, точно патрон в патронник загал: — В случае чего прорвемся, Винни. Не впервой.

Винни, Винни-Пух то бишь, — его прозвище, боевой псевдоним, необходимый, как и любому спецназовцу, для маскировки. Конечно, приятнее было бы сержанту носить другое имя, покруче. А то Винни-Пух из роты: "Скорпион"... Несолидно вроде. Ну да что поделаешь, имена и прозвища не выбирают. И он смирился: Винни так Винни.

... Только оседлали броню — поступила дополнительная вводная: прибыть в комендатуру и взять на борт пассажиров.

— Упросили вот, — извиняющимся тоном сказал Андрею начальник штаба, майор в новенькой, необмятой песчанке, помогая пожилой женщине и двоим девушкам пролезть в боковой

люк. — Позарез надо в Назрань, там им родственники билеты на самолет купили. Ну как тут откажешь, верно? Доведем до ингушского поста ГАИ и назад — с колонной. Все равно ведь по пути. А для надежности я с милиционером сопровождать буду.

Хотел Винни спросить, поставлены ли в известность временная администрация и штаб ВОГ. Отзывчивость отзывчивостью, а порядок — порядком. Проезд ингушей через осетинские населенные пункты без предварительного согласования с органами власти чреват кровавыми эксцессами: не зажили еще раны, нанесенные войной, и, по всему видно, не скоро заживут.

Однако промолчал, полагая, что майор знает о таких вещах не хуже него, сержанта. Да и женщины глядели с немой мольбой. словно он был здесь самый старший.

Потом у них поинтересуются: "Зачем вы с бабушкой приехали в Карцу, где нет никаких условий для жизни и на каждом шагу подстерегает опасность?". "В Назрани велели... Любопытная информация к сведению компетентных органов. Не исключено, что наивную бабулю провокаторы использовали втемную, как приманку — с таким расчетом, чтобы ее возвращение на бронетранспортере подставило под удар миротворческие силы. Кавказ, как и Восток, дело тонкое. Но вспоминают об этом ответственные должностные лица, к сожалению, слишком поздно..."

— Заводи, нечего тянуть резину, — шуточно скомандовал протиснувшийся в люк дюжий милиционер с автоматом. — Все будет о'кей!

ДО ПОСЕЛКА Октябрьское добрались без приключений. А дальше — будто в кошмарный сон влетели.

Весь "о'кей" кончился, когда их обогнал "уазик", местной милиции и шуточно замельтешил посреди дороги, как мелкий хищник перед грудью барса. Мегафон что-то неразборчиво пролаял. Водитель рядовой Головин стал сбавлять скорость.

— Отставить! Внутренние войска им не подчиняются, — махнул рукой Винни.

Подчиниться все же пришлось. Около батальона патрульно-постовой службы "уазик", резко затормозив, перегорел дорогу. За ним — кабина к кабине — дублирующим блоком стали два КамАЗа. Путь назад отрезал автобус.

— Профессионально сработано, — повернулся к побледневшему майору сержант. — Кажись, вляпались. — И, надев шлемофон, запросил базу.

Андрей не ошибся. Дальше события развивались по классическому сценарию. В мгновение ока образовалась толпа, пенистой волной хлынула на

броню. Увидев в бойницы пассажиров, начала штурмовать люки.

Тут как нельзя кстати подходит майор милиции, который в "уазике", сидел. Волнуется, сочувствует — так, во всяком случае, показалось сержанту Винокурову.

— Давайте, ребята, проедем к РОВД, там вы будете в полной безопасности. Успокоятся немного люди — отпустим с миром, поверьте.

Обрадовались. Поверили. Энша даже в милицйскую машину пересел...

А у райотдела их уже с нетерпением ждали. Вооруженные автоматами "пэпээсовцы". Бойцы управления охраны объектов народного хозяйства (бывшее ополчение) с заряженными "эрпэгшками". И толпа, раз в десять многочисленнее той, что "гостеприимно", встретила их полчаса назад.

Начальника штаба комендатуры отвели в здание РОВД. "Зачем? Неужели для справки?" — теряясь в догадках Андрей. Сердце его дрогнуло, сдавленное чем-то холодным и липким. Это конец, сейчас их сметут, растопчут... Ежели сдать без боя маленькую крепость на колесах.

Сдать? Как бы не так!

— Всем под броню! Заблокировать люки! В случае прорыва держаться до последнего. Я остаюсь наверху.

Тем временем в толпе пустили слух, будто женщин сопровождает ингушский боевик. Ловко кто-то сыграл на оскорбленных чувствах горячих кавказских людей. Под мощным напором БТР качнулся, как корабль на рейде под штормовыми волнами.

— Да вы посмотрите на рязанскую физиономию нашего милиционера! — крикнул Винни, отталкивая от люков самых неистовых. — Он такой же ингуш, как я китаец.

Несколько "пэпээсовцев", по очереди заглянули в бойницу; неопределенно пожалы плечами: кто его знает, может, сержант и прав. Следом женщины из толпы провели ревизию. По-видимому, они даже собственным глазам не верили, находясь под гипнозом слухов. Зыркнули внутрь бэтэра — и давай заводиться вконец обнаглевших молодчиков: боевик, мол, и все тут. А те будто сигнала ждали:

— Продался, ингушей защищаешь! Отдай их нам, мы с ними по-своему поговорим.

— Мне национальность — без разницы, я людей защищаю! — взорвался Винни. — В "бэтре", — женщины, и пока у нас не кончится боекомплект, черта с два вы их получите...

— Добром не отдадите — "черемухой", выкурим.

Пришлось задраить бойницы. И вскоре под палящими лучами солнца чрево бэтэра превратилось в раскаленную духовку.

Поняв, что угрозами бойцов не испугать, "самураи", — подходящее прозвище юнцам-экстремистам придумал Винокуров — притащили ломы и кувалды.

— Берегись, сержант, сейчас вскроем твой броневик, как консервную банку!

У Андрея снова похолодело сердце. С помощью ломов откупорить люки на БТРе-80 очень даже просто. Солдаты тоже знали об этом, и как только услышались удары о броню, дружно ухватились за ручки фиксаторов. Началась яростная борьба горстки бойцов, верных мужскому и воинскому долгу, со стаей насильников, у которых чувство безнаказанности, пропитанное дымом анаши, заглушило последние остатки совести и разума. Стоявшие в стороне зрелые мужчины, глядя на молодых соплеменников, осуждающе качали головами. Но никто из них не остановил шабаш, не помог сержанту, когда он, отмахиваясь прикладом, пытался стряхнуть шакалят с брони.

Вскоре примчались бэтэры с десантом из части, усиленным представителями временной администрации и сотрудниками МВД республики. Но просочиться к заблокированной группе сквозь плотное людское кольцо спецназу не удалось. Попытка с ходу, наскоком освободить "скорпионов", только накалила страсти. На стихийном митинге экстремисты потребовали немедленно прекратить сопротивление и выдать женщин с "боевиком". В противном случае, заявили, будет большой костер. Пока одни надрывали глотки, проклиная на чем свет стоит "предателей", другие упрямо долбили люки.

А время шло. Под раскаленной, наглухо закупоренной броней силы воинов таяли вместе с кислородом. Шутка ли, три часа кряду сдерживали натиск, все пальцы сбили до крови. От нестерпимой духоты мутилось сознание. Но они не падали духом. Хохмили даже, выходя на связь с полком: "У нас полный порядок. Дышать только нечем. Подбросьте пару кислородных подушек".

Андрею наверху приходилось не слаще. "Самураи", с ломами несколько раз стаскивали его под колеса. Наваливаясь скопом, пробовали вырвать автомат. Угрожали грохнуть из снайперской винтовки, если вырвется живым. А он, точно ванька-встанька, держал удар, крепя сердце ожиданием подмоги: из штаба ВОГ — сообщили по рации после неудавшегося прорыва — на переговоры с лидерами экстремистов выехало высокое начальство.

И даже облитый бензином, не теряя надежду: авось пронесет, как не раз проносило его, везунчика, родившегося под счастливой звездой, в боевых операциях, когда было "до смерти четыре шага"; как миновало лихо на кру-

том повороте судьбы еще в той, гражданской, развеселой жизни. Тогда, правда, ему, призывнику Винокурову, не угрожала смертельная опасность, и все же...

— **ВЫБИРАЙ, ПАРЕНЬ:** или армия, или... Хуже горькой редьки, понимаешь, надоел своими художествами, — сказал в сердцах участковый. — Может, отцы-командиры из тебя человека сделают...

Да уж, отметить надобно, рос Андрей не пай-мальчиком. С зеленых пацанских лет как магнитом тянуло его на улицу, в крутые компании. А там, знает всяк, не уважают тихонь. Вот и приходилось чуть ли не каждый день отстаивать авторитет в жестоких дворовых сшибках. А чуток подрос — вышел на "оперативный простор". В его родном городе Камешково молодежные ватаги часто воевали между собой за расширение сфер "жизненно важных интересов", а в дни перемирий, снедаемые скукой провинциального существования, праздно слонялись по улицам в поисках приключений, каковые нередко заканчивались позорным пленом в отделе милиции. Во всех этих небезобидных предприятиях Андрюша играл, скажем так, не последнюю роль. Что было, то было. Увы. Из песни слова не выкинешь.

Правда, была у него и другая жизнь. Там Винокурова знали как заботливого, любящего сына, примерного ученика (техникум окончил с похвальной грамотой), завязатого спортсмена (увлекался лыжами, каратэ). Словом, положительного во всех отношениях парня.

— Никак в толк не возьму, что происходит с тобой, сын, — сокрушалась мама. — И способностями Бог не обидел, мог бы в институт поступить. И сердце у тебя не злое. А водишься с оболтусами. Силы девать некуда? Так ведь кулак без головы — дурак...

К восемнадцати годам он сам стал это понимать. Однако уличная "команда" просто так не отпускает своих "бойцов". И, связанный по рукам и ногам ее неписаными законами, Андрей продолжал "опасные игры на свежем воздухе".

Доигрался... Пошла бы вся жизнь наперекосяк, если бы блюстители закона не дали ему шанс проверить себя на оселке армейской службы, не подтолкнули, пожалев непутевую головушку, к дороге верной.

Долг платежом красен. Моральный тем паче. И Андрей, горя желанием искупить грехи молодости, блеснуть силой своей и удалством в настоящем мужском деле, попросил направить его в десантные войска или в морскую пехоту.

— А в кремлевский полк не хочешь? — округлил от удивления глаза капитан

из военкомата. — У таких, как ты, одна дорога — в стройбат...

Но и на сей раз госпожа удача не обошла его своей милостью.

В коридоре столкнулся нос к носу с богатырем-сержантом в камуфляже и краповом берете.

— Откуда, братан? — В голосе Андрея сплелись волнение, радость, надежда.

Улыбнувшись, сержант протянул руку.

— С Северного Кавказа. Спецназ внутренних войск. Устраивает?

— Спрашиваешь... А призывался...

— Владимирский я.

— Земеля! — Андрей крепко сжал мозолистую, налитую чугунной тяжестью ладонь "краповика". — Помогите, слышь! Горю. — И выложил все как на духу.

— Уговорил, замолвлю за тебя словечко, — покровительственно похлопал его по плечу сержант. — Мы тут как раз группу в спецназ набираем. Понравишься командиру — считай, тебе крупно повезло.

Разговор с офицером был по-военному кратким:

— Что умеешь делать?

— Все, — обрадованно расправил плечи Андрей. — Драться, бегать, водить машину и трактор, прав только нет.

— Подходит, — немного подумав, поставил точку старший лейтенант. — Хреновато, конечно, что репутацию свою подмочил. Ну да ладно, спишем на пацанскую дурь. У нас, брат, не похулиганишь.

— Да я...

— Верю, — кивнул старлей и зашагал к кабинету военкома.

А вечером он, без пяти минут "краповый берет", (и никак иначе!) Андрей Винокуров, мчался в поезде. На юг. Чувствуя себя самым счастливым человеком на свете. Спец-наз, спец-наз, — бодро отстукивали колеса. Служба в восхитительно, как рыцарские доспехи, камуфляже рисовалась его воображению красивой и героической, под стать приключениям суперменов-командо из крутого боевика: ну, кто там на новенького?

Что спецназ — это не киношно эффектный праздник силы и доблести, а невыносимо тяжкие, соленые будни, он понял уже во время сдачи вступительного зачета: изнурительный кросс, силовые упражнения, спарринг — мало не показалось.

— Цветочки, — сказал инструктор прошедшим испытания новобранцам. — Ягодки будут впереди. В роте "Скорпион", — традиция: порядок — образцовый, дисциплина — железная, учеба — до седьмого пота. Кому не нравится такая жизнь — шаг вперед. Чтоб не жалеть потом.

Прапорщик не шутил.

ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА от молодого пополнения осталась одна треть. Не выдержав сумасшедших нагрузок, подавали рапорта даже те, кому он, рядовой Винокуров, заметно уступал в силе и выносливости. Уходили здоровые парни, умевшие хорошо драться, метко стрелять и быстро бегать, но не способные подняться над собой, преодолеть последние метры на штурмовой полосе, нанести еще один удар в учебном поединке, когда кажется, что запас прочности иссяк...

Через полгода Андрея Винокурова назначили командиром отделения. Он выдержал все. Хотя не раз боролся с искушением написать рапорт о переводе в обычную роту. В такие минуты, вспоминая судьбоносную встречу в военкомате, предшествующую ей беседу с участковым инспектором, спрашивал себя со злостью: «Кем бы ты был, Винни, если б не спецназ, не войска? А теперь ты — человек, которому есть чем гордиться».

Да, это так. Испытания на спецназовском полигоне соскребли с его души слой шлака, наросший в уличных забавах. С завоеванных солдатским трудом высот былые кумиры, охмурявшие несмышленную пацану соблазнами сладкой жизни, стали казаться жалкими пигмеями. Задай кто-нибудь ему, «обдумывающему житье», вопрос: «А теперь, Андрей, „делать жизнь с кого“ хотел бы?» — он без колебаний назвал бы ротного — капитана Крылова Михаила Дмитриевича. В нем подкупало все: ум, воля, сила. Обостренное чувство справедливости: за подчиненных стоит горой; отличился, положим, «скорпион», в операции — «Все, что могу, братишка»; повело не в ту сторону — не обессудь, по всей строгости спросит. И впереди всегда — на лихом коне: делай, как я. Тяжко — руку протянет, споткнулся о сложный норматив — покажет играючи; ленца одолела — на самолюбие нажмет: «Учись, боец, не сачкуй. Через не могу. Через не хочу. Только так победишь. И немощь свою, и супостата».

Одно слово: офицер!

И потянулся к своему солдатскому идеалу Винни, как подсолнух к солнцу. Особенно с назначением на первую командирскую должность.

Хороший учитель, старательный ученик — короче говоря, дело пошло. Иной сержант — как? Рвякнет, кулаком погрозит — вот и вся педагогика. А он по методу Крылова старался: где примером личным, где словом добрым, шуткой-прибауткой. Ну а возникала необходимость власть употребить — ни разу не вышел за уставные рамки. Не случайно авторитет его пошел в рост, точно саженец у заботливого садовника. Только отделение возглавил, сдал экзамен на право ношения крапового берета — новый приказ: назначить за-

местителем командира взвода. Вот тут он сполна ощутил бремя настоящей ответственности. С одной стороны, офицеры по большому счету требуют (назвался груздем — полезай в кузов), с другой — «дембеля», прессуют: где это, мол, видано, чтоб не нюхавший пороху первогодок рулил матерыми «скорпионами». Пришлось постоять за себя, нет, не кулаком — делом доказывая: командир, он и молодой — командир.

Что же до пороху, понохал его сержант Винокуров не меньше, чем уволенные в запас ветераны горячих точек. Пятнадцать месяцев срочной службы провел в боевых командировках, весь Северный Кавказ исколесил на броне. Такая вот строка в его биографии. А за ней другая последовала...

Вернулся Винни домой в камуфляже и краповом берете с гордо поднятой головой. Казалось, все двери открыты перед бывшим бойцом спецназа. В личном деле — ключ к сердцу самого неумолимого кадровика: добросовестно исполнял... умело работал... проявлял мужество и отвагу... обладает качествами... владеет приемами... награжден... Не характеристика — песня! Опять же техникумовский диплом и лист к нему оценочный, густо усеянный пятерками...

Не тут-то было. В одном месте сочувственно разводят руками; в другом — «Зайдите через месяц»; в третьем и вовсе о приеме на работу разговаривать не желают. Кризис! Предприятия города едва сводят концы с концами. В бессрочный отпуск приходится отправлять опытных специалистов. А тут какой-то сержант запаса... Хотел было податься в телохранители, да спасибо приятель отсоветовал: будешь волкодавом на коротком поводке у нувориша, мало тебе старых приключений. В милицию еще приглашали, суля горы золотые: такие парни у нас в цене. Отказался: душа не лежит. Оставалось одно — заняться неквалифицированным трудом. За гроши. Для бывалого спецназовца — унижение, хуже некуда.

И тогда он вспомнил солдатские пути-дороги, лица братишек — «скорпионов», воинственную песню бэтээров, увозящих в горы краповый десант... И словно наяву, увидел перед собой спасательный круг...

Знать, судьба...

Мама безропотно согласилась с его решением. Лишь повторила несколько раз, как заклинание: «Береги себя, Андрюша. Береги!». Точно предчувствовала беду, караулившую его там, в далеком районе с непривычным, пугающим женское сердце названием — «зона действия режима ЧП».

... — СПАЛЮ-У-У!

Палец Андрея обнял скользкую дужку спускового крючка.

— Только попробуй!

Еще одно мгновение длиною в жизнь, и... случилось то, чего сержант Винокуров желал всем своим существом. Злобно матерясь, бритоголовый отступил, тут же несколько мужчин затащили его в гущу толпы, подальше от бэтэра. Может, зрачок ствола, готовый моргнуть огненным веком, оттолкнул экстремиста. А может, и вовсе не собирался тот поджигать облитого бензином воина — блефовал... Как бы там ни было, спасибо благоразумным людям, нашли в себе смелость вмешаться, сорвать провокацию...

Не успел Андрей прийти в себя после напряженного психологического поединка, как окружавшие БТР юнцы снова ринулись на штурм. Зазвенела, застонала броня под ударами ломов и кувалд. Один люк "самураем", удалось так приоткрыть, и пока бойцы изнутри отражали натиск, кто-то из молодчиков разглагольствовал в полумраке девушек, сжавшихся под башней.

— Э-э, да они совсем молодые...

Штурмовики хитрым осиным роєм облепили БТР, и началось что-то невообразимо дикое и чудовищное.

— Молодые?! Вытаскивай! Будем их по очереди...

Винни понял: не остановит он сейчас наэлектризованных похотью насильников — случится непоправимое.

Закричал, срывая голос:

— Где вы были, уроды, 4 ноября, когда здесь шла война?! Почему я не видел вас в Чермене? Что, только на баб смелые?!

Нападавшие опустили ломы, в замешательстве переглянулись.

— А что делал ты, сержант, в тот день?

... 4 ноября 1992 года в его памяти — как острый осколок у сердца. На рассвете "скорпионам" поставили задачу прочесать село и ликвидировать последние очаги сопротивления боевиков. Выстроившись в линию, десять БМД с десантом "краповых беретов", стремительно вошли в пылающий Чермен. На улицах и в переулках под аккомпанемент пулеметных очередей в удушливом жирном дыму плясала смерть. Она набрасывалась на "бэмдэшки", из-за калиток и заборов, с огородов, из окон и с чердаков, клевала свинцовым градом, грозила поджечь броню кумулятивными гранатами, заманить в минный капкан...

Прильнувший к триплексу Андрей с трудом "въезжал", в реальность, которая надвигалась на него, на экипаж БМД из-за дымовой завесы. Одно дело видеть войну на экране, читать, говорить, думать о ней, и совсем другое — самому очутиться на линии огня с тормозящей восприятие мыслью: не где-то там, в зарубежье, стал длиннее пунтир горячих точек, полыхнуло в родном доме, на российской земле...

Привел его к "нормальному бою", глухой звон, прорвавшийся сквозь рев двигателя: по машине хлестнула пулеметная очередь.

Молниеносная реакция командира БМД старшего лейтенанта Олега Гладкова:

— Машина, стой! Винни с группой прикрытия, залажете здесь! Гасите бандита огнем! Группа захвата, за мной!

Головокружительный маневр "бэмдэшки", — вышли из-под обстрела. Стали. Молодец Эдик Плотников, классный механик-водитель, не пропадешь с таким. И — вперед, "скорпионы"!

Мушки "калашниковых", стремительно прыгают от окна к окну... Бандитский пулемет поперхнулся, умолк... Группа захвата во главе с маленьким, юрким, как колобок, Гладковым, подобно шквалу — спасибо вам за науку, соленые учебные будни! — в дом: "Бросай оружие!..."

Двоих взяли живьем, рискуя головами. Третий, бешено поливая очередями из сарая, долго не давал возможности спешиться с БМД.

— Печенкой чую, подстрелит кого-то из наших, едри его! — ругнулся Олег Гладков. — Наводчик, справа на восемь часов — цель! Кумулятивным — огонь!

... Что делал он 4 ноября?

— В тот день наша рота освобождала Чермен! — громко сказал Винни.

Как мало, оказывается, надо, чтоб изменить настрой людей...

Услыхав слово "Чермен", к бэтэру протиснулись милиционеры, расталкивая "самураев", полезли на броню.

— Что ж ты молчал, сержант?

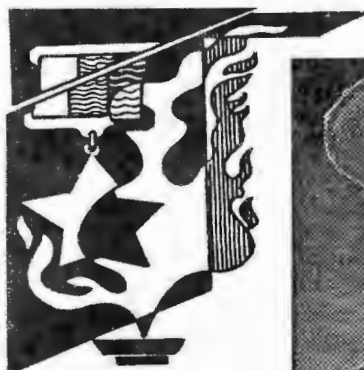
Около десяти блюстителей порядка встали на его защиту. Натиск толпы постепенно ослаб. А тут и обещанная подмога подоспела.

Заместитель командующего внутренними войсками страны с группой офицеров из ВОГ, авторитетный в республике генерал-"афганец" Ким Цаголов и присоединившиеся к ним "пэпээсовцы", образовав цепочку перед бэтэром и — шаг за шагом — оттесяя утративших воинственный пыл молодчиков, освободили заблокированную группу.

Такие вот истории случаются в зоне чрезвычайного положения. Рассказать — не всякий поверит...

Ну а дальше — лирика сплошная. Слезы, слова благодарности чудом спасенных женщин. Крепкие объятия "скорпионов"... Улыбаясь, он подозрительно долго тер глаза, наверное, песчинки под ресницы попали. Точно — песчинки. А если и другая причина была, то в этом спецназовец Андрей Винокуров даже себе не признается, хоть и прозвище у него совсем не боевое...

Подполковник Ю. КИСЛЫЙ.

**Герой
Российской
Федерации
рядовой
Юрий
Владимирович
ЛОБОВ**

КРАПОВЫЙ БЕРЕТ - ПОСМЕРТНО

СЛОВНО В НАГРАДУ за трудные и горькие осень и зиму, грянула веселая весна. Мгновенно смела с тротуаров почерневший снег, легким прикосновением позеленила березки, очистила от слезавшихся облаков небо и удивительной яркости голубизной освежила город, поля за ним. В благодати весенней даже политические бури приутихли. И Первомай, которого ждали нынче с тревогой, прошел спокойно, и договор о согласии гражданском подписали...

А на окраине Омска в большой и такой пустой теперь квартире Лобовых поселилась вечная скорбь, которая в любое время года одного цвета — черного. Фотография младшего сына — с черной лентой на уголке. Положив огромную голову на вытянутые лапы, часами лежит дог Рэм. Ждет и ждет хозяина. Верный пес знает, что если очень преданно ждать, то в один прекрасный день дверь откроется и войдет любимый Юра. Так уже было однажды, когда Юра приезжал в отпуск.

Тогда в первый момент Рэм не узнал хозяина — непривычно пахнувшая форма смутила. Но когда услышал знакомый голос, кинулся, сметая все на пути. И сердце застучало так сильно, что казалось, выскочит из мощной гру-

ди. Говорят, от радости не умирают, но у Рэма тогда точно предынфарктное состояние было — два дня собака не могла прийти в себя. А потом хозяин опять уехал, и сегодня Рэм лежит у его портрета в напрасной надежде, что дверь вот-вот откроется и...

Только на портрете траурная ленточка, значение которой непостижимо для собачьей души. Черная полоса, отделяющая жизнь от смерти, черная полоса, подчеркнувшая страшное слово «никогда».

Рядовой Юрий Лобов, солдат внутренних войск, погиб в первые дни октября прошлого года в центре Москвы. При выполнении специального задания, как написано в удостоверении Героя Российской Федерации, выданном родителям Юрия минувшей зимой.

О тех страшных событиях написано уже много. Будут писать еще. При передаче из уст в уста, при цитировании даже одного и того же печатного материала будут стираться какие-то детали, подробности, досужий вымысел заменит их другими черточками той сентябрьско-октябрьской кошмарной фантазмагории. Со временем попрячутся предатели и трусы, появятся

лжегерои и новые "очевидцы". Но погибшие россияне уже ничего не опровергнут, не прояснят. Их родных и близких никто и никакими словами не утешит...

Ил-72, оставив в городе Череповце погибшего в тех же событиях рядового Олега Петрова, полетел дальше, в Омск. Гроб с телом рядового Юрия Лобова сопровождали его однополчане подполковник Александр Кузьменко, сержант Евгений Матвеев и рядовой Дмитрий Железных. Местное телевидение снимало горестный репортаж о прощании омичей с Героем, похороны на Южном кладбище. Дима Железных жадно курил сигарету, горький комок в горле мешал говорить. Но говорить перед телекамерой пришлось — как-никак товарищами с Юрой были, под пулями оказались вместе, в одном экипаже.

— Мы попали в засаду. У нас шел на первом БТРе наш командир подполковник Савченко. В общем, было так: там стояли два рефрижератора, он стал их объезжать, а там засада была — стали стрелять из пулеметов, Савченко ранило, но его приказанию экипаж покинул машину.

Мы подъехали сразу за ними, встали сбоку, с правой стороны. Его БТР обстреляли. Потом — по нашему...

Мы стали собирать весь экипаж того БТРа... Ну там вообще было — парни даже встать не могли с земли! Не давали вставать, обстреливали. Потом половина экипажа перешла в третий БТР, половина — в наш...

Мы отстреливались, тоже вели огонь. Вот с Юриком мы сняли одного гранатометчика — он сидел в витрине магазина, заметили его вв-

ремя. У нас был тоже гранатометчик свой, он работал из люка (есть люк для гранатометчика в БТРе). И вот когда мы стали отступать, у нас практически остался один БТР: Савченко подбили, третий взял людей и отступил.

У нас тоже было много народу, когда гранатометчик залез, он не смог даже люк закрыть свой. И с крыши снайпер стал стрелять по люку, прицельно. И вот одна пуля вошла прямо в люк открытый этот и попала в Юру...

Броня БТРа может защитить от огня стрелкового оружия, но когда палат из тяжелых крупнокалиберных пулеметов, гранатометов, машина запросто может стать братской могилой для экипажа. Когда из-за баррикады изрешетили БТР (в броне насчитали двадцать восемь пробоин), погибли сразу трое.

Капитан Игорь Миндзаев — офицер опытный, прошел не одну горячую точку, хватил на Кавказе лиха, имеет боевые награды. Но там — совсем другое дело: горы, тактический простор. Здесь же вокруг жилые дома, гранит набережной. Для тех, кто стрелял в солдат с крыш, из-за баррикад, цели как на ладони.

Их стали накрывать: одна граната ударила в каменный паранет, осыпав гранитной крошкой, — несколько бы сантиметров выше, и... Вторая граната под БТР залетела, но и на этот раз обошлось, никого и ничего не задела. Надо было отходить во избежание новых безвозвратных потерь...

Капитан Миндзаев так рассказывал о тех минутах спустя всего сутки:

— Один БТР сдал назад — там раненых было много. Второй — тоже. Ну и я стал сдавать

назад. Буквально чуть-чуть прсехав, я посмотрел — с левой стороны перекресточек, улица перпендикулярная. Я там увидел БТР, подумал, что один из наших туда завернул. Стал разворачиваться, чтобы ехать туда. В этот момент нас обстреляли опять, и был убит рядовой Лобов. Пулей в голову. Сразу буквально. Он сидел за мной. Когда дали очередь по БТРу, я как раз пригнулся, потому что смотрел в триплекс, и в триплекс пуля попала, и сразу стекло посекло... А еще одна пуля пошла верхом — у нас как раз люк был приоткрыт: когда мы сбавали назад, мы врезались в дерево, зеркала у водителя не было, поэтому я приоткрыл люк, решил посмотреть назад... пуля залетела в люк у меня над головой и попала в Лобова. Я вначале думал — все нормально, мы вывернули. А потом солдат сзади мне говорит: "Товарищ капитан, Лобов убит".

И как раз эта пуля, попавшая в него, перебила нам провода, сразу связь отказала, электропривод пулеметов — все сразу отказало. По закону подлости...

Мы сдали назад, прсехали в эту улочку, подъехали к тому БТРу.

Я вылез, смотрю — БТР другого полка. Дураю, надо вытащить Лобова. Там все было забрызгано кровью... Мы вытащили его, положили пока возле дома. Нас и здесь обстреляли с крыши. Уже позже санитарная машина подъехала, туда его положили. Вчетвером едва подняли — здоровый парень был...

Тяжело боевому офицеру говорить, воспоминания еще слишком горячи. На камуфлированном обмундировании заметны бурые потеки от крови, пролитой Юркой Лобовым.

Расхождения в горестном повествовании двух однополчан Юрия, оказавшихся под одной с ним броней, по большому счету, несущественны и вполне объяснимы. По солдатам стреляли на поражение из самого разного оружия. А в какой из люков влетела смертельная пуля — теперь это дело десятое. Любая пуля, свинцовой осой проникшая под броню, жалит все живое смертельно...

ОСТАЛИСЬ ФОТОГРАФИИ — пожелтевшие от времени и совсем новые, черно-белые, цветные. Любовно собранный альбом Нина Николаевна, мама Юры, листать не может без слез.

— Это вот фотографировали на новогодней елке. Вот он, Юра, в костюме зайчика. Стихи читает. Знаете, его так все любили — и учителя, и воспитатели. Если утренник намечается какой, меня всегда просили: "Главное, чтобы Юра пришел...". Он все стихи, все танцы знал. Я, бывало, со старшим сыном Димой стихи учу, а Юра рядом сидит. И запоминает.

Когда Дима в школу пошел, Юре пять лет было. Он так брату завидовал, так в школу хотел пойти! Все в его тетрадки заглядывал. А когда сам пошел в первый класс, умел и читать, и писать, и таблицу умножения знал.

— А вот фотография из пионерского лагеря. Юра тогда футболом увлекался, — вступает в разговор отец, Владимир Леонидович. — Хорошо играл, разряд имел. Он у нас вообще спортивный был мальчик. Боксом занимался, плаванием, самбо.

Атлетической гимнастикой увлекся уже перед армией. И оттуда писал, что когда выпадает свободная минута, идет "качаться".

— Перед армией я ему покупала вещи 50-го размера, — продолжала Нина Николаевна. — А в отпуск когда приехал, мы прямо ахнули — уже 54-й. Там в роте все ребята тренированные, но Юру, говорят, самым сильным считали. Может, так оно и было. Ох, какой у меня сын был — ростом метр восемьдесят пять, сильный, красивый, добрый.

Помню, он еще в классе шестом учился, когда подошла ко мне бабушка из соседнего подъезда. Вдруг начинает Юру расхваливать. Оказывается, он над ней шефство взял — в магазин ходил за продуктами, квартиру убирал. Я его спрашиваю: "Сынок, тебя кто-то послал к этой бабушке, поручение в школе дали?". А он мне: "Да никто не просил, сам вижу — тяжело ей, старенькая".

Он так всегда — о других заботился больше, чем о себе. Если мы на дачу ехали, он сразу планировал, что самому сделать, причем всегда побольше нас с отцом. Начали дом там строить — он и фундамент заливал, и стены ставил. Тут-то как раз и в армию ему. Он нам заявил: "Без меня тут ничего не делайте, вернусь — дострою".

Когда отцу сделали серьезную операцию, Юра приехал в отпуск. Дослуживать оставалось полгода. Нина Николаевна, словно предчувствуя недоброе, уговаривала: "Сынок, отец у нас в тяжелом состоянии. Давай я схожу в военкомат, принесу справки, тебя оставят здесь служить, солдаты везде нужны".

— Я его так просила, — со слезами на глазах вспоминает Нина Николаевна, — так просила: "Сыночка, не уезжай!". А он на своем: "Мамик, я же командиру обещал, что вернусь. Мне и так некоторые не верили, что приеду. А я обещал...". И все рассказывал, какие у него там друзья надежные, что живут одной семьей, что не может он их подвести.

Друзей у него всегда было много — и в школе, и во дворе, и в университете. Одноклассники, не попавшие в институты, отправились в армию. Служил в десанниках и брат Дима.

— Юра очень врался в армию, — говорит Владимир Леонидович. — Особенно когда письма от ребят приходили. И Димке писал: "Я тебе так завидую!".

— Другие от армии сбегают, — про-

должает тему Нина Николаевна, — а он сам себя в армию устраивал. У него если и были сомнения в выборе профессии, то лишь между двух специальностей — военного и юриста. У нас родственник работает в Перми в военкомате, Юра иногда у него в каникулы гостил. С каким восторгом рассказывал, как ему дали пострелять где-то там на стрельбище!

После школы он поступал на юрфак, но недобрал одного балла. Приняли на физический факультет. Проучился два семестра и понял, что не то ему нужно. Решил отслужить, а потом снова штурмовать юридический факультет. Целый месяц сам ходил в военкомат, просил, чтобы его направили непременно во внутренние войска. Родители переживали из-за такого упрямства, ведь сегодня уже ни для кого не секрет, что служба в этих войсках очень опасна, тяжела. А Юра все убеждал: «Мамик, это же самые престижные войска. Пойми — МВД! Там служат самые крутые ребята».

И добился своего. Мама, провожая, плакала: «Сыночка, вдруг война будет, и тебя убьют?!». А он смеялся: «Ну что ты, мамик, какая война!». Такой счастливый был, что идет служить...

«Здравствуйте, мои дорогие!»

Пишет вам рядовой второй учебной роты Лобов. Сегодня заканчивается третий день моей службы в «молодой роте», т.е. прохожу КМБ (курс молодого бойца. — Ред.) Димка, наверное, знает, что это такое. Ведь он через все это давно прошел. Кормят здесь не то чтобы вкусно, но зато помногу. Порции накладывают большие.

В дивизии очень много омичей. 1 августа у меня будет присяга. После присяги нас будут распределять по ротам.

Дивизия очень большая, всякие подразделения, спецроты и отряд спецназа — их на гражданке называют «красные берет», потому что у них береты цвета крови.

В принципе все подразделения выполняют задачи одни и те же. Но, насколько я понял, отдельный отряд спецназа чуточку покруче. Они подчиняются напрямую министру МВД, а не нашему комдиву. (Тут молодой новобранец по незнанию ошибался. — Ред.) Поэтому у них получше и вооружение, и снаряжение. Они часто работают вместе с группой «Альфа»... Ну, в общем, в дивизии это самые крутые ребята. По прибытии они отбирали и нас, в том числе записали и меня. Так что, может, возьмут меня к себе. Ну вот и все мои солдатские новости.

Ваш Юра».

Это одно из немногих сохранившихся писем Юрия домашним. Прогресс тоже имеет свои оборотные стороны. С появлением телефона эпистолярный жанр, к сожалению, отмирает. О своих новостях Юрий сообщал выборочно, коротко. О том, что сын побывал на горячем Кавказе, родные узнали

от него самого, когда приехал на побывку.

— Когда я звонила, — голос у Нины Николаевны опять срывается, — он всегда говорил, что все нормально, все хорошо. 26 сентября у Юры день рождения был, я его на переговоры вызывала. Все спрашивала, когда придет да что приготовить — он ведь в конце октября собирался вернуться.

Когда в прошлое 1 мая в Москве милиционера убили, я так переволновалась! И Юре все говорила: «Какое счастье, что тебя там не было». А он смеялся: «Ты что же, думаешь, что меня убьют? Нет, мамик, я еще буду большим человеком. Ты еще мной будешь гордиться».

Указом Президента 7 октября 1993 года рядовому Лобову Юрию Владимировичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно). Он навечно зачислен в списки своей роты. Вместе с Золотой Звездой под номером 0056 привезли родителям солдата и краповый берет, о котором он так мечтал. Спецназовская посмертная награда Герою.

Последние минуты у гроба погибшего сына. Кто-то из местных властей утешающе внушает заплаканной матери Героя: «Примите соболезнования... Юра погиб за правое дело, вы должны им гордиться...»

И в ответ сквозь рыдания: «Сыночка! Сказали, нужно гордиться. И вот я горжусь... Ну что мне теперь делать? Посмотри, сыночка, какие почести — ты же у меня Герой... А я несчастная мать, вот несчастный отец... А ты, сыночка, Герой... Я, сыночка, горжусь...»

НА ЮЖНОМ КЛАДБИЩЕ Омска у могилы Юрия всегда цветы. Часто приходит сюда хрупкая девушка Ольга. Они дружили три года, и всегда она чувствовала себя рядом с Юрой бережно хранимой, защищенной, любимой. Слово «тучка золотая на груди утеса-великана».

Она часто ездила в Москву в командировки. В тот последний четверг в жизни Юрия они виделись, долго говорили, мечтая о том дне, когда закончится служба, придет конец разлуке.

Разлука оказалась вечной. 16 января Ольге исполнилось девятнадцать.

На этот день Юра назначил свадьбу. Пригласил друзей — тех, с кем пережил немало за полтора года службы.

Она шла за гробом, опустив голову в черном платке. На дорогу последнюю падали белые цветы. Не свадебные. Прощальные.

Евгения БУТОРИНА.

Фото Роберта КАРАПЕТЯНА.

Рассказываем впервые

Наверное, не все знают, что во внутренних войсках есть свои морские части. А уж чем они занимаются, несведущие люди, пожалуй, могут только догадываться. Наш корреспондент подполковник А.УШАР встретился и побеседовал с командиром морского отряда внутренних войск МВД России капитаном 1 ранга Ю.КАРПОВЫМ.

СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЕМ!

— Юрий Иванович, на вас и на ваших подчиненных — флотская форма. И тем не менее к ВМФ вы никакого отношения не имеете. Что же из себя представляют моряки внутренних войск, и какие задачи они решают?

— Прежде всего охраняем важные государственные объекты и сооружения на коммуникациях, расположенных на реках, озерах и других водных путях, участвуем в поиске и задержании лиц, проникших на «подопечные», сооружения со стороны акватории. Ну и при необходимости должны ликвидировать последствия аварий, катастроф, пожаров, стихийных бедствий и других чрезвычайных обстоятельств на своих участках.

— А где же вы готовите специалистов в бескозырках?

— Основные технические средства находятся здесь, в пункте постоянной дислокации, а учебный центр — на Байкале: там ведется строительство базы для полноценной подготовки специалистов, прежде всего — водолазов. Условия обучения практически идеальные, видимость под водой — 15–20 метров, для новичков лучше и не найти. Недавно ввели в строй и зимний комплекс с бассейном шестиметровой глубины, чтобы не зависеть от суровой в наших краях зимы.

— Так вы еще только занимаетесь строительством или уже куете кадры?

— И то и другое: нужда заставляет. До того как стать в матросский строй, новобранец проходит четырехмесячный курс, где и овладевает необходимыми знаниями и навыками.

— Неужто столь малого срока достаточно для подготовки боеспособного водолаза?

— На чистой воде — да. Вы, конечно, скажете: но работать-то впоследствии приходится в мутной — разница ощутимая. Мы учитываем это и буквально в первые же дни после прибытия курсантов в отряд стараемся свести ее на нет: нескольких десятков хорошо организованных спусков в речных условиях на течении вполне хватает, чтобы водолазы попривыкли к новой обстановке и поверили в свои силы. Кстати, в этом же учебном центре готовим запасников, в том числе и дальневосточников — потенциальный резерв отряда на случай боевых действий. Кроме того, выручают друзья-пограничники: на их базе обучаются наши мотористы и рулевые.

— Не дороговато ли, Юрий Иванович? Ведь пограничная «учебка», расположена не близко.

— Согласен, накладно. Потому и планируем на перспективу, несколько увеличив штат специалистов-механиков, посадить будущих мотористов за свои собственные байкальские «парты».

— Справитесь?

— Почему нет? Создали же мы водолазам все возможности для спусков с проведением взрывных работ и применением специального оружия. Тоже нелегко было. Осилит и этот Монблан.

— А что это за специальное оружие?

— В основном подводные автоматы и пистолеты, а на катерах — многоствольные реактивные установки.

— Насколько я понял, если завтра в поход — вы себя покажете. А что сегодня подтверждает выучку тех же водолазов?

— Во-первых, результаты спусков и плановых подводных стрельб по специальным мишеням. Во-вторых, совместные учения с морским спецназом Тихоокеанского флота. Вспомним хотя бы последнее, крупномасштабное. Одно из подразделений отряда во взаимодействии с заставой наших войск по охране участка железной дороги защищало мост от нападения «противника», со стороны акватории и с суши. Разведка доложила: «вражеский» десант высадился в пятнадцати километрах от моста за пять суток до начала операции. Для взрыва объекта под водой «неприятель» применил семь групп боевых пловцов. Так вот, только один «диверсант» сумел подойти к опоре. Остальных выловили наши сторожевые катера.

— Это хорошо или плохо?

— Сравните: на учениях «Амур-81» при нападении на мост четырех групп «противника», мы взяли лишь одного. Выходит, уровень профессионального мастерства водолазов заметно вырос.

— Отрадный факт. Юрий Иванович, мне непонятно, как и где вы подбираете призывную молодежь, которую безбоязненно через несколько месяцев можно опускать на речные глубины?

— Это проблема проблем. На первых порах, на заре становления отряда, спасибо командующему внутренними войсками, приходили здоровые и крепкие ребята с техническим образова-

ем и хорошей начальной военной подготовкой — грешно было жаловаться. А вот ныне наше положение ухудшилось. Возьмем, к примеру, водолазов — офицеров и мичманов. Раньше они обязательно в течение месяца проходили стажировку в Севастополе, где сдавали экзамены на классность и пробовали свои силы в одной упряжке с аналогичными подразделениями Черноморского флота. Теперь это уже история. Другой источник — училище в Волжске, которое готовило водолазов для инженерных войск. На месте знакомили их со спецификой службы, адаптируя к новым условиям. Сейчас и там перед нами опустели шлагбаум: говорят, самим людей не хватает. Так что вы этим вопросом угодили прямо хонько в самую болевую точку. Ох и мало ныне желающих служить Отечеству два года, а не полтора, как в пехоте. Но слава Богу не оскудела земля русская энтузиастами и романтиками.

— Только на них и держитесь?

— Нет, разумеется. Приходится и самим вертеться и выкручиваться. Поневоле идем на некоторые уступки — призываем ребят, которые предпочитают два года служить в родном краю, нежели полтора неизвестно где.

— Юрий Иванович, как и в любой другой части, у вас наверняка есть настоящие асы своего дела, задающие тон остальным?

— Конечно. И лучшие из лучших — капитан 3 ранга Владимир Стракович, начальник водолазной службы, старший мичман Александр Чередник, командир водолазного взвода. Впрочем, их могло бы быть намного больше, если бы мы обеспечивали людям нормальный быт. Классные специалисты-мичмана — а они основа любых флотских подразделений — уходят, потеряв всякую надежду получить жилье.

— И никак их не закорить?

— Пытаемся, бьемся как рыба об лед. Но увя... Достаточно сказать, что за последние шесть лет мы получили всего-навсего одну квартиру. Капля в море.

— А как же контрактный способ комплектования?

— Что я отвечу? Стоит перед нами такая задача, да вот только добровольцев нет. Мотористов, наверно, подберем, а с водолазами сложнее. На гражданке они зарабатывают примерно в три-четыре раза больше, чем в вой-

сках. И дисциплина у нас построже — служба. Предлагаем — отказываются. Выход? Одно из двух: нужны или фанаты, или иные заработки.

— Кому они не нужны?! А лучше и то и другое. Но вернемся от мечтаний к реалиям. Юрий Иванович, что включают в себя ваши надводные силы?

— Катера, относящиеся к кораблям четвертого ранга, оснащенные специальным оружием и оборудованием. Малые быстроходные катера, а также катера на воздушной подушке.

Кстати, многим вашим читателям небезынтересно будет узнать, что Указом Президента России учрежден военно-морской флаг и выпел кораблей (катеров) внутренних войск МВД страны, что придало международный юридический статус нашим частям.

Планируем и впредь постоянно обновлять и пополнять свой технический парк: командование идет нам навстречу.

— Товарищ капитан 1 ранга, если не секрет, как выглядят ваши боевые порядки?

— Первоначально водолазы находились на каждом большом катере, несущем службу. Правда, когда он проходил по фарватеру, никто из обывателей не догадывался, что перед ним специально оснащенное судно.

— Маскировка?

— Специфика деятельности: в рекламе не нуждается. Так вот, катер придался подразделению, охраняющему железнодорожные коммуникации, и во взаимодействии с ним выполнял задачи. Люди изучали местность, обследовали опоры мостов, глубины, возможные подступы к объекту, береговую линию, контролировали обстановку на близлежащих островах, наносили данные на карты — словом, баклуши не били. Позднее, после пополнения технического парка, в целях укрепления боеготовности части большие катера начали действовать самостоятельно (но малые придаем по-прежнему). Создали водолазные группы, мобильные, способные качественно осмотреть любое гидротехническое сооружение на территории Дальнего Востока. Доставка — на катерах, вертолетах, автотранспорте.

Служба вошла в оптимальное русло, и качество ее улучшилось. Это подтвердили итоги прошлого года, когда

командующий приказал осмотреть все объекты, находящиеся под охраной. И мы успешно справились с задачей. Кстати, обнаружили серьезные повреждения четырех опор железнодорожных мостов, которые могли повлечь за собой катастрофу. И вовремя дали сигнал SOS. Впрочем, подобные «находки» числились на нашем счету и ранее.

А тут командование разрешило нам работать в интересах других ведомств, и, скажем так, небезвозмездно.

— То есть вы удачно вписались в рыночную экономику?

— Как воздух водолазу, части нужны средства и для закупок техники, и для строительства учебно-материальной базы, да мало ли потребностей! Обращаются к нам, допустим, железнодорожники с просьбой осмотреть подводные коммуникации и подготовить соответствующую документацию. Пожалуйста, вот наш расчетный счет, оплачивайте. Все на договорной основе. Помогаем и Российской армии, флотским формированиям, не имеющим водолазов.

— Тоже за плату?

— Что вы, на условиях взаимодействия. Сегодня мы их выручаем, завтра — они нас. Кстати, о взаимопомощи: на базе одной из таких частей, располагающей прекрасным глубоким бассейном, мы организуем боевую подготовку водолазов зимой, дабы они не теряли практических навыков.

— А сильно ли рискуют ваши парни при спусках, Юрий Иванович?

— Ну что же это за боевая служба, если в ней нет элементов риска! Тьфу, чтоб не сглазить, но пока сбоев не было. Вот уж воистину ситуация, когда от подготовленности военнослужащего напрямую зависит не только его здоровье, а и жизнь даже во время учебы,

— жесткий стимул для боевого совершенствования, ничего не скажешь.

— Да уж, стимул для настоящих мужчин. Практически во всех частях и соединениях внутренних войск есть подразделения спецназа. А у вас?

— Пожалуйста, любой водолазный взвод после непродолжительной соответствующей подготовки — морской спецназ, способный выполнить сложные задачи под водой, которые «краповым беретам», не по силам.

— Юрий Иванович, не скрою, готовясь к встрече с вами, размышлял над тем, действительно ли нужны внутренним войскам водолазы, ведь раньше как-то обходились без них?

— Изменилась обстановка в стране — появились новые задачи, а стало быть, нужны боевые структуры для их выполнения. Посмотрите, концепция развития внутренних войск требует не только усилить охрану важнейших сооружений со стороны акватории, но и взять под свою опеку АЭС. В интересах безопасности державы.

— А сами вы ощущаете свою принадлежность ко внутренним войскам или, откровенно признайтесь, посматриваете на них свысока, как флот на армию?

— Пустое. Отряд, повторяю, охраняет важные государственные объекты внутри страны — факт. Так кто же мы в этом случае, если не внутренние войска? Может, даже в большей степени, чем некоторые другие. Ни одна из частей не гарантирована от реформирования, сокращения или, допустим, передачи в иное ведомство. Кроме нашей. Нет в России другой структуры, которой по силам взвалить на свои плечи эти нелегкие обязанности.

— Спасибо вам. И семь футов под килем!

Дополнение начальника морского отделения ГУКВВ МВД России капитана 1 ранга В.Н.Бышкова

В настоящее время кроме морского отряда, о котором шла речь, существует и другой, охраняющий базы атомного флота и атомные суда на севере страны. Плюс к тому создан дивизион сторожевых катеров по охране закрытых административно-территориальных образований со стороны акватории. Сейчас рас-

сматривается возможность участия морских частей (подразделений) войск совместно с органами внутренних дел в обеспечении общественного порядка на акватории рек, озер и других водных путях, расположенных в районах с особо ценными природными ресурсами России.

А было так...

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

"...Все как один руки подняли. А у нас с замполитом слезы потекли. Нервы после всего уже не выдержали".

(Из рассказа командира батальона подполковника Сергея Демиденко).

Когда ему предложили новую должность, Сергей долго не раздумывал, хотя до него от этого назначения семь офицеров отказались.

— Им никакого резона не было идти на тот батальон, — объяснял Демиденко, — они служили в хороших, спокойных местах. От добра добра не ищут, особенно в наше время. А мне терять было нечего. Что в Гяндже на бочке с порохом сидел, что в Грозном — такую же бочку предложили, только к России поближе. Вот и согласился.

Два месяца откомандовал он на новом месте, и тут объявился национальный лидер, который повел соплеменников к суверенитету, перешагивая через все и вся, даже через кровь. Чечня бурлила, к ней было приковано внимание всего мира. Подобных прецедентов "откусывания суверенитета", еще не было.

Батальон внутренних войск в те дни охранял здание Министерства внутренних дел и не давал боевикам его захватить. Он был для них и лакомым куском, и костью в горле одновременно.

Все войсковые части, расположенные на территории республики, были

объявлены конфискованными у "империи", в пользу независимой Чечни. Повсюду появились не столь военные, сколь воинственные полномочные представители президента с написанными от руки мандатами. Свою подпись главнокомандующий вооруженными силами Чеченской Республики скреплял президентской печатью с изображением волка на фоне луны. Воинским частям, отказавшимся изменить присяге, надлежало сдать оружие и технику и покинуть территорию суверенной Чечни.

Появился посыльный и в батальоне майора Демиденко. Глаза горят энтузиазмом, за спиной охрана, осознание вожденной власти мешает говорить.

Начал он с оглашения указа своего президента, на что получил ответ офицера:

— У меня есть свое командование, его приказы я и выполняю.

Уполномоченный чуть из камуфлированных революционных шаровар не выпрыгнул, но угрожать сразу не стал, решил купить заартачившегося комбата. Показал на красный «Форд», на котором приехал, и пообещал:

— У тебя такой же будет. Переходи на нашу сторону, мы тебя начальником республиканской таможни сделаем, квартиру дадим, какая тебе в России и не снилась. Что ты там забыл? Нищенскую зарплату, которую к тому же не каждый месяц дают?

Демиденко смотрел из этого коммивояжера и удивлялся примитивности его тактики. Глядит лисой, а пахнет волком. И тот не замедлил очернить кляки. Увидев презрительную ухмылку офицера, мандатносец кивнул за спину, где у ворот КПП разворачивался бензовоз, и пригрозил:

— Если через три дня не сдашь оружие и не уберешься отсюда, зальем бензином военный городок и спалим всех и все.

Потом он повернулся к своим опричникам, блокировавшим выходы из части, и приказал, указывая на майора:

— Это их командир. Если он или подчиненные попытаются вынести хоть один патрон, его расстрелять первым!

ЦЕЛОВЕК СЕМЬСОТ национальных гвардейцев засели вокруг расположения батальона в ожидании поживы, словно грифы вокруг раненого льва. Поначалу они только бряцали оружием, постреливали в воздух да устраивали вокруг костров ритуальные пляски.

Неожиданную поддержку Демиденко получил от местных священнослужителей, которые по мере сил пытались успокоить свою распоясавшуюся молодежь. Во-первых, аксакалы вообще не хотели, чтобы на земле их предков пролилась кровь, а во-вторых, старались оградить от нападков военнослужащих именно этой части, поскольку те помогали им строить мечеть. Старики не видели в этих военных парнях врагов. Они пришли в казарму в надежде на то, что гвардейцы в их присутствии по окнам стрелять не станут, проявят традиционное кавказское уважение к старшим. Но, видимо, под зеленые знамена собрались не те лю-

ди, для которых вековые обычаи святы. Вскоре зазвенели разлетающиеся вдребезги стекла. Началось с камней, а потом засвистели и пули.

Демиденко предложил старикам покинуть казарму, не подвергать себя риску. Те отказались. Дверь забаррикадировали кроватями и тумбочками. Еще до начала стрельбы комбат отбил наверх телеграммы по четырем адресам, доложив о полученном ультиматуме и испросив инструкции насчет дальнейших действий. Ответа ниоткуда не получил.

— Вход в часть через КПП мы перегородили бэтээром, из которого вытащили аккумулятор. Вторым закрыли дверь в казарму, — вспоминал Сергей. — Теперь толпой к нам ломануться стало не так просто. А карабкаться поодиночке боевики долго не решались.

На случай обороны городка у нас были рекомендации: поставить бэтээры на плацу, а перед казармой вырыть окопы. В сложившейся ситуации эти предписания оказались ненужными. Они имели бы смысл, если бы мы получили разрешение открывать огонь. А такого приказа нам никто не давал. Относительно сдачи оружия у меня был разговор с тогдашним командующим войсками генерал-полковником Саввинным. Он без обиняков заявил, что такой команды не даст. И так, стрелять нельзя, оружие сдавать нельзя, вывезти его нет никакой возможности. Оставалось только сидеть и ждать, когда тебе котелок продырявят...

Демиденко собрал офицеров и прапорщиков и объявил:

— Кто не чувствует в себе готовности в данных обстоятельствах выдержать все до конца, уйдите сразу. Так будет лучше для всех.

Ушел капитан Гасанов и увел с собой пятнадцать солдат-дагестанцев. Накануне событий он клялся командующему, что скорей погибнет, чем сдаст оружие или покинет часть. Заместитель начальника штаба батальона Гаярбеков тоже ушел. Но его и осуждать трудно: он чеченец и земляки пообещали вырезать его семью, если он останется в батальоне. Начальник штаба капитан Ростовцев понес Знамя части на квартиру к надежному человеку. Он унес ключи от «секретки», и пришлось потом комбату с замполитом высаживать стальную дверь, чтобы уничтожить секретные документы. Кроме них двоих и солдат с сержантами в батальоне остались два прапорщика,

два лейтенанта и полковник Харичкин из регионального управления внутренних войск. Он в батальон приехал в командировку в составе группы. Когда началась заваруха, Харичкин остался с комбатом и замполитом, спокойно заявив: "У меня еще срок командировки не истек". Он был в форме защитного цвета и среди личного состава батальона, носившего милицейское обмундирование, резко выделялся, привлекая к себе особое внимание изготавившихся к штурму боевиков. Пришлось выделить полковнику солдатский бушлат. В два часа ночи начался штурм. Оборону держали врукопашную. Но силы были не равны. Сначала штурмовики захватили столовую, в три часа ворвались в учебный класс, в четыре — подожгли крышу. К этому времени почти весь первый этаж был захвачен. Солдаты забаррикадировались наверху.

Узел связи еще оставался в руках обороняющихся. Комбат не раз связывался с начальством разных уровней, просил подмоги, а в ответ слышал: "Ты держись, мы тут разберемся". Или: "Сам держись, а мы прикинем, что можно сделать". Словом, пока наверху прикидывали и разбирались, Демиденко с остатками батальона должен был держаться за воздух. Почему с остатками? Да потому что к четверем часам утра из 152 солдат 52 были ранены, а 42 кавказца дезертировали.

В РОССИИ оперативные части в это время укладывали вещмешки, офицеры ни на шаг не отходили от телевизоров, не имея других источников информации о событиях в Чечне. А майор Демиденко в Грозном сидел на полу казармы, подперев спиной решетчатую дверь комнаты для хранения оружия, ключи от которой были привязаны к гранате. Эту гранату он держал за пазухой, а рядом с решеткой стояли ящики, полные таких же гранат. Аксакалы, так и не покинувшие комбата, сидели рядом с ним. Под ударами нападавших трещали тумбочки и кровати, преграждавшие вход на второй этаж.

К командиру подошла группа солдат. Один, выражая общее мнение, сказал:

— Товарищ майор, надо уходить.

— А оружие? Отдать его мы не можем. Нет такого приказа, — возразил Демиденко.

— Неужели вы не видите, — воскликнул другой солдат, — нас же все просто бросили, мы никому не нужны!

Что мог возразить комбат? Вспомнилась фраза училищного преподавателя: "Партполитработа на учениях заключается в следующем..." На учениях — понятно, проходили. А перед смертью?

— Бросили нас или нет, а я сдать оружие не могу, — сказал командир. — Кто из вас уверен, что сможет потом оправдаться перед людьми и своей совестью за то, что оставил в бою командира, тот может уходить.

— Да что же это за бой такой? В нас стреляют, а нам нельзя!

— Если мы хоть раз выстрелим, нас просто взорвут. Этим головорезам только повод нужен, — стал объяснять Демиденко, но тут сержант с узла связи крикнул:

— Товарищ майор! Москва на проводе!

Сергей рванулся к телефону, как утопающий к спасательному кругу, и услышал в трубке ослабленный километрами проводов спокойный голос дежурного по главку:

— Доброе утро...

"Ни хрена себе доброе!", — мысленно выругался Демиденко.

— ... Мы тут получили вашу телеграмму, — продолжал дежурный, — в которой вы сообщаете, что Дудаев дал вам три дня срока...

— Как дал, так и взял, — перебил Сергей, — штурм всю ночь идет, пули по казарме свистят, больше полусотни раненых!

— Понятно, — пробормотал дежурный...

Демиденко позвонил в соседний полк, где находился генерал из регионального управления внутренних войск:

— Товарищ генерал, я не знаю, чего от меня ждут: то ли жертв, чтобы наконец начать что-либо предпринимать, то ли капитуляции, чтобы потом всех собак на меня же и повесить. Солдат я укрыл в клубе, сам с гранатой сижу возле ружья. В последнюю минуту подорву себя вместе с оружием, если никакого решения так и не будет принято...

— Погоди, погоди, — зачастил голос в трубке, — сейчас что-нибудь придумаем.

Демиденко вернулся к двери ружья. Вместе с полковником Харичкиным они уничтожили ключи от шифровальной аппаратуры и составили об этом

акт. Печать комбат сунул под бронезиловый чехол. Ее потом никто не искал. Борцам за суверенную Чечню было не до того, они бросились потрошить солдатскую каптерку, склады части и автопарк.

В полдень наконец поступило распоряжение сдать оружие представителям чеченского МВД. Изрядная часть затворов от автоматов к этому часу была уже утоплена в туалете. Комнату для хранения оружия комбат оставил закрытой, ключи вместе с гранатой лежали у него в кармане. Солдаты с офицерами построились во дворе, поддерживая раненых, двинулись в полк — двенадцать километров пешком по бурлящему городу.

ЗНАМЯ ЧАСТИ в это время было тоже в пути, но двигалось оно скрытно и другим маршрутом. С одной квартиры его переправили на другую, оттуда — во Владикавказ, а потом — в Ростов.

Несколько часов спустя «победители» обнаружили, что большая часть захваченного в части оружия и двигатели машин приведены в негодность, зато осталось еще кое-что на складах из продовольствия, обмундирования. На время «победители» обратились в захватчиков — каждый жаждал трофеев. Спустя несколько минут все было начисто разграблено.

На территорию полка недавние осажденные прибыли в таком виде, что краше в гроб кладут: грязные, оборванные, в кровоподтеках и ссадинах. Еще бы! Кипящий котел только рака красит. Встречать их высыпали все, кто мог. И на глазах у всех комбат доложил генералу:

— Товарищ генерал, в строю со мной сто десять человек. Вот ключи, ружьёвня закрыта.

А в ответ услышал:

— Да хрен с ними! Кому они теперь нужны?

А тем ключам вместе с гранатой да с подробным описанием полной испытаний ночи самое бы место в музее внутренних войск.

Впрочем, что уж об одном экспонате жалеть, когда целый музей в распыл пустили. Его по крохам собирали военнослужащие батальона, в котором майор Демиденко служил до перевода в Грозный. В Гяндже дело было. Многие экспонаты для музея части солдаты и офицеры из-под огня выносили. Там хранились личные вещи военнослужа-

щих, погибших в боях, простреленные каски, окровавленный бронезиловый чехол, гильзы, осколки, разбитое оружие, карты местности. По просьбе замполита местные художники написали для музея картины, отображающие эпизоды боев, портреты павших героев. С магнитофонных лент звучали воспоминания их сослуживцев и родственников...

Да что музей — сам батальон расформировали. А какая часть была! Такую в войсках еще поискать! При штатной численности всего в 150 человек девять награждены орденом Красной Звезды, двое — орденом «За личное мужество», и пятьдесят семь (!) — боевыми медалями, пятеро военнослужащих погибли в боях.

Уже после расформирования, после грозненской осады, когда получивший звание подполковника Сергей Демиденко служил на территории России, ему позвонили из Центрального музея внутренних войск и спросили:

— Сергей Викторович, а вы помните, у вас в Гяндже был музей? Что с ним стало?

Он-то помнит! Разве забудешь, когда многие экспонаты окроплены кровью твоих товарищей?! Нет больше ни музея, ни части, только память осталась. А какие люди там служили! Взять хоть старшего лейтенанта Олега Черная, Кавалер ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР». Еще лейтенантом ему довелось с отделением солдат оборонять заставу в горах, на которую напало больше двухсот боевиков. Молодой офицер так сумел организовать оборону, что с горсткой солдат одну за другой отражал атаки превосходящих сил противника. Это притом, что по ним, кроме стрелкового оружия, стреляли шесть пушек.

А кабардинец сержант Заур Бештоков! Медаль, к которой боец был представлен за проявленное мужество, привезли подполковнику Демиденку, когда замкомвзвода уже уволился в запас.

— Пришлось искать боевого товарища, — рассказывал офицер. — Взял с собой старшего лейтенанта Черная, троих солдат, служивших с Зауром в Гяндже, и председателя местной кабардинской общины, и на двух машинах поехали в село к Зауру. Адреса точного мы не знали. Показывали односельчанам фотокарточку сержанта и так его искали. Но, во-первых, фотография была некачественная, во-вто-

рых, человек в военной форме выглядит совсем не так, как в гражданке, а в-третьих, там полсела Бештоковых. Долго искали, но нашли. Самого Заура дома не оказалось. Вышла к нам его мать. Я ей сообщаю, дескать, привез награду ее сыну, а она не верит, что это именно Заур награжден. Мы ей карточку показали. Тогда женщина побежала в дом и вынесла дембельский альбом Заура. Открыли — а там все мы: и я, и Чернай, и весь наш батальон. Аж дыхание перехватило! Вручили матери медаль. Потом и наш герой подошел. Обрадовался! Соседи и родственники стали подтягиваться. Мы ведь чуть ли не все село оповестили, пока парня искали. Приятно вспомнить!

Сергей Викторович замолчал. Улыбка, не сходящая с его лица, подтверждала, что мысленно комбат еще там, в гостях у своего бывшего подчиненного. Вдруг он спохватился, хмыкнул и заговорил снова:

— В Баку интересная история приключилась. Повез я в штаб дивизии троих солдат. Им там должны были вручить орден Красной Звезды вручать. Вручили. Поздравили. Они награды к мундирам прикрепили. Сидим уже на вокзале, ждем автобуса. Идет старик. Увидел сначала у одного из солдат орден и возмущенно говорит: "Мой отец воевал под Сталинградом и там такой орден получил. А ты, мальчишка, чужой нацепил. Как тебе не стыдно?!" Тут мы на его голос обернулись, и он увидел еще у двоих солдат по "Звездочке", — растерялся до крайности. А я ему и говорю: "Уважаемый, вы правы, что они еще мальчишки, но ошибаетесь, что ордена у них чужие. Парни их заслужили в бою в Казахском районе". Старик сначала смутился, извинился, потом стал бойцов поздравлять. И вдруг горько так говорит: "Разве думал мой отец, что внуки друг на друга с оружием пойдут?!" Он снова взглянул на юных орденосцев и с проницательной болью произнес: "Воюющие дети невоевавших отцов! Спаси, Аллах!"

Сергей Викторович снова притих, а потом заключил:

— Вот такой у нас был батальон...

А я подумал о нем самом. Ведь он награжден боевой медалью и орденом. Медаль "За боевые заслуги", Демиденко получил в девяностом году за бой под армянским селом Манашид. А орден — за... Впрочем, это особая история.

В ИЮНЕ девяносто первого года в перестрелке на узкой горной дороге застрял бронетранспортер, в котором сидел майор Демиденко, — двигатель заглох. Сзади вынужден был остановиться и второй "броник".

— Сами не заведемся, — с компетентной тоской констатировал водитель, — надо, чтоб толкнули.

Связи со вторым бэтээром не было, так как на нем от антенны даже обрубка не осталось — из пулемета срезали. Снаружи творилось что-то невообразимое: пули по броне долбили с частотой швейной машинки, будто саван шили. Но пули-то — леший с ними. Как бы по неподвижной цели гранатой не ударили. По одной и по второй. Две братские могилы. И тут Демиденко пробормотал:

— Ну толкать так толкать, — и открыл люк в борту с противоположной обстрелу стороны.

— Вы куда, товарищ майор?! — всполошился водитель. — Там же...

— Не переживай, — перебил бойца Демиденко, — я же не сам толкать буду.

И выскочил наружу. Отчаянным броском — так быстро он ни на одном экзамене не бегал — Сергей промахнул расстояние до второго "броника". Оттуда его заметили и распахнули люк. Оказавшись внутри, он стал объяснять задачу водителю, но тут обратил внимание на то, что с его места не видно ни дороги, ни второго бэтээра — нос машины, приподнятый небольшим взгорком, глядел в небо.

— Давай за мной! — крикнул командир, выскакивая на дорогу, и пошел перед бронетранспортером, показывая водителю, куда править. Пули снова, как пчелы на разоренной пасеке, но, видно, в этот день судьба его хранила.

Аккуратненько подтолкнули заглохший "броник", пока тот не кашлянул сизым дымом и не завелся. Снова обрета ход, обогнули распадок и врезали по полной схеме тем, кто только что расстреливал машины на серпантине.

Похожая история показана в художественном фильме "На войне как на войне". Там командир САУ младший лейтенант Малешкин бежал перед самоходкой, показывая в дыму дорогу растерявшемуся механику-водителю. Спас машину, а потом и решил исход боя в пользу своей дивизии. Происходило это во время Великой Отечест-

венной войны. Выходит, по сей день не перевелись на нашей земле Малешкины. Сергей Демиденко был награжден орденом "За личное мужество". Хорошее название у награды — самую суть выражает.

А всего через два месяца командир дивизии снова представил майора Демиденко к ордену, теперь уже — к Красной Звезде. Но Сергей ее не получил. Впрочем — все по порядку.

В ОДИН прекрасный августовский день на гянджинский аэродром свалился Ил-76 с целым взводом начальства. Ну не в буквальном смысле свалился, а просто нагрянул неожиданно, как снег на голову. В этой внезапности есть особая начальственная доблесть: забота о боеготовности демонстрируется очень зримо и встречающим трепету придает. Правда, гянджинский батальон, стоящий на перекрестке и земных, и воздушных дорог в Карабах, подобными ходами потрясти было трудно. Привычка срабатывала, как у рыбы, прижизненной под железнодорожным мостом: грохочи не грохочи, страху не нагонишь.

Так вот, начальство приземлилось, его встретили, препроводили, разместили и стали ждать. Ожидание было недолгим. Вечером того же дня майора Демиденко вызвали в штаб мотострелковой дивизии. Армейский генерал упер палец в некую точку на карте и без лишних экивоков известил:

— Завтра в пять ноль-ноль я наношу здесь район обороны вашей части, значит, не более чем через два часа он должен появиться и на местности.

Сергей пригляделся к топографическому узору и прикинул: от расположения батальона до генеральского пальца по прямой — километров шестьдесят. А на часах уже — двадцать два с копейками. Выдвигаться придется ночью. И потом, карта — она везде одинаково гладкая, палец по ней скользит, не спотыкаясь, а если тем же маршрутом по земле двигаться, верст сто выйдет с гаком, а как тот никто не мерил.

Генерал продолжал:

— Через вас под ударами армейских сил будут отступать боевики. В вашем тылу — староверческая деревня Русские Борисы. Задача: заставить отступающих обходить деревню и как можно дальше, чтобы ни один дом не сгорел и ни один житель в заложники не по-

пал. А то будут нам потом ультиматумы диктовать. Вопросы?

— Сколько сил у боевиков на нашем направлении?

— До чертовой матери. А если точнее, то значительно больше, чем у вас. Поэтому ваш успех будет зависеть от выбора и оборудования района обороны. Опыт есть?

— Мангруппами выдвигались и бои вели, а в составе батальона окапываться будем в первый раз, — признался майор.

— Можно было бы кое-что на карте прикинуть, — неуверенно предложил генерал, — да погрешность у нее — плюс-минус трамвайная остановка. Ну да ничего, не боги горшки обжигают. Все когда-то делается в первый раз. Желаю успеха.

В отношении карты он оказался прав. К четырем часам утра батальон вышел к развилке дорог: шесть проселков разбегались веером, а на карте — никаких развилок. Вещего камня на распутище не было. Стало быть, заранее не узнаешь, где что потеряешь. Послали разведку на бэтээре. Разведчики трижды возвращались, то наткнувшись на завал, то оперевшись в отвесную скалу, то заглянув за край пропасти. Но хорошо еще, что кроме времени, ничего и ничего не потеряли. Четвертая дорога оказалась искомой. В половине пятого поднялись на перевал и увидели внизу деревню. Конопатый и рыжий, как факел, пастушок, гнавший по склону горы коз, подтвердил, что это и есть Русские Борисы.

Копая вместе с солдатами окоп для бронетранспортера, Демиденко вспомнил диалог из какой-то книги. Внук спрашивает деда:

— Дед, ты на войне много стрелял?

— Нет, — отвечает старик.

— А что ж ты там делал?

— Копал...

НУ А ПОТОМ были бои. Трое суток боев с короткими передышками. Численность боевиков генерал предсказал точно только на первый день, тогда их действительно привалило до чертовой матери, а потом еще больше. Ни один и близко к деревне не подошел. Попытаться-то пытались, да только получили от ворот поворот.

Позже на позиции батальона был выброшен десант высокого начальства. Гости только что не вершками обмеря-

ли окопы и траншеи. Тот генерал, что ставил задачу Сергею, увидев его, молча оттопырил большой палец, а потом прищурился и ехидно поддел:

— Ой врешь, майор, что в первый раз батальоном окапывались!

Так вот за эти трое суток со стопроцентным КПД и полным отсутствием потерь комдив и представил майора Демиденко к Красной Звезде. Да только то представление к какому-то столу канцелярской кнопкой пришили. Почему? А по самой популярной причине — срока до очередной награды Сергей не выходил. Где это видано, чтобы через два месяца после первого ордена второй давать?

Боевых окопников приучили к тому, что наверху лучше знают, как оценить бой: кого казнить, а кого миловать, кому — на грудь, а кому — по шапке. Взять хоть наш разговор с подполковником Демиденко о его несостоявшемся награждении. Что я от него услышал? О том, что его награду затерли, он сказал как о само собой разумеющемся:

— Это ж естественно, два ордена подряд не дают...

СЕГОДНЯ подполковник Демиденко служит в России, хотя и по соседству с теми местами, где воевал. Командует тем самым батальоном, который вывел из Грозного. А ведь и этой части грозило расформирование.

После выхода из Чечни ее разместили в учебном центре одного из соединений. На третий день после новоселья приехал генерал-полковник В. Саввин.

— Он зашел в канцелярию, — вспоминает комбат, — и сказал нам с замполитом, что приехал расформировывать нашу часть. Я спросил, почему. А командующий, пристально глядя на меня, произнес: «Есть мнение, что она деморализована». Чье мнение, спрашиваю. А он, не отвечая, сам задает вопрос: «У вас есть другое?». Так точно, говорю, — прямо противоположное. Знамя части мы сохранили, а что касается оружия, так в нашем случае, как говорится, не о том речь, что виновного сечь, а о том, где он. Саввин глаза отвел, потом и говорит: «Ладно, посмотрим; собирайте людей». Собрались в столовой. Командующий объявляет: «Ваш батальон расформировывается; дослуживать будете в разных частях, где поспокойней, подальше от Кавказа». Все удрученно молчат. А один боец и говорит: «За что же нас

так? Чем мы хуже других? Мы хотим в своей части служить и со своими командирами». Тут генерал-полковник спрашивает: «Кто это „мы“? Поднимите руки, кто разделяет это желание». Все как один руки подняли. А у нас с замполитом слезы потекли. Нервы после всего уже не выдержали. Вот так и решилась судьба нашей части. Не стали нас разгонять.

Просьба офицеров и солдат оставить батальон на Северном Кавказе тоже была удовлетворена. Вскоре он и собственную крышу обрел, отремонтировав казарму, оставленную передислоцированным стройбатом. Администрация города встретила новоселов радушно. И в ремонте большая помощь была оказана, и в налаживании быта. В батальонной кассе сейчас — кот наплакал, а на новом месте обжиться по нынешним временам — только успевай отстегивать. Но, как говорится, денег ни гроша, да слава хороша. Батальон в городе ко двору пришелся, и многие предприятия ему помогают безвозмездно.

Военнослужащие, в свою очередь, активно взялись за наведение общественного порядка на улицах. Только за прошлый год ими обезврежено 80 преступников, у которых изъяты наркотики, оружие, фальшивые деньги.

Раньше в этом городе не было внутренних войск, что ко многому обязывает и батальон, и его командира. Нужно держать марку, завоевывать авторитет. И похоже, это им удается. Ведь не с бухты-барухты в прошлом году горожане проголосовали за подполковника Демиденко на выборах в краевой Совет народных депутатов. Прошли те времена, когда бюллетени в урну опускали, даже не взглянув на фамилию кандидата.

СЕЙЧАС У КОМБАТА хлопот — выше головы. И как командир успевай, и как хозяйственник. Что его сегодня заботит помимо службы? Кирпич, трубы, плиты, краска... И эти заботы — в радость, куда лучше, чем обстрелы, окопы и скорбные построения для прощания с погибшими товарищами. Осточертела война! Чтоб ей ни дна ни покрывки!

Подполковник Б. БУЛГАКОВ.

*Северо-Кавказский округ
внутренних войск МВД России.*

Будни планового караула

ЭХ, ДОРОГИ...

В БРЕСТЕ ЭТО СЛУЧИЛОСЬ. Спецвагон отцепили от состава и отбуксировали на соседний путь. Маневровый мотовоз, прощально свистнув, укатил, оставив своего зарешеченного подопечного сиротливо маячить на пустой площадке. В служебном купе стажер начальника караула прапорщик Валерий Баранов по-школярски старательно выводил каждую букву, оформляя документы. И вдруг вагон содрогнулся от сильнейшего удара. Валерий стукнулся об угол стола и застонал от боли. Начар прапорщик Александр Казанков, сидевший рядом, беспомощно растопырив руки, оторвался от сиденья и головой достал противоположную стенку. Со второй полки свалились три бутылки пепси, разбились, осыпав его осколками стекла и обильно полив пузырящейся жидкостью. Он закашлялся от неведомо откуда появившейся угольной пыли и быстро выскочил из купе. В соседнем, чертыхаясь, поднимались с пола солдаты, потирая ушибы и ощупывая ссадины.

Казанков метнулся в коридорчик: что там на посту? Ничего утешительного: часовой лежал в проходе, двери камер открыты настежь, по три массивных замка на каждой будто бритвой срезало. «Не дай Бог кто ушел», — подумал на бегу. Куда там! «Пассажиры», были в полном трансе и ни о каком побеге даже не помышляли. Им досталось еще больше, чем солдатам (позднее одного увезли в больницу с сотрясением мозга, другого — с переломом шейных позвонков).

Казанков привел в чувство часового, благо тот не пострадал, только часто-часто моргал от испуга; закрыл камеры с осужденными и, выставив дополнительные посты (служба превыше всего), спрыгнул с подножки на «улицу».

Впритык натужно пыхтел несколько минут назад отчаливший маневровый. За чем он вернулся и как умудрился вписаться в спецвагон — вопросы. Ошарашенный машинист тарашил округлившись глаза на прапорщика не в силах совладать с враз потяжелевшей и потому отвисшей челюстью.

— Стой где стоишь и ничего не трогай! — бросил ему Казанков и побежал по железнодорожным путям в сторону вокзала. Спустя пять минут он, черный от угольной пыли, со слипшимися волосами, смоченными лицензионным пепси, и в мокрой одежде, ворвался в кабинет начальника станции...

Наверное, оттого, что рассказ Александра Владимировича я слушал в спецвагоне, где разместился плановый караул, напряжение, которое довелось ему пережить тогда, невольно передавалось и мне. Шутка ли, отконвоировать по путям, между составами более полусотни осужденных из разбитого вагона к машинам, прибывшим для того, чтобы доставить их в следственный изолятор. Ведь стоило только одному, самому отчаянному, сигануть в сторону, отвлечь караул, и остальные разбежались бы в два счета. Ищи потом ветра в поле.

Прапорщик Казанков провел ладонью по короткому жесткому ежику волос, подсеребренных сединой, повернул голову к окну, где как на парад выстроились в шеренгу стройные березки, и продолжил:

— Иной раз приходится слышать, что, мол, у нас служба спокойнее, нежели в караулах по охране ИТК. Пустое. Там заборы, колючая проволока, датчики разные, сигнализация — словом, система охраны. Да и осужденные вроде как родные, знакомые, годами сидят,

уже ясно, кто на что горазд. Знаешь, за кем глаз да глаз нужен, кому совесть — и судья, и контролер. А у нас: принял — сдал. Нет, конечно, смотрим, по какой статье осужден, на сколько лет, чтобы определить, где разместить, от кого изолировать на всякий пожарный. И практически все. Дальше — гляди в оба...

Вагон то плавно раскачивался на рельсах, то остервенело бросался из стороны в сторону, то с буферным лязгом набегал на впереди идущий. В купе заглянул высокий сержант, растопыренной пятерней спрятал непослушный вихор под фуражку и, испросив моего разрешения, доложил начальнику караула:

— Личный состав к приему осужденных готов.

— Вот и славно. Подъезжаем, стало быть, — бодро откликнулся Казанков, а после ухода сержанта добавил: — Помощник мой, Ядченко Валентин. Отличный парень, контрактник, бывший моряк. Успел и в милиции поработать. Так что перед жуликами не робеет. И с солдатами ладит.

ОСТАНОВКИ на обменных пунктах короткие, но для караула — напряженные. Рядовой Руслан Клочков споро занял место у входа. Прапорщик пробежал наметанным глазом по пухлым конвертам с личными делами осужденных, удовлетворенно кивнул: порядок, дескать. И сидевшие до того на короточках преступники гуськом потянулись к составу. Первый, второй, третий... Сержант Валентин Ядченко и рядовой Александр Лосев сразу же распределяют "пассажиров", по камерам, и в каждого Казанков пристально всматривается, будто бы рентгеном просвечивает, пытаясь определить, кто есть кто и на что способен. Вот этот молодой парень с большим шрамом на стриженной голове, похоже, на многое. Нужно держать ухо востро. Осужденный, словно ощутив на себе изучающий взгляд начальника караула, споткнулся и ударился о ступеньку. Ругнувшись, обернулся: на лице подобие улыбки, надменной и презрительной.

Поехали.

Прапорщик Казанков пасьянсом раскладывает папки с личными делами, сортирует их.

— А вот и мой знакомый со шрамом. Так я и думал — рэкетир.

Смотрю на фото: безусое, почти детское лицо, упрямый взгляд, пухлые губы — обычная внешность, встретишь

на улице, и в голову не придет, что перед тобой преступник. Как распознаешь?

— Глаз — алмаз, — отшучивается Александр Владимирович. — Сам себя не похвалишь...

После досмотра помощник перераспределяет "граждан", по камерам, согласно "прописке", начальника караула.

— То, что в колониях и следственных изоляторах осужденных перед этапом обыскивают, вы знаете, — говорит Казанков. — А вот как они это делают — вряд ли. Я вам скажу: наспех, лишь бы побыстрее сбегать. Совершенно не думают коллеги о нашей безопасности и возможных последствиях. Ну да ладно, других бы забот не было.

А их хватает. Взять, к примеру, сопровождение лиц, коим высшая мера указом Президента заменена на пожизненное заключение. Как их конвоировать и содержать на этапе? В уставе, естественно, об этом ни строчки, ибо при утверждении свода правил конвойной службы такого наказания в уголовно-процессуальной практике в помине не было. А в условиях расширения демократии и гуманизации исправительной политики оно стало реальностью. Реальностью, не предусмотренной уставом. И что делать? В стационаре вроде бы ясно: нужны специально оборудованные тюрьмы, а не якобы исправительно-трудовые учреждения, ведь исправляться подобным людям, наверное, уже ни к чему, они обречены остаток дней своих провести за решеткой. А как быть с конвоированием?

— Везем мы вечного зека, скажем, в Ивдель, а на следующем этапе, глядь, знакомое лицо: возвращается. И заметьте, под охраной обычного караула. Так и катаем его туда-сюда, почему — непонятно. И главное, чем он отличается от смертника? Оба приговорены на всю катушку, оба не упустят возможности сорваться при удобном случае — терять-то нечего, кроме своих цепей. Но если у второго шансы невелики — за ним особый караул присматривает, то у первого возможностей побольше. Видимо, гром грянуть должен, чтобы мужик, ответственный за это дело, перекрестился. Пока же импровизируем на свой страх и риск.

КАРАУЛЬНЫЕ свободной смены активно обсуждают подробную мной дилемму: где лучше служить — в конвое или спецназе? Сквозь шумный говорок слышались обрывки доклада

из соседнего купе: "Обыск осужденных произведен. Обнаружено...". А через минуту вошел рядовой Александр Шелонин.

— Так что вы там обнаружили? — интересуюсь.

— Ничего особенного, несколько заточек, — почему-то сконфузился солдат, словно рассчитывал отыскать по меньшей мере пулемет.

— Значит, плохо искали, — поддел его рядовой Лосев.

— Хотите сами попробовать по второму кругу? — в дверном проеме появился начальник караула, в ладони — заточки с намотанной вместо рукоятки изолентой. — Вскрыть вены таким инструментом — раз плюнуть.

— На кой черт нужно себя полосовать?! — раздался удивленный возглас.

— Э, братцы, тут особая философия, — поднял вверх указательный палец Казанков. — Одному в колонию не хочется, лучше уж в больницу: там и питание особое, и вкалывать не надо, да и обстановка цивилизная — сестрички-косички. А другой всерьез решил свести счеты с жизнью. Кстати, вызывает меня как-то часовой на пост докладом: "В камере осужденный порезал вены". Срываюсь, подбегаю, а он в истерике бьется на полке, орет благим матом и никого к себе не подпускает. Весь в кровянице. Еле отобрал у него заточку — крепкий мужик попался. "Полежи спокойно, — уговариваю, — помрешь ведь ни за грош". А он: "Иди к черту, начальник, волюшку отнял, а без нее и житуха мне не нужна". Пока скрутил его, жгут наложил, перевязал, сам в крови измазался. Так и заявился домой. Жена у порога встретила — чуть в обморок не упала. Вот вам и "ничего особенного", Шелонин.

В купе заглянул повар караула рядовой Игорь Корнев, румяный, словно колобок с пылу, с жару. Хотел что-то сказать, но посмотрел на Казанкова и передумал — замер, прислушиваясь.

— Это в продолжение нашего разговора — где служить труднее, — кивнул мне прапорщик. — Офицерам в колонии год за полтора засчитывается, у них-де работа опасная, преступники кругом. А мы вроде как погулять вышли. Каждый — и охранник, и контролер в одном лице. С такими субчиками общаемся — врагу не пожелаешь. И рассчитывать приходится только на свои силы, помощи в пути ждать неоткуда. Случись что, тьфу-тьфу, — покрутил головой, нашел деревяшку, постукал пальцем, — решение принимаю и

за командира части, и за начальника колонии, и за прокурора.

— А не страшно входить в камеру для досмотра? — спрашиваю Шелонина.

— Да я как-то не задумывался над этим. Хотя приятного мало — в чужих вещах копаться, зачастую грязных. Осужденные, конечно, по-разному реагируют на мои действия, но меня их мнение мало интересует. Я закон не нарушаю, исполняю свои обязанности. Хирургу, наверно, тоже не очень-то нравится геморрой лечить, а куда деваться?

— У кого что болит, тот о том и говорит, — подначил сослуживца Лосев, разрядив обстановку.

— Ну вот, разговор пошел натурально предобеденный, — напомнил о себе Игорь Корнев. — Быстро мыть руки, кормить буду.

Смесь и подшучивая друг над другом, солдаты покинули купе. Вышли и мы с Казанковым.

— Нам еще повезло — вагон относительно новый, есть и мои ровесники — дует отовсюду, — сказал Александр Михайлович. — Но и он уже насквозь селедочно-махорочным запахом пропитался. Чувствуете?

Я деликатно промолчал.

— А вместе с ним и мы. Возвращаюсь в форме домой в общественном транспорте — пассажиры оборачиваются. Знаете, когда вижу по телевизору рекламу стирального порошка — спецвагон вспоминаю. Там одна дамочка брезгливо морщит носик: "А запах, этот запах. Хорошая проверка для „Тикса". Интересно, справился бы он с нашими ароматами? Впрочем, на каждый караул импортных моющих средств не напасешься — всю жизнь придется работать только на продукцию компании "Проктер энд Гэмбл".

Александр Владимирович закурил, жадно затянулся и крикнул в сторону кухни:

— Игорь! — В коридоре показалась голова повара в белом колпаке. — У тебя, наверно, остались консервные банки из-под тушенки. Выдели одну, будь добр, под пепельницу... Привычный и ненавязчивый сервис. А впрочем, грех жаловаться, обеспечивают нас неплохо. Постельное белье каждый раз чистое, а раньше солдат в караул свое, с кровати, прихватывал. С дровами и углем — порядок. Правда, сейчас торфяные брикеты кончились. Я к замку по тылу, а он: "Знаю, Александр

Владимирович. Уже договорился, написал. Но веришь — денег нет оплатить». Верю, естественно. И понимаю.

В КУПЕ заглянул помощник начальника караула.

— Есть проблемы? — спросил Казанков.

— Одна. Подскажите, пожалуйста, слово для кроссворда из семи букв — «Подразделение, часть структуры органов».

— Я-то думал, ты пришел нас пригласить на организованный прием пищи из четырех букв.

— Уже, — послышался за спиной сержанта голос Коренева.

Ядченко посторонился, пропуская его с подносом.

— Расстарался сегодня Игорек, — похвалил солдата прапорщик, принимая тарелки с ароматным супом. — А вы знаете, что самая опасная должность в плановом карауле — повар. Да-да. Там, в Бресте, когда маневровый наш вагон протаранил, повар чудом остался жив — на счастье, в коридор вышел. Раскаленную покрасна плиту сорвало и придвинуло почти вплотную к противоположной стене. Представляете? Мы ее потом вчетвером едва на место поставили.

Сержант-контрактник, уразумев, что с кроссвордом придется справляться самому, вздохнув, вышел... Первый представитель профессиональных войск в этом плановом карауле (дай Бог не последний), добровольец, честно исполняющий свой долг. Но как нет худа без добра, так и добра без худа. Прошлой осенью довелось мне побеседовать с командиром части, решающей задачи планового конвоирования. Ее уже понемногу укомплектовали волонтерами, но офицер не очень-то радовался этому обстоятельству. Аргументировал: «Мне их невыгодно назначать в караул. Маршруты длинные. Дней на пять-шесть. Вернется — почти две недели отдыха положено. Ни дать ни взять — из огня да в полымя, одну проблему решаем, другая встает во весь рост».

Прапорщик Казанков прервал мои воспоминания:

— Нередко в межобластную психиатрическую больницу осужденных возим. Приезжаем — никто не встречает. Сопровождающие доктора с досады выражаются отнюдь не медицинскими терминами. Добираемся своим ходом — что остается делать. Местные эску-

палы разводят руками: нет транспорта, войдите, дескать, в положение. А кто войдет в наше? Да и людей жалко. Хоть и преступники, а больные все ж. Слава Богу удалось в прошлом году выбить место для отстоя спецвагонов, которые раньше беспризорно были разбросаны по всей станции. Бывало, по полчаса мотаешься с караулом по путям, ищешь свою корбочку. Сейчас благодать: площадка отгорожена, подъездные пути оборудованы. Вот только с освещением беда. Однажды случай был... Уже смеркалось, когда мы начали высадку. Стоим с комендантом парка Иваном Кузьминым в сторонке, курим. И тут один осужденный, будто заяц, метнулся в темень. Хорошо еще, я поблизости оказался. Настиг в два прыжка, навалился, сбил с ног, катаемся по земле. Кузьмин подскочил на помощь, потоптался вокруг да как саданет сапожищем — и прямо мне в бочину. Аж в глазах потемнело. А тут еще солдат собаку с поводка спустил на преследование. Подбегает эта разъяренная псина и, шибко не церемонясь, хватить меня за руку — проком-постировала на всю оставшуюся жизнь... Баста, к обменному пункту подъезжаем.

Действительно, поезд заметно сбавил ход. Провожающие его деревья с любопытством заглядывали в зарешеченные окна вагона. Караул готовился к приему очередной партии осужденных.

Послышалось чье-то негромкое пение в коридоре. Выглянул: рядовой Руслан Клочков, глядя в окно, мурлыкал себе под нос какой-то мотивчик, а слов не разобрать.

— О чем песня-то?

Руслан смутился:

— Да разве это песня? Просто настроение хорошее.

— С чего бы? До песен ли от такой кочевой жизни: ни ночь не поспишь, ни день не отдохнешь.

— Интересно в дороге. Время быстро летит. Когда еще удастся по стране поколесить, столько нового увидеть. Сейчас вот проезжаем родной город Саша Шелонина. Хоть посмотрит с перрона, соскучился небось. Впрочем, с нашей службой не соскучишься.

Это точно.

Майор И. МУЧАК.

*Московский округ
внутренних войск МВД России.*

ПОЛИЦИЯ ГРЕЦИИ

ГОВОРЯТ, в Греции есть все. В том числе и полиция. Хотя зачем она там, я, признаться, понять не успела: за неделю не увидела ни одной драки, ни одной аварии. И пьяные не валялись на тротуарах, не приставали к прохожим. А на вечерних улицах было так светло и многолюдно, что наше российское привычное «под покровом темноты» казалось просто несурзацей: где он, этот покров?

В Салониках проходила международная выставка, город был полон гостей, и — совсем как у нас — блюстителей порядка. Шагу не ступишь, чтобы не наткнуться на человека в форме.

Дело происходило перед выборами, и потому фонарные столбы оказались увешаны портретами претендентов и призывами «отдать свой голос за нерушимый блок...». Обе партии в полной мере использовали выставку для провозглашения собственных программ. Целая демонстрация сторонников президента прошла по ярмарке с песнями, флагами, широко используя разноцветные дымовые эффекты. И хотя гораздо большее число избирателей в эту самую пору симпатизировало Паландреу, столкновений не произошло. После разгрома наших российских политических страстей странно было слышать от греков: «У нас плохое правительст-

во, оно нас не устраивает, поэтому мы его переизберем... И никакого физического противостояния. Действительно, пошли потом и переизбрали цивилизованно. Не срывая зло на полиции.

Удивило и другое: половина сотрудников, стянутых для поддержания порядка на выставке, оказалась... юными девушками, хрупкими, стройными и на редкость красивыми в пригнанной, ладно сидящей на них полицейской форме. Спокойные и улыбающиеся, стояли они вдоль проспекта, по которому шли демонстранты. И никто в них ничем не кидал, не пытался ненароком задеть плечом или оскорбить. А спецназ, суровый и гордый, исполнял скромную роль почетного караула, замирая при приближении высокопоставленных гостей, коих на выставке хватало с избытком.

Поговорить по душам с представителями полиции оказалось довольно сложно. Нет, языковой барьер не мешал — английским тут владеют почти все молодые люди. Речь о другом. Пока беседа касается бытовых тем, полицейские — воплощенная любезность. Но стоит поинтересоваться особенностями службы, как вас вежливо и непреклонно направят к начальству. Мы же люди простые, на вопросы журналистов отвечать не уполномочены, для этого у нас начальники имеются (я же сказала — в Греции все есть). Ничего не подделаешь, пришлось искать начальников.

Нашла. В офисе, отведенном администрацией выставки под полицейский участок, яблоку негде упасть. Здесь и звания повыше, и люди постарше, и английский слышится реже: кругом свои. Среднестатистическому греку, как и россиянину, много лет не приходило в голову, что язык международного общения станет ему жизненно необходим. И лишь последние годы убедительно доказали, что вхождение в общий рынок — это настолько тесное объединение со всем миром, что английский необходим и таксисту, и продавцу, и, естественно, полицейскому. Не случайно молодежь даст фору старшему поколению в знании языка.

Мой гид по греческой полиции Георг Цялос — в звании альфы (что-то вроде старшего лейтенанта): уже не младший офицер, но еще и не вите — не капитан. Золотая серединка. И характер золотой. Юри — так применительно

к русскому языку предпочел называть себя мой собеседник — отслужил в полиции двадцать три года. До пенсии осталось чуть-чуть: нужно двадцать шесть, чтобы уйти по выслуге лет. Узнав, что перед ним военный журналист Министерства внутренних дел, Юри на кавказский манер долго цокал языком:

— Ну зачем вы поселились так далеко? Ведь от вашей гостиницы полтора часа езды. Как же вы посмотрите Салоники? Надо было сразу по прибытии сообщить на ближайший полицейский пост, что вы наш российский коллега. А дальше уже не ваша забота. Я, к примеру, в прошлом году впервые выбрался в Италию отдохнуть. Языка не знаю, знакомых нет, но едва переехал границу, сразу же позвонил на ближайший пост и сказал, что я их коллега из Греции, нахожусь в отпуске. После этого все проблемы отпали. Свои люди. Кстати, полюбопытствуйте. — Юри извлек откуда-то пухленький журнал, похожий на яркий и пестрый каталог, и с гордостью произнес: — Наш, полицейский.

Перелистала, слушая пояснения гйда. И поняла: здесь нет ни жалоб на тяготы службы, ни пафосных рассказов о героических поступках конкретных стражей закона. Задача издания — профилактика преступлений и пропаганда полиции в целом. Цветные фоторепортажи о выпуске в полицейской школе, памятки, как вести себя, чтобы избежать насилия или грабежа, предостережения родителям об опасности детской наркомании, водителям — о ДТП... И обязательное многократное напоминание о том, что лишь содействие всего общества поможет полиции эффективно справиться с преступностью. Главная цель журнала — поднятие престижа службы.

Впрочем, он и так достаточно высок. Кадровый вопрос, к примеру, давно не стоит. Ежегодно полицейская школа первой ступени проводит набор четырехсот курсантов. Немного, на первый взгляд, но ведь и вся территория Греции не превышает размеров одной лишь Новосибирской области. Так что пополнение довольно ощутимое. В этом году заявления в полицейскую школу подали 12000 девушек и 17000 юношей. Чувствуете, какой конкурс?

Кстати, впервые женщин на службу в полицию стали принимать немногим более двадцати лет назад. Опыт оказался удачным, и сегодня практически

половина личного состава — слабый пол. Вместе с Юри подходим к полицейскому посту у входа на выставку. Стекланный павильон, заполненный цветами и огромными броскими фотоснимками, приветливо распахивает двери перед каждым. За стойкой — милая девушка Афина. Имя древней богини-воительницы не очень-то сочетается с внешностью юной гречанки в полицейской форме. Афина служит всего два года. Притом с удовольствием. И когда жених выдвинул ультиматум — или я, или полиция, — она остановила свой выбор на втором. Может, и впрямь у нас с греками разный менталитет, ибо я слабо себе представляю, как наши девушки вдруг ринутся на посты и патрульные маршруты в ущерб личной жизни.

Характерно, что среди поступающих в начальные полицейские учебные заведения не только выпускники школ и лицеев, но и люди с высшим образованием. Ничего удивительного, престиж полицейского серьезно поддерживается и обеспечивается правительством. Сравнительно высокая оплата, сорокадвухчасовая рабочая неделя, постоянство и гарантированность государственной службы — и все это в условиях экономической нестабильности и безработицы! Так что жалованье молодого блюстителя порядка в 160000 драхм — деньги немалые. Для сравнения: двести тридцать драхм по банковскому курсу соответствуют одному доллару США. Юри получает 250000. Жить можно.

Однако служба не только дает определенные гарантии, но и налагает весьма существенные обязанности. О них постоянно напоминает жетон с личным номером на рукаве. Полицейские должны всемерно помогать гражданам, обратившимся к ним за помощью или советом. Быть вежливыми и корректными, как и подобает людям, олицетворяющим собою государственную власть. И если вы недовольны деятельностью сотрудника, вам не нужно выяснять его имя и звание. Достаточно записать его личный номер...

— И тогда штрафа или иного взыскания не миновать, — поясняет Юрий.

— А в должности или звании понизить могут?

— Такой дисциплинарной меры нет. За серьезную провинность просто выгонят. А лишиться работы, да еще с пло-

хой характеристикой — настоящая трагедия.

Знаки различия на погонах достаются грекам так же тяжело, как и российским офицерам. Раз в год созывается аттестационная комиссия, которая рассматривает личное дело каждого сотрудника и решает, повысить его или погодить, посмотреть, как он далее будет справляться с должностными обязанностями.

И ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО СЛОВ о системе обучения. Молодой человек, решивший посвятить жизнь охране общественного порядка, должен иметь как минимум среднее образование. Если он выдерживает экзаменационные испытания, то зачисляется в школу полиции. По окончании — через шесть месяцев — в звании рядового направляется в один из отделов полиции. После двух лет безупречной службы он может рассчитывать на поступление в офицерскую школу. Здесь обучение длится девять месяцев, курсанты получают оклад по прежней должности и живут на казарменном положении. Желаете повидаться с семьей? Пожалуйста, запишитесь на выходные дни в увольнение. Ежегодно стены школы покидают триста молодых офицеров. Вопрос об удачном или неудачном распределении не возникает, ибо они возвращаются в родные участки. А если спустя еще два года их признают достойными при аттестовании, то позволят пройти тесты в академию, куда отбирают из кандидатов двести человек. Через три года перед выпускниками с высшим полицейским образованием открыты все дороги. При должном старании можно дослужиться и до генерала, ради Бога. Каждые три года им на плечи будут «слетать» новые звезды (а званий здесь побольше, чем у нас).

Прощаясь, Юрий напомнил:

— В следующий раз обязательно сразу же позвоните на ближайший пост и прямо скажите, что вы из российского МВД. Всю Грецию вам покажем не хуже любого турагентства.

Так что будете в Греции — смело заходите в полицию. Наши коллеги нас ждут.

Прапорщик Евг. БУТОРИНА.

Новосибирск — Салоники.

К 50-летию Победы

РАДОСТЬ НЕ В РАДОСТЬ,

или Грустные размышления о нашей истории

1

КАК Я СТАЛ ОККУПАНТОМ

ИДЕТ ЧЕРЕДА победных юбилейных дат Великой Отечественной войны. Встречаются на освобожденных в 1944 году землях ветераны — участники тех незабываемых сражений.

В июле исполняется 50 лет с начала освобождения Литвы от немецко-фашистских захватчиков. Для меня это страница собственной биографии. Увы, товарищей моих на торжества как освободителей не только не позовут, а лишний раз заклеят как оккупантов: нынешние литовские власти считают 44-й годом второй — после сорокового — советской оккупации. И, следовательно, все причастные к изгнанию гитлеровцев из республики автоматически объявляются оккупантами.

У меня же в Литве осталось немало побратимов и соратников с военной и послевоенной поры. Большинство из них навсегда обрели покой на армейских кладбищах. В том числе тогдашний начальник, боевой полковник Иван Георгиевич Герасименко, многому научивший меня, совсем молодого офицера. Продолжают жить в Вильнюсе ветераны и с вполне реальными, земными адресами — и русские, и литовцы. Дабы лишний раз не подвергать их неприятностям, имена называть воздержусь. Думаю, они правильно поимут. Хотя и обидно такое умолчание.

Последняя наша встреча состоялась весной 1991 года, за несколько месяцев до провозглашения самостоятельности Литвы и выхода ее из состава СССР. Уже тогда обстановка в республике к иллюзиям не располагала.

Литву же знал хорошо, в разные годы много раз посещал дислоцированные там части внутренних войск. И даже, завершив службу, в свою уже ветеранско-пенсионную пору встретил там незаурядных людей — библиофилов, поклонников книжной культуры, знатоков и певцов своего края. В 1983 году с командировкой общества книголюбов довелось побывать не только в Вильнюсе, а и в Варене. Там нас интересовал

школьный музей "Литературная Варена", созданный заботами учительницы Алдоны Жилинскене. Меня, повидавшего до того немало самодеятельных музеев, приятно поразило, как много можно сделать, если что-то по-настоящему любишь. В поисках и пропаганде местных, прежде всего литовских, самобытных фольклорных произведений, глубинной связи творчества ряда известных писателей с родной варенской землей я видел образец непоказной любви к своему краю, к его людям, к его прошлому и настоящему. Об этом чудесном музее я писал тогда в московской и вильнюсской газетах...

А ВПЕРВЫЕ на землю Литвы я ступил полвека назад, в июле 1944 года. Путь туда растянулся на целых три недели. Эшелоны дивизии продвигались с юга медленно: Белорусская стратегическая наступательная операция, составной частью которой являлось и освобождение Вильнюса, была в самом разгаре. Дважды пришлось нам выгружаться и переждать — сперва в лесу возле станции Салтановка, а затем — в тольке что отбитом у немцев дымящемся и трупно смердящем Бобруйске. Восстановить железнодорожное сообщение на участке Минск — Вильнюс еще не успели.

Прибывший наконец на станцию Вильнюс наш эшелон был встречен мощным налетом фашистской авиации, которая базировалась совсем рядом и всячески препятствовала снабжению и пополнению войск 3-го Белорусского фронта. Выбитый 13 июля из Вильнюса противник сопротивлялся упорно, бои за каждый населенный пункт носили ожесточенный характер. 27 июля освободили Шяуляй, 1 августа — Каунас. Полное же изгнание гитлеровцев с литовской земли завершилось, как известно, лишь в начале 45-го взятием Клайпеды.

От немецких бомб наш эшелон пострадал. Дотла сгорели два вагона с имуществом медсанбата. К счастью, обошлось без людских потерь: все успели выскочить из вагонов и укрыться в щелях, блиндажах и землянках, оставшихся в наследство от немцев.

Части нашей дивизии сосредоточились в назначенных им пунктах — Шяуляе, Паневежисе, Каунасе. Штаб и

спецподразделения, а также один из полков не без труда разместились в Вильнюсе — городе непростой исторической судьбы, перед самой войной возвращенном Литве.

В разрушенном, погруженном с вечера до рассвета в сплошную темноту городе весьма заметно проявляли себя недобитые и не успевшие сбежать гитлеровские последыши: по ночам раздавалась стрельба, участились грабежи. По приказу начальника гарнизона на протяжении нескольких недель город не только патрулировался нашими нарядами, но и подвергался выборочным, по районам, проверкам документов. Как их участник подчеркиваю: мы старались ничем не оскорбить и не унижить вильнюсцев, вели себя тактично, выдержанно. Попросив документы, иногда что-то уточняли, поскольку слишком пестро и хаотично выглядело паспортное хозяйство на незнакомых языках в свете коптилок, свечей, керосиновых лампешек. Интересовались мы, нет ли в доме посторонних; не имеющих документов мужчин доставляли в комендатуры для выяснения личности. А вот там, где проживали ксендзы и другие священнослужители, не задерживались: объявляли о цели своего визита и тут же уходили. Возможно, такая терпимость была и излишней: под крыльшком церкви нередко находили приют далеко не безобидные элементы.

Без электричества город бедствовал еще долго. Не только сессию Верховного Совета Литвы — первую в освобожденной столице, но и Новый 1945 год провели при свечах.

РЕСПУБЛИКУ мы знали плохо. В условиях советской власти она жила меньше года, а потом находилась при гитлеровцах практически в глухом безмолвии. С политической обстановкой, с местными обычаями и нравами нас обстоятельно ознакомил прибывший через несколько дней в дивизию Юстас Палецкис — первый председатель Президиума Верховного Совета республики. В буржуазной Литве его знали как прогрессивного журналиста, писателя, общественного деятеля, несколько лет руководившего телеграфным агентством.

Мне, комсомольскому работнику политотдела, удалось сразу же наладить контакт с секретарем ЦК ЛКСМ Литвы, получить полезную информацию.

4-я стрелковая дивизия внутренних войск «прописалась» в Литве прочно и надолго. В 40-е — начале 50-х годов дивизия Ветрова, как по инерции называли ее и после убытия на Украину первого ее командира — генерала П. М. Ветрова, стала неотъемлемой принадлежностью республики. Ибо становление государственности, экономики, правопорядка в Литве немислимо без Четвертой. Менялся штатный состав, вливались в дивизию новые полки. Когда по своим масштабам она оказалась трудноуправляемой, ее разделили на две. Когда этот эксперимент себя не

оправдал, какое-то время существовал даже Литовский округ. Но люди, и в том числе руководители Литвы — А. Снечкус, Ю. Палецкис, М. Гедвилас, по-прежнему говорили только о Четвертой.

Партийные и советские органы Литвы относились к дивизии с уважением, ценили ее вклад в возрождение республики, о ней не раз говорилось с трибун партийных съездов, ее номер был высечен на гранитном обелиске в центре столицы среди других соединений и частей, освободивших республику. Это потом националистические экстремисты из «Саюдиса», и прочих движений обрушили на дивизию, давно расформированную, град грязных обвинений, сфабрикованных из домыслов и подтасовок. Они стремились изолировать деятельность соединения от общего поступательного процесса в Литве, от созидательного труда ее народа, на страже которого бдительно стояли наши воины.

Между тем, чтобы правильно оценить путь, пройденный Литвой в советское время, надо было бы своими глазами увидеть ее именно в 1944—1945 годах, сразу после изгнания фашистов. Это была, без преувеличения, полунищая, темная европейская окраина, опустошенная войной, где около семисот тысяч человек погибло от рук гитлеровских оккупантов, их пособников. Идиллически воспетые ныне крестьянские хутора — это сплошь солома: черные соломенные крыши строений да солома под ногами — для навоза. Уже через два десятилетия после войны я увидел до неузнаваемости преобразенное литовское село: колхозные и совхозные поселки, застроенные красивыми коттеджами, асфальт, газ, электричество, городская инфраструктура... Российское наше Нечерноземье, моя родная костромщина на этом фоне выглядели убогим, обезлюдившим, заброшенным краем.

А как преобразился, каким красавцем стал Вильнюс! Недаром застройка двух его новых больших районов — Жирмуная и Ладзина — отмечена Государственными премиями СССР. Сохранены любовно отреставрированные памятники истории и культуры. Во всем ощущается национальный колорит, ни о какой нивелировке архитектуры, монументальной скульптуры не могло идти речи.

Зато ухватившиеся за руль националистические лидеры первым делом объявили неразборчивую тотальную войну всему советскому, невзирая ни на художественную, ни на духовно-историческую ценность того или иного памятника. Снесены памятник и могила И. Д. Черняховского, под чьим командованием Красная Армия освобождала Вильнюс и Литву. Его, дважды Героя Советского Союза, павшего в боях с фашистами, сочли, так сказать, главным оккупантом. Переименованы улицы, сняты мемориальные доски...

НО ВЕРНЕМСЯ в 44-й. По мере того, как фронт удалялся на запад, будни дивизии становились все жарче и напряженнее. Банды националистов, направляемые из подполья, из окопавшихся за рубежом эмигрантских центров, препятствовали возрождению республики, миру и спокойствию в ней. Прибегая к террору, насилию, диверсиям, играя на национальных чувствах людей, не сразу сумевших сориентироваться в обстановке, они ставили своей целью срыв неумолимо наступающих процессов преобразования, тащили Литву вспять.

Моральный и физический террор больше всего и прежде всего ощущали на себе крестьяне хуторов — изолированные от внешнего мира, лишенные правдивой информации. Еще шли бои, а литовцев страшили дикими россказнями о «большевистских зверствах»: мол, за передовыми армейскими частями идут монгольские, татарские, еврейские отряды, которые без разбора убивают литовцев и поляков. Смятение в умах от националистической пропаганды исчезло не сразу, провокационные слухи еще долго держали селян в страхе. Сказывалось также традиционно сильное влияние реакционной части католического духовенства. Местные же партийные и советские кадры в уездах, волостях, апилинках были слабы, зачастую просто беспомощны и тоже сплошь и рядом запуганы, деморализованы. С самыми смелыми, не склоняющими головы бандиты расправлялись с неимоверной жестокостью.

Бандиты орудовали в ряде районов Литвы довольно нагло примерно до конца 1947 года. Есть у меня на этот счет помимо официальной отчетности и свои собственные наблюдения. Зимой 1946 года я целый месяц находился в Литве в связи с подготовкой первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР. К крупной кампании готовились и мы, и те, кто вознамерился эти выборы сорвать. «Лесные братья», запугивали население, убивали агитаторов, доверенных лиц, членов избирательных комиссий, нападали на агитпункты и избирательные участки, поджигали и взрывали их, нарушали телефонную и телеграфную связь. Пришлось нам помещения всех участков в сельской местности взять под охрану войсковыми нарядами.

Помню, приехали мы с подполковником А. И. Макаровым в один уездный центр, где дислоцировался штаб батальона. Пока с комбатом какие-то 10—15 минут уточняли некоторые вопросы да определяли маршрут, чтобы наведаться в несколько временных гарнизонов, обстрелянных накануне, на заднюю стенку нашего газика злоумышленники среди бела дня налепили листок с требованием «убираться, пока целы». Но мы были люди привычные, пулям не кланялись и задачи свои выполнили. К слову, выборы в республике прошли довольно успешно, хотя не обошлось и без эксцессов.

Вообще же наши подразделения, не зная покоя и отдыха, почти повсеместно лишенные элементарных бытовых удобств, ютятся в случайно приспособленных помещениях, тем не менее четко несли боевую вахту. В любую погоду, днем и ночью солдаты шли по тревоге на ликвидацию последствий терактов, диверсий, искали и преследовали бандитов. В стране давно отпраздновали Победу, а Четвертая дивизия внутренних войск продолжала хоронить своих героически погибших бойцов...

ВРЕМЯ, ОДНАКО, брало свое. Кое-где еще лютовали обреченные одиночки, но и их конец приближался. Банды, разгромленные, лишенные поддержки прозревшего населения, распадались. В Литве воцарилась атмосфера спокойствия, мира и труда. Прекратила свое существование Четвертая дивизия, на которую сегодня бесчестные люди бросили тень.

Я люблю Литву, с которой связан офицерской молодостью. Немало поколевший по стране и за ее пределами, я всякий раз командировку в Вильнюс воспринимал с особым чувством приобщения к незабываемому минувшему. Вновь и вновь вспоминались дни в полку И. А. Калабухова, когда немцы под Шяуляем попытались нанести контрудар. В той же части в августе 44-го я находился во время чекистско-войсковой операции, о которой рассказано Владимиром Богомоловым в «Моменте истины». Да и потом, в 1952 году, прибыв в дивизию на комсомольскую конференцию, я угодил как раз на большую операцию по задержанию выброшенных с парашютами разведчиков...

О народе Литвы я никогда не думал плохо. И прекрасно понимаю, что отнюдь не простые люди считают оккупантами своих освободителей, оскорбляя и нас, живых, и священную память десятков тысяч солдат, павших за свободу и независимость янтарного края.

②

ТОРЖЕСТВО И БОЛЬ НОВОРОССИЙЦЕВ

ВСПОМИНАЕТСЯ осень 1943 года. Позади Курская битва. Освобождены Харьков, Донецк, весь Донбасс. Бои идут на подступах к Запорожью. Лавина наступающей Красной Армии неудержимо катится к Днепру, приближается изгнание гитлеровцев из пределов Левобережной Украины.

А на самом левом фланге советско-германского фронта, словно бы в тылу войны — под Новороссийском, на Таманском полуострове противник еще держит оборону, закрывая путь к Крыму, сковывая силы Черноморского флота.

В сентябре возобновляются решающие бои и здесь. Новороссийская наступательная операция завершила очи-

щение Кубани от фашистов. В перечне частей, отмеченных почетными наименованиями, появились Новороссийские, Анапские, Таманские, Темрюкские.

Минуло с той поры полвека. И на удивление тихо, совсем даже незаметно прошло 50-летие победы под Новороссийском. Тогда за город-порт, превращенный узел обороны, в течение нескольких дней соединения Северо-Кавказского фронта и десантные части моряков вели жестокие, кровопролитные бои. 16 сентября над Новороссийском взвился красный флаг. В 1973 году город обрел статус города-героя.

Перелистывая сентябрьские номера многих московских газет за минувший год (за все ручаться не берусь), с изумлением обнаруживаю этакий заговор молчания. Даже «Красная звезда», даже аккуратный по части памятных дат войны «Ветеран», ни единым словом не обмолвились о юбилее освобождения Новороссийска. Небольшой материал на интересующую меня тему встретил лишь в «Советской России».

В чем же дело? Что случилось? Непонятное, на первый взгляд, столь безразличное отношение к важной по своему значению, притом удачно проведенной операции напрямую, мне думается, связано с сегодняшним негативным взглядом на роль Л. И. Брежнева в достижении победы. Недавние брежневские соловьи-сладкопевцы, историки и публицисты дружно повернулись на 180 градусов. Между тем в ту новороссийскую пору полковник Брежнев, по объективным отзывам сослуживцев — начальников и подчиненных, был довольно неплохим политработником, хотя, разумеется, и тогда, и позднее маршал Жуков не собирался советоваться с ним о стратегических замыслах по разгрому Гитлера, как об этом принудили соврать в мемуарах опального полководца.

ПОМНЮ, КАК десять лет назад на заседании военно-научного общества при ЦДСА обсуждался очередной том затеянной Политиздатом серии книг по истории Советского общества. Посвящался он Великой Отечественной войне. Тогда я резко критиковал его авторов и составителей за чрезмерное раздувание мнимых ратных заслуг усопшего уже генсека. Речь шла как раз о том, что Новороссийская наступательная операция 1943 года и по листажу, и по иллюстративной яркости выглядела в книге гораздо богаче и солиднее, нежели сражение на Курской дуге, — сущий парадокс! Сказывалась инерция конъюнктурной листовки дани политиков и военных историков автору «эпохально», труда о Малой земле. Оперативно перестроиться они еще не успели. Историк Г. Куманев, своего рода шеф издания, в ответ лишь выразительно пожал плечами. Насколько мне известно, сей ученый муж стал выше рангом и возглавляет ныне некое солидное заве-

дение исторического профиля. Любопытно, как бы он объяснил сегодняшние военно-исторические аномалии? Неужели так и будем мы по стародавней привычке шараться из одной крайности в другую: воздвигнем — разрушим — восстановим — вознесем — разрушим — и так без конца...

Слов нет, в свое время малоземельскую эпопею с помощью угодливых перьев раздули сверх всякой меры. В верноподданническом раже сочинялись не только пухлые трактаты и гимны, не только создавались фильмы и ставились спектакли, но один за другим открывались музеи 18-й армии. Ну с какой стати такой помпезный музей по инициативе и под личным наблюдением Г. Алиева соорудили в Баку, городе, который к этому фронтовому объединению не имел ни малейшего отношения. Или, скажем, в Одессе, куда тоже не ступала нога солдата 18-й армии, по соседству с пушкинским музеем в старинном доме, где жил посланный царем поэт. А уж плацдарм-то на Мысхако вообще превратили в священный заповедник, где демонстрировали даже пахнущую порохом полковничью шнель якобы с плеча самого начпоарма.

Все это, к великому сожалению, было, было, было...

СЛУЧИВШЕЕСЯ с юбилеем освобождения Новороссийска наводит на грустные размышления насчет нашей российской цивилизованности. На памяти поколения 70–80-летних немало их, тех, кого торжественно возводили чуть ли не в ранг божества, а затем низвергли в пропасть, как язычники кидали в огонь своих идолов. Страшно сознавать, что от Ленина и Троцкого до Горбачева ни один руководитель крупнейшей державы планеты не избежал подобной участи — поношения и предания анафеме. Ампутация патриотического чувства и национального достоинства плюс слепая взаимная нетерпимость, которую мы могли наблюдать совсем недавно, в кровавом начале октября 1993 года, — вот она, наша, с позволения сказать, цивилизованность. Разве можно предать нечто подобное, например, во Франции, где высокие почести как великому сыну нации воздают Наполеону, где чтят Робеспьера и не предают анафеме обезглавленных революцией королей.

Но вернемся в Новороссийск. Лично для меня это не какое-то абстрактное историко-географическое понятие, не просто одна из героических страниц в летописи Великой Отечественной. Меня в данном случае волнует все, что связано с участием в боях 290-го стрелкового полка внутренних войск, который с апреля 1943 года защищал Малую землю, в сентябре отличился при штурме города и в числе 19 соединений и частей удостоился звания Новороссийского.

Оставшись после изгнания врага в разрушенном городе для несения гарнизонной службы, полк вышел из под-

чинения 18-й армии и влился в состав 4-й стрелковой дивизии войск НКВД, в которой я служил. Первому из политотделцев мне удалось попасть в прославленную часть. Будто и не минуло полвека, до мельчайших подробностей помню встречу с командиром полка Героем Советского Союза подполковником Иваном Васильевичем Пискарёвым, замполитом Михаилом Борисовичем Козенковым, начальником штаба Александром Порфирьевичем Лысенко, комсоргом Василием Соколовым, другими командирами и бойцами.

Среди сплошных руин пропахшего гарью города, насквозь продуваемого осенним ветром с пылью цемента, щебенки, извести, собрались на беседу еще не до конца остывшие от недавних схваток комсорги батальонов, рот, взводов. Василий Белый, Михаил Пчелинцев, Александр Лещев, Николай Устюжанин, Иван Калинин, Иван Казаков... Чудесные ребята! На гимнастерке у каждого красуются новенькие ордена, медали. Надо было обобщить крупицы драгоценного опыта работы в боевой обстановке.

Летом 44-го, когда дивизию спешно перебрасывали в Прибалтику, 290-й полк остался в Крыму, потом его передислоцировали в Киев. Я же всегда пристально следил за жизнью и делами близких мне новоросийцев, с некоторыми из них переписывался, в годы службы не раз бывал у них, а последний раз, пять лет назад, навестил часть. В ветеранском строю трудились, участвовали в военно-патриотическом воспитании личного состава полка уже немногие оставшиеся в живых мои давние знакомые, соратники. Их возглавил майор в отставке Петр Степанович Бабенко, один из плеяды коренных новоросийцев, двадцать лет — с 1942 по 1962 год — отдавший службе в родном полку. Я помню его еще старшиной...

С трепетным чувством ходили мы с ним по комнате боевой славы полка, рассматривая до щемящей боли дорогие реликвии и экспонаты, вспоминая навсегда ушедших товарищей, уточняя адреса тех, кого судьба увела далеко от родной части. Мы тогда советовались, как лучше подготовиться к 50-летию полка, как написать и издать к этой дате исторический очерк. Я пообещал помочь разыскать таких прославленных новоросийцев, как Михаил Пчелинцев, Алексей Бояркин, наладить с ними связь. Послал в часть имеющиеся у меня материалы, в том числе фотографию Василия Соколова.

Но... случилось то, что в 1988 году мы не предвидели. Оказались мы живущими в разных государствах: 290-й Краснознаменный Новоросийский полк — в пределах независимой Украины.

И узнаю я от киевских друзей, что не только не праздновали в 1992 году полувековой юбилей полка, но и на всей его истории поставлен жирный начальственный крест.

КОМАНДОВАНИЕ национальной гвардии Украины, в чье распоряжение передан из внутренних войск полк, решил начать его историю с чистого листа. Именно так, без тени смущения, изрек один из знакомых мне недавних партийных журналистов, обретший кресло в тамашней пресс-службе: мол, национальная гвардия никакими корнями с прошлым не связана. Забыл он, знать, и свой собственный репортаж о праздновании 45-й годовщины Новоросийского полка, где расточал восторги его бессмертным традициям, живым их носителям — ветеранам. И вот на тебе — с чистого листа. Только вот с чистой ли совестью?

Узнав о таком кощунстве, заплакал суровый и мужественный Иван Кузьмич Пряха, один из уважаемых командиров этой части, много сделавший для нее и оставивший о себе добрую память. А вскоре похоронили полковника Пряху: сердце его не выдержало надругательства над святынями прошлого.

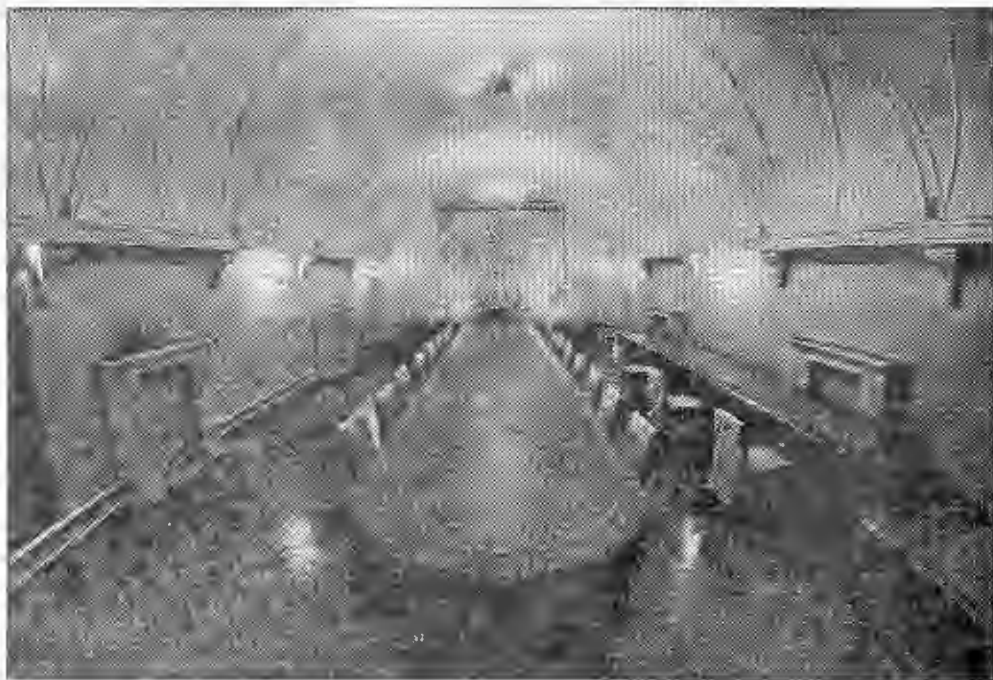
Ликвидировав комнату истории части, выбросив экспонаты, которые десятилетиями бережно собирали и хранили несколько поколений воинов-новоросийцев, новые хозяева в порушенных и поруганных стенах устроили застолье по поводу присвоения генеральских званий. Как горький укор людям, наплевавшим на былую славу полка, валялся на полу китель первого его командира Героя Советского Союза И. В. Пискарёва — без погон и знаков отличия.

Бывшему Краснознаменному Новоросийскому, ставшему теперь первым гвардейским, взамен оваянного славой Боевого Знамени вручено митрополитом другое — некой дивизии Симона Петлюры. Словом, забудьте, старые солдаты, и не узнайте, молодые сыны украинского народа, что это был полк, в самые драматические для Родины месяцы охранявший Военно-грузинскую дорогу, сражавшийся на Малой земле, штурмовавший укрепления фашистов на улицах Новоросийска, выполнявший почетную службу в дни Ялтинской конференции руководителей стран антигитлеровской коалиции, первым шагнувший в чернобыльский ад. Забудьте все это и поклоняйтесь кумирам националистов — Симону Петлюре, Нестору Махно, Степану Бандере. Именно их портреты и портреты усатых гетманов красуются ныне в так называемых «светлицах», бывших ленинских комнатах.

Только история не может подвергаться глумливым экспериментам. Поставленная на ее подмостках трагедия уже сейчас выглядит маскарадным фарсом. Прости нас, Иван Васильевич Пискарёв! Прости, мой друг, боевой комсорг полка Василий Андреевич Соколов! Простите нас, герои-новоросийцы!

**Генерал-майор в отставке
Илья БЕЛИКОВ.**

Прикосновение к тайне

БУНКЕР СТАЛИНА

Нередко нам кажется, что хорошо знаем свою историю. Особенно когда то или иное событие совпадает с годами нашей жизни. Но, вероятно, в судьбе каждого человека бывают моменты, открывающие во внешне знакомом и обычном явлении что-то новое, окрашенное волнением прикосновения к тайне.

... Более пятидесяти лет назад, в суровые годы Великой Отечественной войны, в городе Куйбышеве (ныне Самара) в абсолютной тайне началась грандиозная стройка. Даже коренные жители не подозревали, что создается почти в самом центре города. Это был "объект N 1" — подземное сооружение, бункер Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Лишь

не так давно приоткрылась завеса, окружавшая строго засекреченную стройку. Это стало возможным после решения местных властей о предании гласности правды о бункере Сталина и о его передаче областному штабу гражданской обороны. Тогда же было организовано и массовое посещение уникального сооружения, открыт музей, рассказывающий об истории его создания.

Не имеющее аналогов в мире подземное "здание", воочию напоминает о суровых днях минувшей войны. Но многие страницы ее истории искажены, а то и безжалостно вырваны. Сегодня они постепенно восстанавливаются. Не является это исключением и для города, которому, несмотря на удаленность от линии фронта, было суждено сыграть

важную роль в Великой Отечественной.

В наши дни "объект N 1" носит другое, официальное название — „Учебно-исторический центр гражданской обороны области". Правда, известно и другое его название — более интригующее — "Бункер Сталина".

Один из интереснейших историко-архитектурных памятников города заслуживает более подробного рассказа. Не все знают, что, находясь почти на 40-метровой глубине, он является первым "высотным" зданием города. Правда, со знаком "минус", (имеет 12 этажей под землей).

Недаром считается, что бункер Сталина в Куйбышеве — самое мощное сооружение периода второй мировой войны. С ним не может идти ни в какое сравнение ни одно другое, созданное в те годы. Примеры? Пожалуйста!

Подвалы рейхсканцелярии, в которых до последних дней скрывался Гитлер, были упрятаны под землю на 16 метров. Укрытия, построенные для Черчилля в Лондоне и Рузвельта в США, имеют над собой 20-метровую толщу земли.

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ:

"Восхищены! Отличное произведение искусства строителей. Уверен: нигде в мире не найдете подобной постройки!"

(Мехта Беаринез, г.Бомбей, Индия).

... Построенное без малого полвека назад уникальное сооружение и сегодня восхищает колоссальным объемом выполненных земляных работ. Представьте: только грунта из-под земли было вынута и вывезено более 25 тысяч кубометров. Добавьте сюда сроки — всего лишь 9 месяцев (с февраля по ноябрь 1942 года) — и станет понятной неповторимость этого бастиона.

К тому же данное сооружение предусматривало практически стопроцентную защиту находившихся в нем людей. При общей глубине примерно 37 метров убежище обеспечивало (по тем временам) абсолютную защищенность уже на 14-метровой глубине. Там было размещено оборудование жизнеобеспечения: энергетические установки, вентиляция и др.

Воплотили в жизнь уникальный проект "объекта N 1" московские метростроевцы. Именно талантом и неиссякаемым трудолюбием главного инженера Ю. Островского, главного архитектора М. Зеленина, начальника маркшейдерских работ И. Дробинина, сотен и сотен их товарищей в кратчайшие сроки решена

важнейшая задача.

К сожалению, сегодня мало что известно о создателях подземного бастиона. Вовсе не исключено (а скорее всего возможно), что среди них были и заключенные, интернированные, сосланные и т. п. — все те, кого сегодня называют жертвами сталинских репрессий.

Тем не менее строительство, и по нынешним меркам грандиозное, было завершено в точно установленный срок.

Подвиг — другого слова не подберу — строителей вечен!

До сих пор остается загадкой: как в ограниченном подземном пространстве, в обстановке строжайшей секретности, при помощи лишь лопаты и отбойного молотка удалось осуществить подобное?

Любопытно, что старожилы города, жившие в те годы в непосредственной близости от строительной площадки, даже не догадывались о том, что создается у них буквально под боком; никто и сегодня не может предположить, как могло незаметно исчезнуть огромное количество кубометров вынудой земли. Например, чтобы вывезти ее, необходимо было задействовать около 10 тысяч грузовиков. И это в центре города, почти на виду у всех...

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ:

"Поражает воображение! Все должны посетить этот бункер и увидеть, на что способен русский человек!"

(Эксперт ЕЭС Симон Каммельбен).

Сегодня, накануне 50-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне, уникальное подземное сооружение открыто для массового посещения. Частые гости здесь не только россияне, но и представители почти сорока государств мира. По материалам музея, существующего вот уже несколько лет, сняты документальные фильмы бельгийскими, французскими, российскими кинематографистами.

Чем же бункер Сталина привлекает столь пристальное внимание? Прежде всего возможностью соприкоснуться с историей полувековой давности, познать тайну, ранее недоступную практически никому.

... Кажущиеся бесконечными лестницы ведут вниз. 192 ступени, размещенные в двух стволах, напоминают туннель метро. У их подножия большие помещения, именовавшиеся "рабочими комнатами". Здесь должна была располагаться охрана Сталина.

Сильное впечатление от того, ради чего создан бункер: комната отдыха Сталина и зал заседаний ГКО. Занимая площадь 70 квадратных метров с высотой потолков по 4,5 метра, помещение не имеет опор или колонн, которые удерживали бы почти 40-метровую толщу земли.

Здесь исключительно талантливо решена проблема комфорта человека в замкнутом пространстве. Например, залы имеют сводчатые потолки, украшенные лепным орнаментом; стены задрапированы серо-голубой тканью, что в сочетании со светло-коричневыми деревянными конструкциями создает спокойную, умиротворенную обстановку. Одним словом, в подземном сооружении созданы почти идеальные условия для работы. Можно еще назвать много достоинств бункера с чисто инженерной точки зрения. Но, как говорится, лучше один раз увидеть...

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ:

"Восхищаемся огромными возможностями нашего народа, проявляющимися в сложнейшей исторической обстановке. В очередной раз раскрываются секреты, поражающие мир. Убеждены: понадобится — сделаем все..."

(Семья Кургановых, г. Санкт-Петербург)

... Выбор места для защитного сооружения, в котором мог бы работать Сталин, вовсе не был случайным. Куйбышев находился в тысяче километров от линии фронта и был практически недосягаем для гитлеровской авиации. Вопрос о переезде сюда военно-политического руководства страны встал осенью 1941 года, когда обстановка на фронтах, особенно под Москвой, исключительно осложнилась. Немецко-фашистские войска имели неоспоримый успех на главных оперативных направлениях, ведущих к столице.

15 октября 1941 года было подписано постановление Государственного Комитета Обороны "Об эвакуации столицы — г. Москвы,, в котором говорилось:

"1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев.

2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также Правительство во главе с заместителем Председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке)..."

В соответствии с этим постановлением в г. Куйбышеве были размещены аппарат ЦК ВКП/б/, Верховный Совет

СССР, ряд наркоматов и других государственных органов. По сути, город стал второй столицей страны.

Вот только один красноречивый факт. В ноябре 1941 года здесь был проведен военный парад, который принимал К. Ворошилов. Об этом событии мало кому известно. А между тем это был единственный парад, на котором в качестве гостей присутствовали иностранные военные атташе. Правда, состоялись парады в Москве и Воронеже, но иностранцы на них допущены не были.

Все это — страницы нашей истории. Как говорится, малоизвестные. Малоизвестен был до недавнего времени и бункер Сталина. Сохраненный в первоизданном виде до наших дней, сегодня он представляет большую историческую ценность.

Побывав здесь, не только становишься человеком, прикоснувшись к большой исторической тайне. Самое главное — проникаешься гордостью, преклоняешься перед величием и талантом русского народа.

И что может быть символичнее слов, приведенных ниже?

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ:

"Наконец — то мы дошли сюда! Но на этот раз не с войной, а с цветами и дружескими пожеланиями русскому народу. Мы теперь хотим понимать друг друга и вместе трудиться..."

(Члены делегации фирмы "Инго Рогтац", г. Гамбург)

Тимофей ЗАХАРЧЕНКО,
полковник запаса, руководитель
музея "Бункер Сталина,,

На снимке: "Бункер Сталина,, зал заседаний.

Фото Ю. РУБЦОВОЙ.

ОТ РЕДАКЦИИ. К сожалению, до сих пор очень немногие из участников необычного строительства откликнулись на просьбу руководителей музея "Бункер Сталина,, сообщить о себе, подробностях создания уникального подземного сооружения. Там очень ждут ваших писем! Сообщаем адрес:

443010, г. Самара, ул. Красноармейская, 12, штаб по делам ГО и ЧС (для музея).

Писатель и время

Имя этого литературоведа и критика, публициста и писателя хорошо известно у нас в стране и за рубежом. О чем бы Кожинов ни писал — будь то проблемы языкознания, теории и истории литературы, он доносит до читателя прежде всего аромат неповторимой русской культуры.

С членом Союза писателей России, ведущим научным сотрудником Российской академии наук Вадимом Валериановичем Кожиновым беседует Д.КОРОЛЕВ.

Вадим КОЖИНОВ:

"РУССКАЯ КУЛЬТУРА НАЧАЛАСЬ В ДРУЖИНЕ"

— Как вы, Вадим Валерианович, относитесь к тому, что за глаза вас нередко называют славянофилом?

— Если давать какое-то определение, я все же причислил бы себя к евразийцам: к ним принадлежали князь Трубецкой, который известен как филолог, признанный во всем мире, выдающийся историк Вернадский, Карсавин; в основе их взглядов заветы Константина Леонтьева, Тютчева, Достоевского. Я думаю, что Россия — это евразийская страна, которая очень молода по сравнению с ведущими странами Запада и Востока, ибо и Франция, и Италия, и Испания, и даже Англия и Германия имеют под собой "почву", в несколько тысячелетий, фундамент античной культуры, которая непосредственно существовала на их территориях. Солиднейший фундамент имеют и Китай, и Иран, и Индия... На земле же, где начала развиваться Русь, не было никакой цивилизации, и в частности — письменности. Русская история — это тысяча, тысяча двести лет, у нас нет настоящей предыстории. Русь в смысле культуры возникла, если угодно, на пустом месте. Не в этническом смысле, тут субстрат был, и достаточно многообразный: и скифы, и сарматы, много финских и тюркских племен. Но

тем не менее страна эта молодая. И этим многое объясняется в нашей истории: ее неуверенность, непрочность и чрезвычайно обостренное внимание к своему собственному своеобразию. Вот, например, англичане, немцы, французы, японцы, китайцы абсолютно убеждены в своем превосходстве — пусть относительно — над другими народами. Нередко даже и в абсолютном превосходстве! Русские же как раз совершенно в этом не уверены. И поэтому русский человек может, рванув на себе рубаху, кричать: «Я русский, а ты кто?» — и тут же, через несколько часов, сокрушаться: «Проклятая страна, как только в ней можно жить». Причем это говорят не только рядовые люди, но зачастую — и великие писатели! Вот у Пушкина есть совершенно восторженные слова о России, но можно найти и горькое сетование: «Черт меня догадал родиться в России с умом и талантом». Или у Тютчева, уж совсем, так выразимся, настоящего патриота: «Проклятая страна... и разве можно не презирать тех, кто в ней еще остается?»

Конечно, и у англичан, и у разных там «прочих шведов» есть примеры национальной самокритики. Однако у русских это все проявляется как сквозное действие через всю историю, носит, так сказать, глобальный характер. Ведь поразительная вещь: царя и полководца Ивана Грозного мы, русские, сумели превратить — и в собственных глазах, и в глазах всего мира — в совершенно исключительного, уникального, непревзойденного тирана и палача. А между тем, как подсчитано известным исследователем этой эпохи Р. Г. Скрынниковым, за время правления Ивана Грозного было казнено... три-четыре тысячи человек. А в Англии в то же время одним только «бродяг», казнили при Генрихе Восьмом 72 (!) тысячи, при Елизавете — 89 (!) тысяч. Есть с чем сравнить? Но никто не рушит в Европе памятники королям-убийцам, о них пишут по меньшей мере почтительно, а у нас не было, пожалуй, ни одного историка, который не поносил бы Ивана Грозного! Его фигура, представьте себе, отсутствует на известном памятнике «Тысячелетие России», в Новгороде среди 109 выдающихся деятелей нашей страны. Я уже не говорю о том, что сам Иван Грозный открыто в своих официальных посланиях назы-

вал себя смердящим псом, убийцей и так далее.

— Что ж, даже кто-то из великих сказал, что самобичевание — это основная черта мятущегося русского характера.

— Я все же думаю, что самое характерное свойство русских, которое действительно их очень сильно отличает от других народов, и западных, и восточных, — это свойство, которое определяется словом «беспечность». Оно выражено в знаменитых строчках, которые известны, наверное, каждому русскому: «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда, хлопотливо не свивает долговечного гнезда». Это, конечно, чудовищное свойство, страшное. Потому что действительно ничего не бережется, все уничтожается, и когда после революции власти приказывали разрушать церкви, русские это делали именно в силу своей беспечности.

С другой стороны, беспечность и прекрасна, ибо мало заботится о себе. Прекрасно сказал один из крупнейших наших писателей, Пришвин, что в России заботиться о собственном благоустройстве всегда считалось чем-то греховным, чем-то всецело противоречащим нравственности.

— Но вот нередко задаюсь вопросом: кто в России более беспечен — простой народ или власти? Возьмем, к примеру, ситуацию с выводом российских войск из стран Восточной Европы и Прибалтики. Вы, Вадим Валерианович, вероятно, знаете, в каких условиях они оказались у себя дома, в России?

— Знаю, условия эти — ужасные: ни жилья, ни нормального обеспечения, к тому же очередное обесценивание — в связи с инфляцией — офицерского жалованья. То, что происходит сегодня в армии, я иначе, как разрушением, назвать не могу. Это никакое вам не разоружение или там сокращение... Такой подход в решении военных вопросов недопустим, и вот почему.

Не являясь специалистом в данной области, я все же позволю себе — со своей колокольни — утверждать, что армия — один из столпов государства и разрушить ее — значит быстрехонько вырыть себе глубокую могилу.

У нас часто в последнее время обращаются к теме «Армия и культура». Начало этому положил Карем Раш, вы-

ступивший на страницах ряда изданий со статьей под таким заголовком. Выступивший, на мой взгляд, не совсем удачно. Я сразу же ответил ему: неверно говорить "армия и культура". Армия — это фундамент культуры! От этой печки, что называется, и надо плясать...

На научном уровне уже давно признано, что культура берет свое начало с культуры человеческого тела, с того, что человек приобретает определенную систему движений и жестов. Во всех человеческих обществах армейский строй, строй вооруженных мужчин, движущихся в такт какой-либо музыке или барабанному бою, и был, собственно, одним из начал культуры. Все ее иные приметы — гораздо более позднего времени.

В армии культура не только зарождается, но и, развиваясь, "закрепляется" на века. Вот почему даже в таких небольших странах, как Швейцария, где не воюют уже столетия и воевать не собираются, армию усердно сохраняют в неприкосновенном виде. Европейцы хорошо понимают — сберечь без нее культуру, под которой прежде всего подразумевается исторический опыт народа, просто невозможно! К тому же, если разрушить армию, из стены выпадет тот камень, на котором зиждется все общество. Государство — это связующее звено любого человеческого общества, а в самом государстве таковым является армия.

Как историк культуры я, конечно, не могу не заметить, что все виды искусства — изобразительное, музыкальное, театральное — начало берут опять же в армии. Что такое, например, движение людей строем, как не зародыш театрального действия? Или яркие костюмы древних воинов, их вождей? Это и прикладное, и изобразительное искусство — все вместе!

Таких примеров можно привести множество. На Руси, заметим, этот срез культуры появился задолго до принятия христианства. Христианской наша культура стала намного позднее. Ее истоки — не в Византии. А точнее — не только в ней. Доподлинно известно, что русский героический эпос родился среди дружинников. Именно они, кстати, одними из первых приняли христианство. Исторические источники свидетельствуют, что часть дружинников, заключившая в 943 году договор с греками, клялась не Перуном,

а Христом. Я нисколько не сомневаюсь в том, что наша русская культура началась в дружине — началась, таким образом, в армии! И рассуждать об этом надо на соответствующем уровне, а не так, как уже упомянутый ранее Раш. Что из того, что Лермонтов и Толстой были офицерами, а затем стали писателями? Не в этом суть. Большинство писателей начиная с самых древнейших времен были военными, а иначе и быть не могло. Ведь армия, повторяюсь, это фундамент культуры, здесь берут начало ее истоки. Один из родоначальников древнегреческой лирической поэзии, Архилох, живший три тысячи лет назад, тоже был воином. Это видно по его стихам — лирическим и героическим одновременно. Сам ритм его поэзии исходит из военного ритма. Да и чем не подтверждение всему ранее сказанному слова Архилоха: "Во остром копье замешан мой хлеб"?

Я, разумеется, далек от мысли, что в современной армии есть только материальные проблемы, а проблем культуры нет. Их, я думаю, в российской армии немало. Что такое, скажем, дедовщина, неуважительное отношение к младшим по должности и званию?! Разве это не изъяны в воспитании, не изъяны нашей духовной сферы? Впрочем, как их могло не быть — ведь если больно общество, будет больна и армия — одна из его составляющих, если в стране становится все больше и больше бездуховных людей, то почему вирус бездуховности не должен (хотя, конечно же, не должен!) попадать в армейские коллективы? Или воинские подразделения у нас размещают на Луне, на Марсе?!

— Увы, нет...

— И в результате люди деградируют как на гражданке, так и в армии.

— А насколько, на ваш взгляд, обоснованно мнение о нравственном и культурном упадке русского народа, потере им своего самосознания?

— Да, сегодня немало людей испытывает чувство своего рода разочарования в собственном народе. Но знаете ли... Возьмем духовные устои, сравним. Вот недавно я смотрел по телевидению классический американский фильм "Бонни и Клайд", он мало

чем отличается от других американских кинолент. И знаете, какой я вывод сделал? Наш самый слабый "застойный", фильм все-таки более человечен, чем те американские фильмы, которыми завален сегодня кинопрокат. В них — явный дефицит нравственности, интеллекта, человечности. Чудовищно, что людей приучили к подобному, что они могут наслаждаться этой ядовитой "жвачкой". Поразительное понижение, обеднение человеческой мысли. Кстати, большинство американцев-интеллектуалов со мной согласятся. Я это хорошо знаю, встречался со многими здравомыслящими людьми из США. Но десятки-то миллионов смотрят этот бред с удовольствием — иначе его бы не снимали. Вот что ужасно!

Так что если рассматривать наиболее фундаментальные устои человеческого бытия, то русский народ, на мой взгляд, оказался еще не в самом худшем положении. Но только, если вопрос ставить таким образом!..

— **Вадим Валерианович, насколько я знаю, ни в одной из своих статей вы не прославляли партию. Еще десятилетия назад в КГБ за вами закрепились репутация инакомыслящего, диссидента. И вот сегодня, когда КПСС как государственной структуры уже не существует, КГБ расформирован, вы высказываете мысли, с которыми наверняка бы согласились и Геннадий Зюганов, и большинство отставных генералов из госбезопасности. Как это можно объяснить?**

— Здесь нужно коснуться сугубо личной темы. Так уж сложилось, что еще тридцать с лишним лет назад я обрел достаточно полные представления о прискорбнейших и прямо-таки чудовищных явлениях и событиях, имевших место в России после октября 1917 года, и встал на путь самого решительного и тотального отрицания всей послереволюционной действительности. В последнее время известнейший диссидент и эмигрант Синявский-Терц не раз вспоминал в различных интервью, как в самом начале 60-х годов я предложил ему — мы были тогда близкими друзьями — отправиться со мной на нелегальное антиправительственное собрание, а он отказался, за что я тогда его осуждал. Вспоминал он об этом только ради иронического выпада: вот, мол, Кожинов вроде был ра-

дикальнее, а в лагерь между тем попал все же Синявский. Но в этом различии судеб есть своя существенная логика. К тому времени, когда Синявский был арестован (1965 год), я уже пришел к прочному убеждению, что бороться надо не против сложившегося в России строя, а за Россию.

— **Вы, если не ошибаюсь, в свое время выступали за "контрреволюцию", исповедовали своего рода культ рыцарских фигур генерала Корнилова и адмирала Колчака?**

— Проблему социализма, проблему исторического пути нашего народа недопустимо рассматривать упрощенно, без вдумчивого анализа всего того, что нам пришлось пережить за последние 70 лет, годы горбостройки и приходится переживать теперь.

Но перейду к сути дела. Нынешние законодатели идеологической моды рассматривают весь путь России после 1917 года как полностью ложный и бесплодный, ведущий в безысходный тупик, и так или иначе призывают начать все сначала или, говоря конкретнее, вернуться к дореволюционному состоянию (в частности, к принципам столыпинской реформы и деятельности крупнейших российских предпринимателей). Целесообразно напомнить, что это последняя новация идеологов от экономики — всего лишь несколько лет назад они настоятельно предлагали вернуться в досталинское время, то есть к нэпу. И между прочим уже тогда, в 1988 году, прозвучали чрезвычайно весомые возражения — однако никто не захотел их услышать. Я, в частности, имею в виду выступление М. Гефтера в нашумевшем сборнике статей "Иного не дано..". Этот историк, в отличие от абсолютного большинства влиятельнейших идеологов, начал критически осмысливать исторический путь страны давно, еще в 60-х годах, и сразу же вступил в конфликт с господствовавшей тогда идеологией. А в книге "Иного не дано..", он, достаточно резко противореча остальным ее авторам, настаивал на необходимости усвоения, как он сказал, "того решающего, хотя еще и не осознанного до конца факта нашей жизни, который кратко, одной фразой, можно было бы определить так: после Сталина нам некуда вернуться — в досталинских временах нам уже места нет..". Иными словами, полностью забыть о социализме нам не

удастся. Да и надо ли к этому стремиться?

Что касается моего отношения к социализму, я должен сказать, что совершенно не разделяю прогрессистский и вообще оценочный подход к исторически сменявшим друг друга общественным устройствам и отнюдь не считаю, что социализм лучше капитализма (и наоборот). Я только констатирую, что порядок, называемый социализмом, идет на смену тому, который называют капитализмом, точно так же, как последний в свое время пришел на смену феодализму.

Не могу не добавить к этому, что, пройдя через полнейшее отрицание социализма, я и в последующее время никогда не был хоть в какой-то мере его апологетом и, в частности, не только отказывался — в отличие от почти всех нынешних ниспровергателей социализма — вступать в КПСС, но и, защитив еще в недостаточной зрелой пору, в 1958 году, кандидатскую диссертацию, не соглашался в последующие тридцать пять лет защищать докторскую, ибо считал это приспособленчеством к режиму.

Один из виднейших русских философов новейшего времени Алексей Федорович Лосев, прошедший несколько лет в ГУЛАГе, признался в 1985 году — и притом не для печати, а в узком домашнем кругу: «Куда дальше движется человечество? А дальше идет то, что противоположно индивидуализму. А именно: общественность и коллективизм. То есть социализм».

— В будущем — возможно. Но сегодня социализм терпит крах, что называется, по всему фронту — перестали существовать многие социалистические государства, в том числе и СССР, на обломках которого горя куда как больше, чем при тоталитаризме. В развале нашей страны, кстати, нередко обвиняют патриотов — того же, скажем, Солженицына.

— Александр Исаевич Солженицын — наиболее воинственный из патриотов. Тем не менее считать его поборником краха государства могут только люди, плохо знакомые с его творчеством или же — прошу прощения — просто недобросовестные. Так, Солженицын недвусмысленно писал еще в 1973 году: «Всяким поспешным сотрясением смена нынешнего руководства (всей пира-

миды) на других персон могла бы вызвать лишь новую уничтожающую борьбу и наверняка очень сомнительный выигрыш в качестве руководства», то есть крах государства приведет к намного более тяжкому положению. Или другое выступление Солженицына: «Народ — это не только миллионные массы внизу, но и отдельные представители его, занявшие ключевые посты. Есть же сыны России и там. И Россия ждет от них, что они выполнят сыновний долг». Солженицын видел главную цель в отбрасывании антипатриотической, антирусской идеологии и напоминал власть имущим: «Сталин от первых же дней войны... отбросил ее, почти перестал ее поминать, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь, — и мы победили!». Подобных высказываний Солженицына можно привести сколько угодно, и не приходится уже говорить о том (это, надеюсь, общеизвестно), что он постоянно и безоговорочно выступал против размывания государственности России в демократическом устройстве западного типа и настаивал на сильной авторитарной власти, традиционной для страны.

Вообще давно пора понять, что настоящий водораздел проходит в России не между коммунистами и антикоммунистами, а между патриотами и антипатриотами. Солженицын, как мы видели, высказал убеждение, что сыны России есть и на ключевых — то есть неизбежно до недавнего времени партийных местах. Тот же Яковлев выступал как самый ярый коммунист, а потом буквально в одночасье стал представлять столь же ярким антикоммунистом, но суть его при этом нисколько не изменилась. Главное в том, что Россия в его глазах — только материал, к тому же весьма плохой — для построения некоего хорошего общества, и не так уж важно, идет ли речь о коммунистическом или, как теперь говорят, цивилизованном обществе. В обоих случаях все или почти все следует разрушить.

— Я вот на днях был в ЦДЛ, на творческом вечере небезызвестной Валерии Новодворской. Она договаривалась аж до того, что гражданская война — это-де благо, ее надо подталкивать всеми силами. Тогда, мол, будет ясно — кто кого, «они нас или мы их»...

— Что я могу вам сказать по этому поводу? Недавно меня интервьюировал один английский журналист, и он меня спросил, как я отношусь к этой политической даме? На что я ему ответил: «Новодворская — это пример распада не всего и вся, а конкретно — нашей психиатрии. Если бы она была во всеоружии, Новодворская бы не имела возможности открыто ратовать за гражданскую войну, не сеяла бы семена зла в душах людей».

Новодворская, впрочем, не так уж и проста, как может показаться на первый взгляд. Ее пируэты просто поразительны! Раньше она отрицала любую власть, а теперь, когда увидела, что власть Президента укрепляется, быстрехонько изменила позицию. Если такие люди, как Новодворская, окажутся у власти, гражданская война может стать реальностью. Прольется море, нет, океаны крови! Поэтому мне представляется заслуживающей внимания мысль моего оппонента «совершенно секретного», журналиста Михаила Любимова, который как-то в разговоре со мной сказал: «Мне кажется, борьба за культуру, за достоинство человека, за Россию крепкую и здоровую, за Россию бесконфликтную может стать объединяющей „демократов“, которые патриоты, и „патриотов“, которые демократы».

— Вадим Валерианович, нашу беседу наверняка будут читать в первую очередь те, кто равнодушен как к настоящему России, так и к ее далекому прошлому...

— История, которая пишется сегодня, неразрывным образом связана «со днем минувшим». Приведем хотя бы такой пример. В свое время большевиками в чисто политических целях были устроены автономии. На самом деле они их всерьез не признавали; конечно, поэтому границы проводились от фонаря. А это вон как аукнулось. Справедливо писал русский мыслитель Иван Ильин: «В 1922 году была заложена бомба замедленного действия».

— Сегодня от этих запланированных взрывов страдают, погибают и в переносном и в самом прямом смысле тысячи людей, российские военные...

— Да, история, к сожалению, плохо учит политиков, из-за бездарных ре-

шений которых военные первыми оказываются втянутыми в те или иные конфликты, войны.

Дело в том, что прямые попытки рьяных перестройщиков заглянуть в будущее, проектировать будущее заведомо легковесны. Единственно надежный путь состоит именно в глубоком изучении прошлого, изучении, которое способно привести к выявлению действительно плодотворных тенденций, достойных быть продолженными, развитыми, в конце концов, даже воскрешенными. Без обращенности в прошлое можно только разрушать; созидание же немислимо без глубочайшего внимания к прошлому.

В свое время руководители партии и государства принимали участие в торжествах на Бородинском поле в связи со 175-летием великой битвы. Между тем в 1980 году, году 600-летия Куликовской битвы, это всенародное торжество было объявлено чисто областным тульским делом. Не буду скрывать, что я воспринял тогда эту, прямо скажем, нелепую позицию «верхов», с острым чувством стыда и гнева...

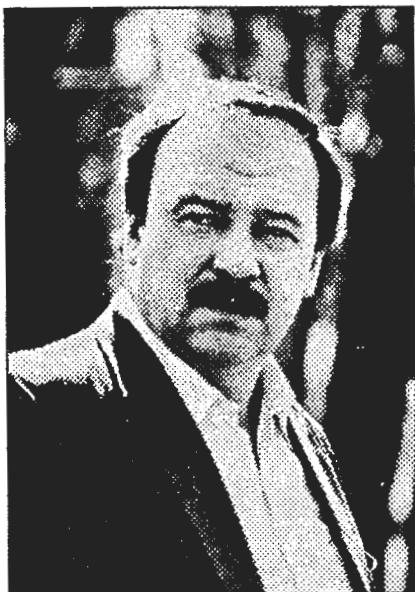
Человек, личность, родившаяся и выросшая на этой земле, может высоко подняться в своем практическом и духовном деянии, только если постоянно будет опираться на многовековой опыт своей Родины. Иного плодотворного пути нет. Это отнюдь не значит, что у нас нет нужды обращаться к достижениям других народов. Но полученные таким образом уроки могут принести настоящую пользу, только лишь если мы сумеем приобщить их к своему тысячелетнему практическому и духовному опыту.

Словом, дело не просто в том, что Родина хороша, ибо она моя Родина; дело в том, что я, рожденный здесь, могу действительно осуществить себя только в нераздельной связи с историей и современностью Родины.

— Что ж, Вадим Валерианович, я думаю, что это ваше утверждение вполне можно считать и пожеланием всем читателям журнала российских внутренних войск. Спасибо за беседу.

(Специально для журнала
«На боевом посту»)

ГЕННАДИЙ КАСМЫНИН

Геннадий Григорьевич КАСМЫНИН родился в 1948 году в Саратовской области, в селе Казачка. Срочную служил во внутренних войсках, затем работал и заочно учился в Литературном институте им. А.М.Горького. Полтора десятилетия назад в издательстве "Молодая гвардия" увидела свет его первая поэтическая книга "Горький клевер", а затем в различных московских издательствах вышли еще пять поэтических книг. Член Союза писателей. Живет в подмосковном городе Реутово.

ДУША СТРАШИТСЯ ПЕРЕМЕН...

ТАК ТИХО В ЭТОТ ВЕЧЕР БЫЛО

За колеями околесиц,
Через дубовые леса
Луна взойдет, сменяя месяц,
Послушать жалобы овса.

Она в платочке мгlistом выйdet
С метелкою из камыша
И подметет, где сор увидит,
Прохладой прошлого дыша.

Пыль поднимая золотую,
Иду туда, где жизнь была,
Где охраняют рожь пустую
Последние перепела.

И на безлюдье, на руины
Гляжу через кресты кладбищ, —
И ни огня среди равнины,
Ни человеческих жилищ.

Как будто здесь прошла комета
И подмела своим хвостом
Последнее жилое лето
В последнем веке золотом.

Так тихо в этот вечер было,
Когда опять взошла луна,
Что кажется: земля простила,
Как всем прощала все она.

Уже бессильная что-либо
В своей судьбе переменить,
Людьми изъеденная глыба,
Червями траченная нить.

Клубок столетья весь размотан,
Стремителен в погибель бег,
И хочется увидеть, что там
На сцену двинет новый век.

Взглянуть хочу я за кулисы
На всех героев, их дела.
Не дай-то Бог, там только крысы,
Руины, пепел и зола...

***

Отроги Тянь-Шаня
над клумбой из роз,
И шелест чинары, и шелест колес,
И воздух прогретый, пустынный,
сухой,
И ослик понурый, и мальчик плохой,
И площадь,
где Ленин в железном пальто —
И это в жару! И не снимет никто.
И скверик напротив, желанная тень,
И дети в фонтане, и джанджидый день,
И дым от мангала, и дыня...
И дым

Над жизнью моей,
над раздумьем моим...

СУВЕРЕНИТЕТ

Грузины не любят Россию,
Армяне не любят Россию,
И все-таки я не пойму,
Их логики я не осилю:
Бегут от разрухи в Россию,
Как сами писали — «в тюрьму».
Живут почему-то в Рязани,
В Москве обретают уют,
И в русскую, как мне сказали,
Учебу

детей отдают.

А дома воюют за что-то,
Льют кровь и едят на обед —
Кого?

Называть неохота,
Поскольку — суверенитет.

БАРАК

Тут жили умный и дурак,
И тили-тили-тесто...
Пришел злодей, поджег барак,
Где всем хватало места:
Ивану, Марье, старику
При орденской колодке,
И от журналов дураку,
И умному от водки.

Конечно, тесно было тут
И не гигиенично,
Зато гулял крещеный люд,
Бывало, на «отлично».
И то сказать, какой простор
Со всех сторон барака:
Сто тысяч рек, лесов и гор,
И в Африке макака,
И в зоопарке крокодил,
И слон, и даже моська...
Сгорело все. Барак чадил,
Дырявый, как авоська.
А впереди была зима,
Как белый лист для жалоб.
Остался умный без ума.
Дурак же — без журналов.
Злодея так и не нашли,
Хотя поймать решили,
И все бараки подожгли,
Где весело мы жили...

***

Душа страшится перемен,
Для счастья хватит ей
Окна во тьму, привычных стен,
Знакомых тополей.

Как ловкий фокусник, циркач,
Жизнь предлагает мне
В личине смеха — вечный плач
И истину в вине.

Откроет даль, укажет путь,
Зальет бензина в бак —
И не забудет плюнуть, пнуть
И посадить в кабак.
Ты прежней жизнью дорожи,
Теплом отцовских стен, —
Не то заманят миражи
В капканы перемен.

***

Влюбленный снег целует в губы,
Твою помаду не спасет
Ни воротник собачьей шубы,
Ни тот, кто рядышком идет.
И тем отважней снег влюбленный
За ворот лезет — вниз и вглубь,
И пьет из глаз настой зеленый,
И рвет рябину теплых губ,
И прикасается, как пена,
К пушистой изморози век...
Любовь — всегда чуть-чуть измена:
Ревнует муж, целует снег.

***

На звездном небе все в порядке —
Ты гипнотически глядишь
На млечно-огненные грядки,
На их мерцающую тишь.
Как бы в цветенье огуречном
Висит в пупырышках луна,
И гармоничным, бесконечным
Душа свечением полна.
Залает пес и растревожит,
И в сердце самое кольнет:
Так продолжаться жизнь не может,
Она себя перевернет.
Пошлет туда, где грязь и морок,
И беспорядочность страстей,
И страшный мир, что равно дорог
В ночи московских новостей.
Уже не в силах оболочка
Сдержатъ безумие виска.
А дальше — взрыв! А дальше —
точка.
А дальше — новая строка.

Овидий ГОРЧАКОВ

ВНЕ ЗАКОНА

Главы из романа*

10.

Впереди лежал пыльный открытый шлях. Ни к чему здесь сталкиваться с немцами, не наша тактика — вести бои на открытом пространстве.

Виноградов, как и положено разведке, внимательно осматривал дорогу, выписывая по ней кренделя. Наконец он вернулся ко мне и доложил:

— Значит, так, Витек. Немцы тут ходят нечасто, по крайней мере, сегодня ни следов, ни окурков не оставили, а не далее как вчера прогуливались. Зато машины проезжали недавно: запах этилированного бензина еще улавливаю. Уезжали со стороны населенного пункта, а пункт этот — если идти вправо.

Виноградов меня часто поражал точностью своих замечаний, но тут я ему не поверил: мол, свисти, да меру знай; следы машины в пыли рассмотреть можно, согласен, но как определить, когда она проехала? А главное — по каким признакам можно узнать, в какой стороне от нас ближайшая деревня?

— Ну, командир, — подчеркнуто высокомерно развел руками разведчик, — азбуку разведки ты должен знать. Позавчера дождь шел? Шел! А табак в окурках сухой, вот они, окурки. Значит, падали они уже на высохшую почву, то есть примерно вчера в полдень. Есть и старые окурки, значит, ходит тут немец регулярно. А вот, посмотри, сигарета под колеса попала, табак еще

с пылью не смешался, как новенький. Если бы вчера это было, табак бы ветром развеяло.

— Согласен, — обескураженно признал я свое поражение. — Но не по окуркам же ты узнал, в какой стороне ближайший населенный пункт?

— Ну, для этого мне действительно понадобилось проявить высшее мастерство разведчика, не буду скромничать.

— И в чем же оно?

— Видишь пригорочек? Вон, метрах в пятидесяти от нас?

— Вижу. И что?

— А ничего. Просто с него хаты видны. — И он довольно захохотал. — А хаты, Витя, — это косвенный признак наличия населенного пункта, ты со мной согласен?

Село издали выглядело маленьким, что плохо, лес от него отстоял на большее, чем хотелось бы, расстояние.

Тем не менее мы решили подойти к домам, поговорить с селянами.

Немцев здесь не оказалось, и, выставив охрану за околицей, мы разошлись по хатам. Поначалу приняли нас настороженно. Я заметил, как боязливо косились женщины на немецкий синезеленый мундир Баженова. Тот тут же прибег к дипломатии:

— Да свой я, бабы, честное слово, свой! Ну где вы видели рябых фашистов?

Пошли улыбки, разговоры...

Выяснилось, что в селе уже знали о переходе партизан через железную дорогу. Станцию охраняют французы, и

* Продолжение. Начало в N 5.

один из них видел, как пробежал по насыпи отряд, но сказал об этом начальству лишь тогда, когда мы были уже в лесу. Гарнизон подняли на ноги, немцы не спали до утра, однако организовать погоню в лес побоялись.

— А что, разве есть французы на стороне немцев? — спросил кто-то.

— Есть и русские, — ответил Барашков.

— Есть, — тут же загалдели бабы. — У нас вон бургомистр — такая сволочь! Деревенские ребята в лесу оружие находили, хотели отряд сколотить, чтобы врага бить, так он их всех до одного немцам выдал. Арестовали их, увезли и расстреляли в Костюковичах.

К дому бургомистра вместе с бойкими женщинами пошли Солянин и Житков.

До такой степени испуганного человека я видел впервые. Страх сыграл плохую шутку с его лицевыми мускулами — крупное лицо стало похоже на дрожащий студень. Он слушал крики женщин и ни слова не говорил в ответ, он просто не мог говорить. Ведь это сынов вот этих женщин выдал он на растерзание фашистам.

— Может, пусть сами бабы и расправятся с предателем? — предложил кто-то. — Они его в ключья разорвут!

— Нет, — решительно ответил Баженов. — Самосуд здесь не к месту, он и без нас мог бы состояться. Карать врага должна наша власть, и мы, так сказать, от ее имени...

Сказано все было, может, не слишком гладко, но верно. Правда, с этим, кажется, не совсем согласился Бухтеев:

— Суд все же нужен. А то мы — как Самсонов...

— Вот он, суд! — показал Баженов на женщин. — И не надо сравнивать, мы не втихомолку, не прячась, исполним волю сельчан. Командир, кого назначишь шлепнуть этого гада? Грязная, конечно, работа, но...

Конечно, грязная. И не надо ее делать чьими-то руками. Я вынул из кобуры пистолет, совсем не робея от того, что предстоит сейчас сделать, сказал бургомистру:

— Пойдем за околицу...

Все остальное было буднично. После моего возвращения Виноградов окликнул одного из своих разведчиков:

— Иващенко! Пойди сапоги заведи у этого... В своих ты долго не проходишь, разлезаются... Да, командир, тут мы полиция одного выявили, но он вроде ничего: и не по своей воле к немцам пошел, и, бабы говорят, местных в обиду не давал. К нам в отряд он просится. Так что, тоже шлепнем или с собой возьмем?

Я так взглянул на взводного, что тот понял все без слов:

— Не будем шлепать. Фомченко его фамилия. Места эти хорошо знает, может стать проводником. Берем?

11.

— В этом селе пять человек полиции, — говорит нам Фомченко. Мы из ольшаника рассматриваем большое село, раскинувшееся по обоим берегам мелкой на вид речушки. — Все трусливые, я их знаю. Дайте мне винтовку — я их через полчаса приведу.

— Ты нас дураками-то не считай, — криво улыбается Баженов. — Уйдешь — и поминай как звали.

Я отыскал взглядом Виноградова.

— Переходи со своими бойцами мостик, сделай поначалу вид, что в село направляешься, но потом прямо вот по этому сжато полю держи курс на лес. А мы пока тут останемся, посмотрим, чем вас встречать будут.

Выстрелы защелкали, когда разведчики были посреди поля, между селом и лесом. Били, конечно, не пять стволов, а побольше, но когда весь наш отряд подошел к мостику, оказавшись на виду у сельчан, выстрелы тотчас смолкли. Выходит, с группой разведчиков полиция чувствовала себя на равных, хотели завязать с ними бой, но со всем отрядом им тягаться слабо. Можно было войти в село, атаковать предателей и судить их так, как судили мы недавно бургомистра, но Бухтеев в принципе сказал правильно:

— Прикинь, сколько в таком бою своих положить можем — с поля ведь наступаем, все как на ладони. Не думаю, что игра стоит свеч.

На окраине леса мы соединяемся с бойцами Виноградова. Тот сразу берет за грудки Фомченко:

— Винтовка, говоришь, тебе нужна? Полицаяев, говоришь, всего пятеро? В ловушку нас решил заманить?

— Я не виноват, — испуганно оправдывается Фомченко. — Их только пятеро должно было быть. Может, другие из соседнего села пришли? Они часто ходят друг к другу. А насчет винтовки — я ведь хотел как лучше.

— Если еще раз будешь «хотеть как лучше», я тебя шлепну, понял?

... К вечеру подул ветер, стало холодно, нудно зашкрипели сучья. Раньше времени мы остановились на ночевку.

После того дня, когда Ляля чуть не ушла с другими женщинами из отряда, мы с ней почти не говорили. Правда, я то и дело ловил на себе ее долгие печальные взгляды и несколько раз за собой замечал, что смотрю на девушку. «Надо сегодня поговорить с ней, — решил я. — Надо еще раз объяснить, что я не имел права поступить иначе, что меня бы, как командира, могли превратно понять, но что я все же очень хорошо к ней отношусь, и если бы не война... А может, и ни при чем она, война? Может, во мне сидит комплекс Самсонова? Я до того боюсь повторить его ошибки, что готов поставить крест на любви к Ляле..»

Она сидела в отдалении от всех, на пригорке.

— Ляля, — сказал я для начала. — Мне бы перевязать руку... Немного растревожил, рана болит...

— Сегодня этим занимается Люда, — сказала она, старательно избегая моего взгляда. Потом вообще повернулась ко мне спиной, замурлыкала какую-то песню, явно давая понять: разговор окончен.

Что ж, может быть, это и к лучшему. Я ведь так и не придумал, что скажу ей.

... Четыре дня мы двигались на восток. За это время ничего особенного не произошло. В последний раз вошли в большое село. Разбились на группы, запасаясь продовольствием у местного населения. Спустя час, когда собрались в заранее обусловленном месте, обнаружили, что исчез Фомченко.

— Хрен с ним, от него ни пользы, ни вреда, — махнул рукой Виноградов.

— Это ты его так напугал, что он решил сбежать, — сказал Баженов. — «Шлепну, шлепну... Кому это понравится? Ну да ладно, одним дармоедом меньше...

12.

Несколько дней кряду я пытался связаться с Центром, но все попытки были безуспешными. Токарев всегда поступал одинаково: снимал наушники и молча разводил руками: не отвечает, мол, Москва.

Наш отряд мал, чтобы вести активные боевые действия. Нет патронов, взрывчатки, связи с другими отрядами.

«О партизанах в ваших краях не слышать?», — допытывались бойцы, заходя в села. «Няма..», — пугливо отвечали бабы. Сопливые мальчишки на наши расспросы лишь шмыгали носами — многие даже не знали, что означает это слово. Старики стремились к разговору, затрагивали самые разные темы, но о партизанах тоже ничего не могли сказать. Как выяснилось, редко они видели и немцев. Два-три раза в месяц приезжают те из города, полонят уток, гусей, забывают борова и исчезают. Полицаи тоже не больно зверствовали, хлестали самогон, до одурения резались в карты, исправно следили за поставками продуктов немецкой армии.

У селян было чем потчевать нас. Прозлогодний хлеб доберегли до нового, птица водилась, скотина. Но не изведая, что такое враг, что такое война и беда, население тут было прижимистое. Некоторые одиночники прямо вслух высказывались: «А за что вас кормить-то? Толку нам от вас няма..». Выслушивая эти слова, Виноградов кусал от злости губы, Баженов белел лицом, другие тоже, мягко говоря, не проявляли радости. Все чаще спрашивали: «Мы для чего сюда прибыли, командир? Озоном дышать, харчи за дарма лопать? Когда действовать начнем?»

А Центр молчал.

Покрасила листву деревьев осень, та облетела, и насквозь просматривались прозрачные рощи. Стылый туман на капливался ночами в лесных низинах, стал злее ветер, более колючим дождь. Все чаще и днем разводили костры, чтобы обогреться, просушиться. Дым теперь не рвался вверх, а стлался над землей, разъедая глаза. В теплые дни пахло гнилью, грибами, в холодные уже ощущалось приближение заморозков.

Не отвечал Центр.

Мы начали быстрее обычного уставать. В Хачинском лесу не знали передышек — марши, засады, ночные схватки, суточные бдения без сна — и ничего, нормальные себя чувствовали. Потому что были заняты делом. А тут дух потерянности витал над головами, неопределенность, неуверенность, как необычное атмосферное давление, давили на виски. И на привалах я все реже видел улыбки и слышал смех. Мрачные бойцы говорили лишь о еде, холоде, гадали, что происходит на фронтах.

Однажды боец Королев принес из одной деревни немецкую газету. Развернул ее на привале, перед тем как пустить на самокрутки, стал вслух читать заголовки, вспоминая немецкий алфавит.

— И-н-ди-ен... Черт, дальше совсем непонятно. Индиен! И немцы стоят, улыбаются. Это что же, выходит, Гитлер уже до самой Индии допер, а? А во, смотрите, снимок: немцы вроде как с японцами рядышком стоят. Неужто встретились они на востоке?

— Ты что болтаешь, дурья башка? — перебил его сердито Барашков. — Мы же в последней сводке слышали: бои идут на Дону.

— Так сколько времени прошло с тех пор, как слышали, а? Еще в Хачинском лесу. А тут Токарев Москву поймать не может. И потом, вдруг наши просто людей расстраивать не хотят, не все сказывают? Ведь в газете же — снимки, почти документ.

— Заткнись, Королев! — на сей раз почти закричал Барашков. — Ты вдумайся, что такое несешь... — И повернулся к нашему радисту: — Токарев, попробуй, братец, сегодня с Центром связаться. Чует мое сердце, сегодня нас услышат. Дадут район действия, инструкции, оружие, и мы тогда... Попробуй, Токарев!

Центр опять молчал.

13.

Костры — это не только тепло, это — разговоры.

Завалишин рассказывает Люде и Сироте:

— Я уже в первый день войны набросал на листочке простенькую задачу. Вычислил, что если каждый наш красноармеец убьет до вечера хотя бы одного ганса, война тут же и закончится, наступит капут всей германской ар-

мии. В цифрах хорошо все получалось, да немец в математике не глупее меня, видно, был, не хотел погибнуть, а нас колошматил. Я только на четвертый день войны пулю во врага пустил, да и то не уверен, что наповал того сразил. А друзей хоронил — руки устали могилы рыть. Только в партизанах, в Трилесино уже, когда немцы на Хачинский лес шли, я их и пощелкал хорошо. А война все еще тянется. Значит, или я в математике слаб, или тогда, в июне сорок первого, не все учел...

У другого костра собрал слушателей радист Токарев.

— Я-то сухопутным случайно стал, да. Перед войной — летал. В Сибирском военном округе меня от кухарки до командующего все знали, я тогда стрелком-радистом был. А в сороковом приехал на маневры маршал Кулик. И решил я перед ним класс показать. У нас-то как? Летит первый самолет, тянет мишень, которую мы «колбасой» зовем, а я лечу следом и должен эту «колбасу» пулями нашипиговать. Ну, глаз у меня что надо, я первой же очередью это задание выполнил, и черт меня дернул попробовать трассирующими канат перебить, ну тот, на котором мишень прицеплена. Сейчас, думаю, у самого хвоста его обрежу... Мазанул. А летчик то ли не понял моего замысла, то ли за самолет испугался, но отцепил канат и быстренько вниз спикировал, на посадку. А отцепил чуть ли не над головой Кулика и сразу после посадки, конечно, «объяснился», с маршалом. Тут и мы приземляемся, маршал сразу: «Кто из вас стрелок-радист?», Я грудь вперед — слышал, что маршал любит храбрых и рискованных, — докладываю: «Старший сержант Токарев!». А Кулик переспрашивает: «Старший сержант?», — и замолкает, вроде как обдумывает что. Я тоже обдумываю, какое повышение мне светит. И слышу: «Сегодня же его — в рядовые и в пехоту, чтоб небо не позорил!». Прибыл я в пехоту в хромачах, в новеньком обмундировании. Это к тому говорю, что по внешнему виду, скажем так, малость отличался от остальной братии. Мне это отличие за неделю стерли, гоняли по-пластунски так, что лохмотья на теле висели... Но душу не стерли, вернусь на Большую землю — опять в авиацию попрошусь.

Под сосной сидит в одиночестве Завалишин. Подсаживаюсь к нему, подбрасываю в еле тлеющий костер сучья.

— Странное дело, — говорит Завалишин. — Сны который день одни и те же снятся. Даже не сны, а воспоминания,

что ли. Мы прошлым летом от немца драпали, страшно было, он делал с нами, что хотел. Кажется, забылся тот кошмар, а сейчас — только глаза ночью сомкну, и являются гады эти, фашисты, в виде чудищ рогатых. Глаза вытаращенные, слюна на губах, зубы — как у вепря клыки. И что характерно, опять меня гонят, а я ничего поделаться не могу, потому просыпаюсь через каждые полчаса... А в Хачинском лесу другие сны снились — я самого Гитлера в плен брал! С чего бы это, командир?

Я промолчал, но ответил Виноградов — он, оказывается, стоял рядом, заинтересовавшись рассказом Завалишина:

— С того, милый друг, что ты, как и год назад, опять драпаешь. И при этом так старательно избегаешь стычек с немцами, что скоро вообще забудешь, как в Хачинке воевал.

Это был прямой упрек в мой адрес. Упрек от человека, которому я верил, как самому себе. Слова его были справедливы. Но как я мог вести в бой людей, не имея боеприпасов? Как проводить в тылу врага диверсии без взрывчатки? Как решиться на разработку крупной операции без связей с другими партизанскими отрядами? Даже если мы начнем активный сбор разведанных, то что с ними делать, кому и как передать?

Так что же, никуда не годный я командир, или действительно сложилась безвыходная ситуация?

Я ходил меж кострами, и ничего больше не слышал, и не видел лиц бойцов. Ситуация... Неужто завтра они мне скажут: лучше быть с Самсоновым, чем с тобой! Пусть он деспот, но он умело бьет врага, и в конце концов именно это ему зачтется. Ты же только трусливо бежишь, даже не зная куда. Ты ничего не можешь решить...

Ничего не можешь, ничего не можешь...

Я натолкнулся в темноте на кого-то, узнал лишь по голосу: Баженов.

— Витек, ты чего такой? Рана заболела, что ли? Ходишь потерянный какой-то.

Я решил не мозолить людям глаза. Выбрал место для ночевки, завернулся в шинель. Думал, что не смогу заснуть до утра, но провалился в сон, лишь только смежил глаза.

Проснулся, почувствовав, что кто-то коснулся моей спины. Наступал рассвет. Поблуднели звезды, угадывались

очертания поляны, на краю которой я лежал. Кто же примостился рядом? Повернул голову... Наверное, я сделал это очень быстро, и Ляля едва успела закрыть глаза: ее ресницы, кажется, еще дрожали. Красивые пушистые ресницы. Темные обветренные губы. Завиток волос упал через всю щеку. Я тихонько тронул его, но, не зная чего испугавшись, отдернул руку. "Ты самая красивая", — прошептал чуть слышно. Ляля не сдержалась, улыбнулась, взяла мою ладонь и положила ее себе под щеку. "Все будет хорошо, спи". Поверх одеяла я набросил на нее и свою шинель.

Рядом прошел часовой, он наверняка видит меня с Лялей. Ну и пусть. Мне почему-то даже хочется, чтобы он видел нас.

— Все нормально? — спросил я.

— Нормально, командир. Погода сегодня, видно, хорошая будет, трава росная — просто ужас!

14.

Мы находимся в междуречье Сожа и Ипути. Здесь нет сожженных деревень, подбитых танков, окопов, воронок, нет братских могил. Красная Армия отходила по этим местам практически без боев, не оставляя окруженных частей, оружия. В Хачинском лесу кто составлял основу отрядов? Военный народ — окруженцы, бежавшие от врага военнопленные.

В междуречье все не так. В некоторые деревни здесь даже немцы месяцами не заглядывают, есть жители, которые "гитлеров, в глаза не видели. Тихая патриархальная жизнь каждое малое событие делает здесь запоминающимся.

— Дед, — обратились мы в одной из деревень к пасечнику, — не слышал, военные тут не проходили?

— Не только слышал, сам видел, вот как вас.

— Что за люди? Когда это было?

— Так наши люди. С оружием, кто в гимнастерках, кто в пиджаках. Три пушки тянули, командира раненого несли. Недавно это было...

— Куда они шли, дед? В какую сторону?

— В лес. Говорили еще, что или к своим пробиваться будут, или партизанами станут.

Ну как тут не взволноваться! Сердца забились, как дизельные моторы, но пыл остудил рассудительный Баженов:

— Откуда сейчас тут наши с пушками? И как они с пушками к линии фронта топтать будут? Это психами надо быть. Не то тут что-то, командир. Я бы еще понял, если бы они из плена бежали, но — оружие, артиллерия... — И к деду: — Ты скажи точнее, отец, когда это было, а?

— Недавно, говорю же... — Тот поднял глаза к небу, что-то подсчитывая. — Да, правильно, в начале прошлой осени! Грибы как раз в лесу пошли!.. Я их засолил, хотите попробовать?

Грибами и картошкой, бульбой по-местному, нас угощали щедро. В одном доме на стол подавала не просто красавица — царевна, прямо-таки девушка из сказки! И очи синие, и губы алые, и коса русая — все при ней было. Кажется, я слишком уж восторженно смотрел на нее, так как Ляля, сидевшая рядом со мной, ни с того ни с сего громко, на всю избу, заявила:

— Командир, торопиться надо. Как-то черта мы тут расслаживаемся, как в ресторане?

Она еще никогда не разговаривала так грубо, никогда не называла меня командиром, и глаза ее не были такими злыми. Я подлил масла в огонь:

— А куда торопиться? Тут так славно...

Ляля брякнула о стол револьвер, стала тут же разбирать его и чистить. Но скоро она остыла, видя, что местной красавицей более, чем я, заинтересовался Коля Барашков. Да и он ей, видимо, приглянулся, потому получил дополнительную кринку топленого молока и еще одну миску поджаренной картошки. Коля вызвался помогать царевне, таскал из кухни к столу миски, а за ним зорко и настороженно следила мать девушки.

К ночи мы покидали гостеприимных хозяев, уходили из теплого дома в сырой лес. Уходили, а рядом с крыльцом стоял Барашков, сжимал в своих огромных руках ладошку девушки, тихо говорил ей что-то, и она, смущенная, не избалованная мужским вниманием, восторженно смотрела в его глаза, а мать ее, стоя по другую сторону крыльца, мяла в руках передник и, кажется, плакала, сама не зная отчего. Конечно же, ей хочется счастья для дочери, конечно же, ей не хочется, чтоб про-

хожие молодцы обманули ее, но вот уйдем мы — и вообще никого не будет на горизонте у ее дони...

Ляля взяла меня за руку:

— Как бы я хотела, чтоб они были счастливы. — Помолчала и добавила: — Как мы.

Я обнял ее за плечи, но тут же отстранился и быстро зашагал в голову отряда...

Господи, уж не жалеет ли она меня, видя мою беспомощность?

Из деревни Иващенко и Сафонов вынесли флягу самогона. Об этом я узнал утром, увидев некоторых бойцов пьяненькими. Среди тех, кто "причастился", самогоном, был и Токарев. Теперь он сидит у костра на сваленной березе и непомерно громко ведет политбеседу:

— Патриотизм — это прежде всего вера, правильно? Я верю, что и без меня враг будет разбит вдрызг. А если кто из вас непременно хочет идти в бой, тот не верит в нашу победу, не верит, что в конце концов победа будет за нами. Посему считаю, что командир у нас молодец: на рожон не рвется, а значит, он истинный патриот. Теперь возьмем Самсонова. Он нас всех к самопожертвованию призывал, мы из-за него ежедневно жизнями рисковали, а зачем? Мы в масштабе войны пылинка, которая ничего не может решить. Так с какой же стати нам помирать, а? Нет, надо сейчас всем нам выпить за здоровье нашего командира. — Он сделал жест в мою сторону. — И продолжать быть патриотами!

— Особиста на тебя нет, шутник, — сказал подошедший Виноградов и тронул меня за локоть: — Витя, Барашков-то наш не только про любовь с красавицей шептался, но и кое-что важное выведал. Пойдем на карту взглянем. Понимаешь, есть тут где-то деревня Орловка, накануне девушка шла туда, да услышала выстрелы и повернула обратно. Потом узнала от одной знакомой, что это партизаны напали на полицаев...

Орловка стояла на берегу небольшой речки, притока Беседи. По ту сторону ее начиналась Смоленская область, в лесах которой, это мы хорошо знали, действовало немало партизанских отрядов. Я свернул карту:

— Надо послать разведчиков в деревню, пусть выяснят, кто стрелял, зачем, когда. А то получится, как с дедом-пасечником.

— Пойдут Баженов и Завалишин — и не паникеры, и наблюдательные. Уверен, что они добудут самую достоверную информацию.

Разведчики отсутствовали долго. А вернулись с новостями, которые лично меня сначала обрадовали, потом испугали.

Вчера в Орловку и еще в одну деревню, Сенную, стоящую по другую сторону речки, действительно наведальсь партизаны. Большой отряд. Стреляли они по разбегавшимся полицейам, потом беседовали с жителями, рассказывали им о делах на фронте, о своей деятельности. Были среди партизан и женщины. Имя и фамилию одной сельчане хорошо запомнили, поскольку она была бойкая, веселая, ходила от двора к двору. Партизаны называли ее Аллой, Аллой Бурковой.

— Я подумал, что это может быть совпадением, — сказал Баженов. — Стал интересоваться, как выглядели другие партизаны, и по описаниям угадал Кухарченко, Щелкунова, Ольгу... Нет сомнений, командир, Самсонов рядом с нами!

— Надо идти к Самсонову, — тут же сказал Бухтеев.

Я перевел взгляд на Токарева. Тот неопределенно пожал плечами и отвернулся.

— Барашков, что ты скажешь? — спросил я.

Николай подошел к разложенной на столе карте:

— Самсонов, как показали сельчане, ушел на восток. Нам надо повернуть на девяносто градусов и дуть на север.

— Виноградов?

— Барашков прав, но только в том смысле, что с Самсоновым нам не по пути. А идти на север... Взгляните: тут узловые железнодорожные станции — одна на другой, немцы их наверняка здорово охраняют. Потом, поскольку это партизанский край, то у них накоплен опыт борьбы с нами: засекут, сядут на хвост... Чем будем отбиваться? И Центр молчит.

— Короче, что ты предлагаешь?

Он помолчал, кусая губы, потом тряхнул головой:

— Все же идти на север. Готовиться к боям, к активной работе.

— Есть другие мнения?

По глазам бойцов, присутствовавших при разговоре, я видел, что не все разделяют вывод Виноградова и Барашкова. Но открыто возразить решилась только Люда:

— В отряде Самсонова, как вы знаете, мой муж, Юрий Никитич. И я... Я пойду туда, и никто не имеет права меня удерживать. Я пойду!

Она решительно скинула с плеча санитарную сумку, бросила ее под ноги, повернулась и побежала вдоль берега речки.

Я смотрел ей вслед и думал: одна она не найдет отряд, она может попасть в руки полицейских, которые после стычки с партизанами наверняка глядят в оба. Надо вернуть ее. Я повернулся к Баженову:

— Верни Люду.

Вместе с ним побежала догонять подругу и Ляля. Но тут зло заговорил Бухтеев, стоявший рядом со мной:

— Что ты делаешь, командир? Хочешь вернуть ее, а потом избавиться как от опасного свидетеля? Чем же ты лучше Самсонова, а?

Я почувствовал, что мне не хватает воздуха. Неужели бойцы могли подумывать, что я учиню расправу над женщиной? Что ответить Бухтееву, какие слова найти? А он продолжал в том же духе:

— Но тогда тебе придется и со мной кончать, понял? Я иду с ней! Кто со мной к Самсонову, бойцы?

Тут мне стало по-настоящему страшно. На моих глазах произойдет сейчас раскол отряда. В горячке и в запальчивости как бы кто не схватился за оружие.

Трудно сказать, чем бы все закончилось, но вот из-за ближайших деревьев показались Люда, Баженов и Ляля. Все трое молча подошли ко мне.

— Ты прав, — сказала Люда. — Одна я бы не нашла отряд, а на пулю полицейских напоролась бы запросто. Прости, я сглупила.

Бухтеев продолжал стоять рядом, он глубоко, нервно дышал. Кажется, он был страшно недоволен тем, что обстановка разрядилась.

Этот день все шагали молча, не слышалось веселой перебранки и у ночного костра. У людей хмурые лица. Все по очереди читали найденную в лесу уже пожелтевшую листовку, видно, сброшенную нашими с самолета. В ней было напечатано обращение к партизанам. Нам рекомендовалось, исполь-

зую длинные осенние ночи, активнее проводить диверсии на железных дорогах, нападать на немецкие гарнизоны, карать предателей-полицаяв. "Трусость не должна быть свойственна партизанам!" — эта строка из обращения более всего воспринималась нами.

— А мы живем да хлеб жуем, — печально вертя в руках листовку, говорил Виноградов. — Едим да небо коптим. И ведь не виноваты в этом, честное слово, не виноваты. Но так уж складываются обстоятельства...

Эта ночь выдалась особо холодной, воздух пах гнилью. Я до утра не смог сомкнуть глаз. Ляля тоже все время ворочалась. Господи, зачем я ей такой — неудачник?

15.

Утром начинается врачебный обход — Люда и Ляля делают раненым перевязки.

Ненадолго выглядывает солнце, прощается с последними листьями на вершинах берез, вспыхивает прозрачной слезой на смолянистых сосновых подтеках. Но скоро опять начинается мелкий, занудливый дождь. Тучи пока не закрыли все небо, и видны эскадрильи журавлей, строгим клином пролетающие над лесом.

— Какое число ныне? — спрашивает Трофимов. — Так, дайте припомнить, что там говорят народные приметы... Ага, слушайте сюда. Зима будет поздняя, но снежная...

Близкая стрельба подняла всех на ноги. Стреляли в той стороне, куда ушли с рассветом на разведку Виноградов и Турка — так меж собой называли бойца Шуру Солянина, темнового, темнокожего, по-южному энергичного. Били автоматы, потом раздался взрыв гранаты. Баженов тут же определил:

— Наша граната, та, что у Турки была.

— Давайте отходить, давайте отходить! Отходим!.. — запрочитал Бухтеев. — Как слепых котят нас здесь всех возьмут, нечем же оборону держать.

— Молчать! — с несвойственной мне злостью крикнул я. — Надо будет — бой примем, а паники не нужно.

Канонада была такая, что, казалось, на передовой фронта армии сцепились. А ведь наших там — лишь двое.

Неужели влипли? Неужели напоролись на немцев? Но почему тогда так долго длится перестрелка?

Лишь минут через десять выстрелы затихли, а еще через полчаса на поляне появились наши разведчики: невозмутимый Виноградов с папиросой в зубах и пританцовывающий вокруг него Солянин. Он же, увидев нас, первым и начал рассказывать, что произошло, и делал это, как всегда, так, что понятным смысл слов был только для него:

— Там, блин, Пустошь, село такое, в каждой хате по полицаяу. Я вижу, блин, один в меня целится, гранату — р-раз! — бляха не уцелела! А Виноградов другого — шлеп! Только же их, блин, много, пуль — как пчел, мы ходу, а сзади пулеметы, блин...

— Да ты хоть руками не маши так сильно, — заулыбался Барашков. — Вася, скажи по-человечески, что там произошло?

Разведчики вышли к селу, хорошо, что не пошли к домам, а издали окликнули женщину, копавшуюся в огороде. Та, услышав голоса, бросила все и побежала в избу. После этого и началось... Видать, полиция тут начеку — не дают ей дремать партизаны.

— Так что предстоят бои, ребята, — заключил Виноградов.

В тот же день эти его слова сбылись. Через час пути отряд вышел на опушку леса. В полукилометре виднелась деревня, рядом — поле, где занимались пахотой несколько мужиков. Виноградов прямо по жнивью направился к ним:

— Эй, работнички, это что за деревня?

— Барабановичи, — громко ответил один из пахарей, стоявший у своей повозки. Он зашарил в соломе, ища в ней что-то, и вдруг в руках его появилась винтовка. Виноградов успел упасть, и пуля прошла над ним. Тотчас и другие мужики оказались вооруженными, по бегущему к лесу Виноградову ударили два пулемета, несколько карабинов. Но Вася уже был за деревьями.

Мы спрятались от пуль за толстые стволы и попытались разобраться в том, что произошло. В поле работали полицаяи, это понятно. Крики и выстрелы раздавались теперь и со стороны деревни — гарнизон будто ждал нашего появления. Я с разведчиками был в головной группе. Остальные бойцы отряда, заслышав выстрелы, поспешили

к нам. Лес тут выгибался подковой, и я видел, как прямо через опушку бежит, согнувшись в три погибели под тяжестью рации, Токарев, как то и дело припадает на колено Завалишин, посылает в сторону врага короткие очереди, не давая тому прицельно бить по нашим людям. Вот показались Люда, Ляля... Пригорок, к сожалению, мешает увидеть, как передвигаются другие партизаны, они показываются из-за него уже прямо перед нами, тут же плюхаются за пни, упавшие и растущие деревья.

— Все здесь? — спросил я.

Молчание.

— Кто бежал последним?

Опять молчание, но потом партизаны начали выяснять:

— Савченко, кажись... Нет, Королев... Королев, ты чего молчишь?

Я взглянул на Королева. Тот старательно разглядывал землю, уткнувшись в нее носом. Нехорошее предчувствие сдавило сердце.

— Королев, все через опушку перебежали?

— Нет. Иващенко там остался. Убили его или ранили тяжело... Я бы один его не дотащил! Там же все простреливается!

— Кто еще, кроме тебя, видел, что Иващенко упал?

— Сафонов видел, он рядом с ним бежал.

Сафонов тотчас стал оправдываться:

— Чего я видел? Ничего я не видел! Да, мы рядом бежали, но я подумал, что он просто споткнулся, там коряк полно было.

Полиции, видно, решили брать нас в клещи: огонь теперь вели и с центра, и с флангов, причем такой интенсивности, что нечего было и думать о том, чтобы взобраться на пригорок и хотя бы увидеть, что там произошло с Иващенко. Лежать здесь тоже нельзя, надо уходить в гущу леса, чтоб не стать легкой добычей для врага. У нас патронов не наберется столько, сколько полицейцев.

Подползла и легла рядышком Ляля, преданно и с надеждой смотрит на меня. Думает, что у меня, как у командира, есть толковое решение. Ляля, Лялечка, ничего толкового я не могу сообщить.

— Пока бездействуем, — говорит Виноградов, — они, если не дураки, перережут нам все пути к отступлению. Слышишь, командир?

На пожелтой осенней траве лежит Иващенко. Что с ним? Вправе ли мы его бросить?

Впрочем, не надо прятаться за "мы". Я, я, командир отряда, вправе ли бросить бойца? Вправе ли, пробуя спасти одного, рисковать всеми? Как бы поступил Самсонов? Черт, хочешь не хочешь, а поневоле вспоминаешь его...

— Отходим влево, так, чтобы полицаи засекли, куда мы направляемся, — сказал я. — Возможно, они потянутся за нами и минуют поляну, где лежит Иващенко...

Углубились в лес километра на полтора, выстрелы вслед нам постепенно стихли. Уже темнело. После короткой передышки разведчики отправились в обратную дорогу. Внимательно осмотрели опушку леса, поле, где упал Иващенко, но никаких следов бойца не нашли. Вернулись ни с чем.

Словно в честь их возвращения, заглушая все лесные шумы, в воздухе возник странный звук, поначалу глухой, как мычание коровы, но очень скоро переросший в чудовищный рев. Задрожал воздух, встрепенулись вековые деревья. Мы вжали головы в плечи, ожидая взрыва, но его не последовало. А над нами — новый рев...

— Из тяжелых орудий бьют, — определил Виноградов. — Но болванками, страху на нас напускают. Видать, хотя из лесу выгнать. Мы должны идти своим курсом. Пока таким, где впереди меньше перелесков и больших населенных пунктов. Деревни в пять-десять домов не страшны...

Но у первой же такой небольшой деревни пришлось изрядно поволноваться. За деревьями еще не было видно домов, но, учуяв чужих, неожиданно громко забрехали собаки.

— Овчарки! — заорал Сафонов. — Немецкие овчарки! Засада! Спасайся, братцы!

Он сам первым рванул через кусты, взвыл, видно, попав в шиповник, мы тоже повалились наземь, вглядываясь в черноту ночи... Псы продолжали лаять голосами барбосов и жучек, звякали цепи.

— Трус — он всегда трус, — сказал, сплунув под ноги, Баженов. — Но надо деревню стороной обойти. Судя по карте, недалеко есть село побольше, где

наверняка полицаи или немцы существуют. По лаю собак они смогут нас вычислить. Уходим!

— Уходим, — повторил я его слова.
— Хотя это плохо. Еды у нас уже нет, воды тоже, а из луж пить опасно.

16.

Вот уж точно — напророчил, притом сам себе. С самого утра почувствовал себя очень скверно, гудела голова, а главное — резал, жег огнем желудок. Каждый шаг давался с болью, все труднее было вглядываться в разведчиков, пролагающих нам путь. Вот они остановились, предостерегающе замахали руками...

Виноградов подошел ко мне, внимательно посмотрел в глаза:

— Желтый ты, Витек, даже зрачки пожелтели. Не дизентерия, а? Живот не болит?

— Болит. — Я угрюмо кивнул головой.
— Что остановились?

— Пойдем, увидишь.

То ли ручей, то ли крохотная речка, мостик без перил, а рядом — прибитая к стволу осины доска с полусмьтой надписью на немецком: "Осторожно! Мина!,"

— Понимаешь, все вокруг заболочено, один проход — по мостку, и тот, кажется, теперь для нас закрыт. Ума не приложу, что делать.

Партизаны вряд ли минировали бы, подумал я, ни к чему им это. Немцы — могли, но тогда на кой хрен извещать всех этой табличкой? Раз поставили капкан на партизан, то должны были приманку положить, а не отпугивать. Нет, эта табличка — вроде болванок, выпущенных по отряду накануне. На испуг берут.

И я смело зашагал по старым потемневшим доскам мостика. Перешел на ту сторону, оглянулся. Рядом с Виноградовым стояла Ляля, радостно улыбнулась мне, хотела бежать следом, но разведчик решительно поднял ее за плечи и отставил в сторону, как переставляют фигуры на шахматной доске. В это время на мостик ступил Барашков. Вышагивал он аккуратно, каждый раз высоко, как цапля, поднимая ноги. Оказавшись рядом, сказал:

— Глупо! Очень глупо! Не дело командиру вот так рисковать. Или героизм решил показать?

Выслушав мои доводы, чуть пожал плечами:

— На войне логика на первом месте никогда не стоит. Ты, конечно, правильно говоришь, но я все равно допускаю, что мина тут может бабахнуть в любую минуту.

Однако весь отряд спокойно переправился по мостику и углубился в лес. Но очень скоро разведчики опять остановились. Виноградов проинформировал:

— Кажется, вышли на партизанский лагерь. Правда, заброшенный, и давно.

Восемь темно-рыжих покосившихся шалашей стояли под елями. Они уже не пахли жильем, в них было сыро и неуютно. Кто в них жил, интересно?

Старой тропой я прошел вдоль всех шалашей, попал на заросшую бурьяном поляну. Тотчас увидел холмик и табличку, прибитую рядом: "Здесь похоронен партизан Михаил Канушкин. Родился в 1922 году. Погиб в июне 1942 года в борьбе с фашистскими захватчиками,".

— Барашков! — закричал я. — Десантники! Идите сюда! Смотрите: Миша Канушкин! Помните?

Подбежали Барашков, Сазонов, Терентьев.

— Ну да, — сказал Терентьев. — Боксер. Он когда представлялся, всегда добавлял: "Двадцать второго года рождения, сорок второй размер обуви,". Классный парень был.

— Он, как и мы, в начале июня в леса вылетел, с группой Русакова. Что же тут случилось? — непонятно кому задал вопрос Сазонов.

— Звездочку вырезали, из жестянки... Значит, было у наших время спокойно его похоронить. — Барашков снял фуражку, мы тоже обнажили головы. Я и Русакова знал, и его заместителя Тобольцева, и вообще многих десантников из этой группы. Где-то они сейчас?

— Представляете, ребята, — вновь заговорил Барашков. — Такая большая земля, а мы вдруг на ней находим ту точку, где лежит наш знакомый, наш друг. Вот как беда всех сводит.

Виноградов внимательно осмотрел все вокруг, потом сказал уверенно:

— После того, как похоронили Канушкина, партизаны здесь недолго оставались. Посмотрите, редкий ствол без

пулевых отметин, а это следы гранат... Бой шел нешуточный, наших-то человек восемьдесят было.

— Ты где это о численности отряда прочел? — ехидно спросил Бухтеев. — В каких документах?

— Я соображать учусь, Бухтеев. Восемь просторных шалашей — ты ведь заходил в них? Каждый — человек на десять, двенадцать. Немного времени они здесь провели, а тропки выбить успели. Да, и еще могу сказать, что скорее всего у них была радиосвязь с Центром: я нашел элементы батарей. Но ни оружия, ни продуктов Москва им сюда не поставляла, а это значит, что ребята ни в том ни в другом не нуждались: умели и пищу добывать, и операции проводить.

Я заметил, как хмурит лоб Бухтеев, наверное, пытается сообразить, из каких данных исходил разведчик, говоря последние слова. А и вправду, из каких?

Я еще раз внимательно осмотрелся вокруг, краем глаза уловив, что за мной с усмешкой наблюдает Виноградов. Неужели не верит в мою сообразительность? Это плохо, если он окажется прав. Ну да ладно, пошевелим мозгами. Итак, если бы Москва сбрасывала партизанам посылки, то это были бы цинковые ящики с патронами, консервы, пачки махорки, папирс, газеты... Бумага, вполне возможно, на костры пошла, а где банки из-под консервов? Как нас ни гонял Самсонов, чтоб порядок был, а банки под каждым кустом найти можно было. И цинк — в каждом шалаше под всякие нужды...

Здесь ничего этого не видно.

А что партизаны не отдыхали в лесу, а проводили боевые операции, — об этом можно догадаться легко. Немцы стянули большие силы, чтоб уничтожить отряд, значит, он им здорово насолил.

Нас же враг лишь болванками пугает, и мы бежим, бежим...

Построились, опять зашагали по краю леса. На пути увидели деревню, с ее стороны улавливался сладковатый запах печного дыма. Наверное, готовился ужин...

— Живот подвело от голода, — сказал шагавший недалеке от меня Бухтеев. — Надо зайти, подкрепиться, а, командир?

Ему ответил Виноградов:

— Думаю, группу Русакова здесь привечали и кормили, а вот нам, дармоедам, они вряд ли обрадуются. За что нас к бульбе сажать, а? Что мы для этих людей сделали?

— И потом, здесь нас может ждать засада, — сказал подошедший Баженов. — Как у Барабановичей.

— Вот только ради засады и стоит зайти в деревню. — Виноградов решительно снял с плеча карабин, отвел предохранитель. — Баста, командир, принимаем бой, и если побеждаем, то вооружаемся за счет противника. Идет?

— Нет, — сказал я. — Никаких «если». Надо победить, а значит, негоже действовать прямым наскоком. Посылай кого-нибудь на разведку. Такого, кто не показался бы подозрительным полицаям или немцам.

— В партизанском краю каждый мужик у врага на подозрении, — проворчал разведчик.

Ляля поспешно сняла с себя сумку, полушубок, сунула их в руки Баженову, сказала не допускающим возражений голосом, глядя на меня:

— Я пойду. В Хачинском лесу я работала с разведчиками. Я сумею и тут все сделать как надо.

— Ты чего? — возмутился Виноградов. — Еще женщинами мы не рисковали. Дожил отряд! Витя, не пускай ее.

— Я такой же боец, как и все остальные, а у командира нашего нет любимчиков и нелюбимых, так, командир?

Ее смеющиеся глаза смотрят на меня, и вот уже я вижу только ее спину. Ляля шагает быстро, уверенно. На ней потертый старенький пиджачишко, прутик в руке... Хуторянка ищет заблудившуюся корову. Похоже.

Виноградов сначала стоит молча, дышит глубоко, со стоном, потом цедит сквозь зубы:

— Если там засада... Если с ней что случится... Я этого никому не прощу!

Никому — это в первую очередь мне. Неужели я отпустил ее в разведку опять из-за своей трусости, из-за того, чтобы никто не подумал, что я, командир, жалею ее, как любимого человека? Неужели?... Почему же я никак не разберусь в себе? Виноградов, Виноградов, друг ты мой, да если что случится с Лялей, я и сам себе этого никогда не прощу.

— Перестань, — сказал Баженов, глядя на разведчика. — Ляля права, это война, Вася, а Ляля умеет воевать.

Она возвращается минут через двадцать, и мы узнаем, что ни немцев, ни полицаем в деревне на данный момент нет. Но нет и продуктов: гитлеровцы все выбрали подчистую.

У меня гудит голова, я плохо слышу ее, понимаю только: Ляля жива-здорова, останавливаться тут нет смысла и надо топать дальше.

17.

Плывет над лесом клин журавлей. Намного позади и ниже него болезненно, трудно машет крыльями отставшая от сородичей птица. Годы, а может, раны тянут ее к земле? Интересно, понимает ли она, что не долететь ей до цели, до теплых краев? Если понимает, то зачем бьет крыльями стылый воздух, зачем сопротивляется судьбе? Ведь нет же надежды.

Я не иду, а бреду, шатаюсь: каждый шаг отдается болью в желудке, жаром горит лоб, мускулы стали мягкими, как студень, потому тело не слушается меня. Если бы не Ляля, я бы сейчас упал на эту желто-красную от мертвой лис-твы землю и, наверное, перестал бы дышать, чтоб быстрее закончились мои мучения. Но перед Лялей я не хочу даже казаться больным и слабым, я уцепился взглядом за косяк журавлей и топаю, топаю, кусая губы.

Дневка. Ляля, как всегда, садится рядом со мной у костра, сушит на огне тонко нарезанные ломтики хлеба, срезает для меня пропеченные корки, поит из своей фляги кипяченой водой. Кто-то ест рядом брюкву. Я ловлю ее запах, и тошнота подпирает к горлу. Отползаю в кусты, зеленовато-желтая тягучая рвота обжигает желчным привкусом гортань. Опять у губ Лялина фляга, немецкая, в чехле из коричневой замши. От холодной воды становится легче. Я понимаю, что надо идти дальше, что дневка и так затянулась, из-за меня.

Я не просто не умеющий ничего командир, я — обуза для отряда. У меня даже нет сил подойти к Токареву, который в одиночестве колдует над радиостанцией. Накануне — это просто чудо! — удалось добыть для нее питание: хозяйственная деревенская бабка нашла у разбомбленных машин батареи, толком не зная, что это, все же припрятала.

Токарев что-то черкает карандашом на бумажке. Неужели?.. Не чертиков же он рисует, в конце концов! Я забы-

ваю о своих болях и иду к нему. Радист поднимается мне навстречу, у него растерянная и жалкая улыбка. Он ничего не говорит, молча протягивает мне короткий текст только что полученной радиограммы. Очень короткой, всего три слова. Дикие, жестокие, неожиданные три слова.

— Это что? — спрашиваю я, будто не понимаю, какой смысл они таят в себе.

Токарев смотрит в сторону:

— Так ясно же все.

Все действительно ясно.

“НЕМЕДЛЕННО СОЕДИНЯЙТЕСЬ С САМСОНОВЫМ”.

Или там что-то не поняли, или Центр мне не поверил. Какие факты у меня были? Только слова, и в Москве их трудно, невозможно проверить. Самсонов — боевой офицер, на его счету десятки операций, а кто я? Мои суждения могли истолковать как домыслы завистника, обиженного командиром. Я вернусь к Самсонову, Токарев вот по этой же радиации отстучит в Центр, что я дезертир, изменник, и тогда...

Сильнейший грохот прервал мои мысли. Казалось, прямо над головой ударила батарея в десятки стволов, озарила всю землю яростной вспышкой. Я взглянул на небо, и тотчас глазам стало больно от очередной вспышки молнии. Грозовой раскат был такой мощи, что вздрогнули деревья. Тотчас полил дождь, необычный для осени, густой, действительно проливной. Вмиг промокла одежда, и бумажка в руках расплзлась, будто ее и не было.

А может, не было?

Нет, ни себе, ни другим врать нельзя.

“НЕМЕДЛЕННО СОЕДИНЯЙТЕСЬ С САМСОНОВЫМ”.

Почему-то вспомнился отставший от стаи журавль. Вот этот грозовой дождь погубит его, он не вернется в свою стаю. Меня погубит возвращение. Поначалу я буду жить в страхе, ожидая, когда и кто донесет Самсонову о моих крамольных речах и поступках, потом буду выслушивать официальные обвинения, потом...

— Ты чего здесь стоишь? — это подошел ко мне Барашков. — Совсем плохо, да?

— Ты Токарева видел? — спросил я. — Где он? Что говорит?

— Он же только что от тебя отошел. Сидит под елкой, молчит. А что он говорить-то должен?

— Пойдем, — сказал я. — Собирай наших, Баженова, Виноградова... Мы получили приказ из Центра. Нам надо соединиться с Самсоновым.

Все слушали меня молча, первым тишину прервал Виноградов. Взрыв возмущения, все слова его сводятся к одному: Москва нас не поняла, не разобралась в ситуации, и потому мы вправе не подчиниться приказу, а действовать самостоятельно...

Разведчик иссяк, все смотрели на меня.

— Мы вернемся в Орловку, — сказал я. — Вернемся туда, где проходил отряд Самсонова. И будем все делать для того, чтоб как можно быстрее выполнить приказ Центра.

— Запросим Москву, пусть скажут, где Самсонов сейчас, — подал голос Барашков. — Кстати, а почему они сами не сообщили координаты Самсонова? Они же знают, что мы отбились.

Не вдумываясь в вопрос товарища, я ответил:

— В Москве, скорее всего, точное местонахождение отряда не знают тоже. У Самсонова нет связи с Центром, радиостанция-то у нас.

— И все же — запроси Москву. Вполне возможно, за это время Самсонов или обзавелся радиостанцией, или связался с другими отрядами, через них дал о себе весточку в Москву. Запроси. Чем черт не шутит, может, и ответ нам совсем другой придет.

— Ничего не получится, — быстро сказал Токарев. — Батареи сели совершенно, я еле-еле эту радиogramму принял.

— Тогда завтра с рассветом выступаем в сторону Орловки.

Ночь я не спал, думал о Колесниковой, Богомазе, все вспоминал и вспоминал самсоновские страшные слова приказа убить Покатило. Через силу закрывал глаза, пробуя забыть, уснуть, но тотчас предо мной загорались слова радиogramмы:

“НЕМЕДЛЕННО СОЕДИНЯЙТЕСЬ С САМСОНОВЫМ.”

18.

Мы выступили затемно, и в это же время вдалеке за нашими спинами началась стрельба. Били минометы, пулеметы, автоматы, гремели взрывы, забাগровело от пожара небо.

— Это в районе Понятовки, — определил Виноградов. — Железнодорожная станция там. Может, повернем?

— Нет, идем на Орловку.

Выстрелы стихли лишь часа через три-четыре.

Во время дневки Виноградов со своим отделением ушел в разведку и вскоре докладывал мне, что же произошло ночью на станции Понятовка.

Гарнизон самой станции состоял из более двухсот немцев, кроме того, в двух километрах севернее станции был расположен большой полевой аэродром с охраной и обслуживающим персоналом, да две саперные роты стояли в Краснозагорье — это километров шесть от Понятовки. Станция была обнесена земляным валом высотой в полтора метра. Словом, надо было быть или безумцем, или отчаянным храбрецом, чтобы атаковать ее. Ведь единственным козырем нападавших было то, что вплотную к станции примыкал лес.

И этим козырем воспользовались партизаны, которых жители здесь называли лавовцами. Мелколесьем по колено в болотной жиже подобрались они вплотную к врагу и первые выстрелы произвели из трехлинеек с глушителями. “Бесшумные”, патроны сразили двух часовых, но третий был лишь ранен и поднял отчаянный крик. Немцы, не слыша выстрелов и не понимая причин шума, не спешили занимать оборону, лишь ради самоуспокоения застрочили в сторону леса зажигательными и трассирующими очередями. А партизаны были от них уже на расстоянии броска гранаты. Именно противотанковые гранаты и пошли в ход: мало кто из гитлеровцев успел выскочить из казарм. Около взвода их засело на чердаке станции, но это не мешало партизанам громить станционное хозяйство. Одновременно они вели бой с охраной аэродрома и с немцами, квартировавшими в самом поселке. Они взорвали водокачку, стрелки, семафоры, подожгли эшелон с продовольствием, уничтожили склад мин, снарядов, склад с обмундированием. Всего было убито около ста пятидесяти немцев, а партизаны потеряли лишь одного бойца.

После этого они ушли на юго-восток, через Мухинский лес, по пути, на Мглинском большаке, спиливая и взрывая столбы, нарушая линии связи. Немцы вроде бы устроили за ними погоню: с утра там кружат самолеты, тяжелая артиллерия появилась. Да что

толку: леса большие, в глубь их немцы не сунутся, а наугад стрелять — просто глупо.

— Может, и мы в ту сторону двинем, куда лазовцы пошли? Узнаем, к стати, почему они так себя называют. Может, вольемся к ним? — загалдели ребята.

— Сейчас это сделать просто невозможно, — сказал Виноградов. — Я же говорю: немцы там на всех дорогах. И потом, мы должны выполнять приказ Центра, так, командир?

Этим вопросом он прервал мои размышления о том, что здорово было бы соединиться с лазовцами, показать себя в деле, доложить Москве: мол, не имея возможности разыскать Самсонова, мы не сидим тут без дела, сражаемся как львы... Нет, все это сказочно красиво, не больше. Надо искать своих.

— Мы идем на юг, к Орловке, — приказал я.

А про себя подумал: дойду ли? Пустой желудок сводит от нестерпимой боли, не проходит тошнота, ноги стали ватными.

Поднимаюсь первым, вслед за мной то же делают остальные.

К вечеру на привале я отключился.

Очнулся оттого, что кто-то легонько тряс меня за плечо.

— Ну и видок у тебя, — это стоит рядом Вася Виноградов. — Исхудал ты, кожа да кости остались. И в чем только душа держится?!

Рядом с ним — Паша Завалишин, тоже сокрушенно качает головой:

— Краше в гроб кладут. Выматывает эта дизентерия, как... Ладно, были бы кости целы, а мясо нарастим.

— Пару деньков подождем здесь, — продолжает разведчик. — Чуть-чуть окрепнешь, на ноги встанешь. Ребята тут из последних запасов бульон тебе сварили, ты только не отнекивайся, выпей — тебе ведь отряд наш вести.

— Не в бульоне дело, — говорю я и совершенно неожиданно даже для себя заключаю: — Вам другой командир нужен. Я

— Не бузи, — Виноградов присаживается на пригорок. — Мы тебя выбрали, нам и решать, кто нам нужен. Или ты рассчитываешь на то, что другой наплюет на приказ Центра, будет лазовцев или кого другого искать, но только не Самсонова, а ты тем самым с себя ответственность за это снимаешь, да? Взятая — доводи дело до

конца. Пока все твои поступки правильны, мы тут обговаривали это... Пока все идет как надо.

— Мне легче, намного легче. — Я встаю на ноги. — Отлеживаться не буду, дойдем. Спасибо вам, ребята.

— Не за что...

Я опять топаю по лесной тропе. Топаю и размышляю. Еще не было в моей партизанской жизни испытания тяжелее, чем это. Я выполняю свое последнее боевое задание — делаю все, чтобы найти Самсонова и подставить свой лоб под дуло его парабеллума. Страшно не умереть — страшно умереть позорно. А сознание собственной правоты — чего оно будет стоить, если останется только со мной, да и то в могиле?

19.

В Орловке встретили нас как старых знакомых. Мы поспели в эту гостеприимную деревню к празднику пресвятой Богородицы, к третьему дню Покрова. В хатах — запах пирогов и самогона, мне сразу налили кружку вместо лекарства: для дезинфекции желудка. И в самом деле стало лучше. Подкрепившись за столами и взяв про запас продуктов, мы пошли на восток, по следам Самсонова. В полночь переправились через Беседь, быстрым шагом двинулись дальше. На рассвете у небольшой деревушки натолкнулись на молодого парня с охотничьей одностволкой, ведром меда и огромным шматком сала. Ничего удивительного не было бы, если бы, завидев нас, не бросились наутек в глубину леса два его товарища. Он же замешкался, не желая, видимо, расставаться со своей ношей, и потому предстал перед нашими очами. «Вы партизаны? Так и я же вроде этого, ходим вот с дружками, немцев пугаем».

С большой неохотой, почти под конвоем, вошел он с нами в деревню, и тут стало ясно почему. Местные жители его сразу опознали: он, оказывается, был самым настоящим грабителем. Выдавая себя то за партизана, то за полиция, вместе со своими поделымиками отбирал у крестьян скот, одежду, продовольствие. Тут же нашлись настоящие хозяева и сала, и меда...

— Так ты, гад, звание партизана запачкать решил? — выходил из себя Виноградов. — Становись к стенке, прямо сейчас, при людях, шлепнем тебя!

Мы выяснили, что родом вор из деревни, через которую нам предстоит пройти, и потому решили сопроводить его к землякам и вместе с ними решить судьбу негодяя.

Пока пообедали, пообщались с сельчанами, начало темнеть. Как договорились заранее, все к обусловленному часу потянулись к крайней избе — месту сбора. Мы шли туда с Барашковым, и еще издали услышали злые голоса, ругань.

— Королев вора упустил, — сообщил Баженов, прямо дрожа от злости. — Думаєте, случайно? А ведь по его вине и Фомченко ушел, полицей из Костюковичей, помните?

Я взглянул на Королева. Он стоял и нагло ухмылялся, ни страха, ни раскаянья не было на его лице. И тогда...

Не знаю, почему я так поступил. Слишком долго, видно, держался на одних нервах. Я сделал шаг вперед и ударил его кулаком в челюсть. Ударил профессионально, так, как когда-то учили, и хоть силенок на данный момент у меня было маловато, Королев рухнул как сноп. Тряся головой, приходя в себя, он недоуменно глядел на меня:

— Чего дерешься? У командира есть право морду своим бить, да?

— Да, — сказал за меня Барашков. — Впрочем, за такие дела синяка на скуле мало, к твоему поступку можно по всей строгости подойти, понимаешь, что я имею в виду?

— Не пугай, — вмешался в разговор Бухтеев. — Я разговаривал с парнем, никакой он не преступник, собрался жениться, чтоб в Германию не отправили, — женатых-то немцы не отправляют, — ну и хотел на стол кое-чем, так сказать, разжиться. Нехорошо поступал, но не убивать же его за это?

— Так он же именем нашим прикрывался! — возмутился Виноградов.

— Подумаешь, имя! — пожал плечами Бухтеев.

— Ну ты гад, Бухтеев! Надо и тебе морду бить!

Если бы Виноградова не удержали Баженов и Барашков, он бы тут же осуществил свою угрозу. Я стоял в толпе разгоряченных бойцов и понимал, что именно мой поступок послужил причиной вот этой стычки. Она не утихала. Кто-то поддерживал Бухтеева, кто-то Виноградова, и в перепалке этой звучали такие слова: "Уйдем из

отряда! Это не отряд, раз своих же бьют", — "Скатертью дорога! Вас давно пора было выгнать! Лизалы самсоновские..." — "А вы вообще никто, ни на что не способны!..."

— Я долго молчал, Бухтеев, — выкрикнул Виноградов, — не говорил никому... Думаешь, никто не знает, что Люда от твоих приставаний плачет? Как же ты, дерьмо, в глаза ее мужу, Юрию Никитичу, посмотришь, когда к Самсонову вернешься?

— Как-нибудь посмотрю, а перед тобой отчитываться не буду. Ну что, братва, кто со мной уходит? Сафонов, Трофимов, Житков, Сирота, Королев, Токарев... Видите, сколько нас? Что, шлепать у стенки всех будете? Знайте, мы давно уже решили от вас отколоться.

Сирота закрутился меж двумя спорящими группами, не зная, куда определиться, несколько раз боязливо взглянул на меня, словно ожидая командирского приказа, но я молчал. И тогда он стал рядом с Бухтеевым. Токарев тоже направился к ним.

— Хочешь уйти — снимай рацию, — сказал я ему.

Тот пожал плечами, ни слова не говоря, снял рацию.

Все происходило, как в дурном сне. Из нашего отряда уходили бойцы. Сафонов, Житков, Трофимов... "Думай что хочешь, Витя, но лично нам Самсонов ничего плохого не сделал, и он нас вполне устраивает как командир. Идем к нему", — сказали они мне напоследок. И вот уже в вечерней темноте растворяются, исчезают их силуэты...

— Послушай, — сказал Виноградов, стоя рядом. — А ведь врут они. Во всяком случае, Токарев врет. Самсонов его расстреляет, если он зайвится к нему без рации, понимаешь? Токарев в отряд не вернется.

Я же думал сейчас о другом. Я думал о том, что по моей вине произошел у нас раскол, а это значит, что как командир я потерял еще одно поражение.

(Окончание следует)

Валерий УСКОВ

ПАМЯТЬ О СВЕТЛОМ

Почти три десятилетия прослужил во внутренних войсках Валерий Николаевич УСКОВ, полковник запаса. Он участник ряда совещаний войсковых литераторов. Его повесть "Последний патруль" увидела свет в ташкентском издательстве "Еш гвардия", а недавно в Москве вышла и книга стихов "Моя дорожная звезда".

РЯБИНА

1.

Хорохорится, как первогодок
В увольнении первом своем,
В снаряженье хрустящих обновок
Залихватский мороз под окном.

А глазами косит на рябину —
Гроздь ярче твоих снегирей! —
Не удержится с жару и пылу,
Чтоб не тронуть губами ветвей.

И она, не пугаясь укора,
Увенчает рубином его,
Чтобы в майскую буйную пору
Расцвести еще пуще того.

2.

Ах, как эти южные дрозды
Выдают лазоревые трели!
Если б раз услышала их ты, —
Позабыла б посвисты метели.

И душе дала бы отдохнуть
От пустой московской круговерти,
И весну смогла бы так вдохнуть,
Что ее хватило б нам до смерти...

Спросишь: я, наверное, в раю?
Может быть. Сама суди об этом:
Я в отдельном номере стою,
На окне — апрельские букеты.

И была б идиллия вполне,
Если б не гудели ноги тяжело,
Если б не валялась на столе
Солнцем опаленная фуражка.

Не сказать о главном не могу:
Рвусь домой на русскую равнину,
Чтоб успеть увидеть наяву
Всю в цвету под окнами рябину.

3.

В красном цвете —
ни лжи, ни печали.
Ветку мне на погон урони —
По нему два луча пробежали,
Отсвет грозди твоей сохранив.
Не скупясь, лей багрянец, рябина,
Он для осени — цвет естества...
Кто-то шепчет:

«Любимый, любимый...»

То ли женщина, то ли листва.

***

Зинькнула весенняя синица,
Над плечом уселась и шустрит.
Хорошо, что птаха не боится,
Значит, тут беда ей не грозит.
Значит, может без опаски виться —
Верит, зла не сделает рука...
Только ты, как гордая Жар-Птица,
От меня стремишься в облака.

***

Я знаю, такое бывает:
Часы, что работой полны,
Вдруг вспомнить о светлом
заставят

Тебя у кипящей волны.

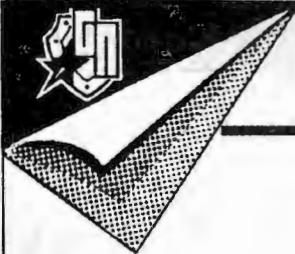
Но вспомнить всю гамму прибора
Мне трудно в столичных стенах:
Стал груб я для нотного строя
И суше в заветных словах...

И только на нежность я чуток
И, как мотылек на свечу,
В любое мгновение суток
На зов твой любой полечу.
И мной не забудутся —

вечер

В сиянье дождиночек-спиц,
И смуглые гибкие плечи,
И тени пушистых ресниц...

Я знаю: минута настанет,
Когда круговерть суеты
Напомнит о светлом заставит,
А самое светлое — ты.

КАЛЕЙДОСКОП ИНТЕРЕСОВ

Сам себе тренер

Уроки дает
европейский
директор
Международной
тренинговой
ассоциации по боевой
подготовке
правоохранительных
органов
Иосиф ЛИНДЕР.

Тема занятия: комплексы гимнастики Цигун — упражнения на равновесие и координацию

Эти упражнения способствуют постепенному и всестороннему освоению пространства и умению координировать в нем свои действия. А тренировка сознания позволяет подготовить прочную базу для изучения более сложных аспектов методики, искомым результатом которой — общеоздоровительный эффект, стимуляция деятельности нервной системы, выработка устойчивости при опоре на малую площадь, что немислимо без внутреннего спокойствия и сосредоточенности.

Упражнение 1. Пространство.

И. П. — ноги на ширине плеч, руки свободно опущены вниз (рис. 1). Вдох: поднимаем правую ногу, бедро и стопа параллельны полу, одновременно руки сгибаются в локтях и кисти поднимаются на уровень груди (рис. 2).

Выдох: нога вытягивается вперед, руки разводятся в стороны (рис. 3). Вдох: переход к прежней позиции (рис. 2). Выдох: возвращение в исходное положение. Затем упражнение повторяется с подъемом другой ноги.

Упражнение 2. Равновесие.

И. П. — то же. Вдох: занимаем первую позицию предыдущего упражнения (рис. 2). Выдох: корпус наклоняется вперед, руки вытягиваются перед собой, нога разгибается в коленном суставе и

выпрямляется назад (рис. 4, 5, 6). Вдох: переход к прежней позиции (рис. 2). Выдох: возвращение в исходное положение. И упражнение повторяется с подъемом другой ноги.

Упражнение 3. Дуновение ветра.

И. П. — то же. Выдох: руки производят круговое вращательное движение вправо-вверх-влево-вниз, а затем вместе с правой ногой отводятся вправо, при

этом нога выпрямляется в коленном суставе (рис. 7, 8, 9, 10). Вдох: переход к прежней позиции (рис. 2). Выдох: возвращение в исходное положение. И снова упражнение выполняется с подъемом другой ноги.

Упражнение 4. Полсвета.

Его особенность — объединение трех предыдущих упражнений в единое целое путем последовательного их выпол-

нения с общим промежуточным положением (рис. 2) сначала стоя на правой ноге, а затем — на левой.

Упражнения этого раздела делаются на двух актах дыхания: вдох-выдох-вдох-выдох. Все движения соответствуют такому ритму. Рекомендуемый тип дыхания — нижнее или нижнее плюс среднее. Вдох — через нос, выдох — через рот. И дыхание, как говорили медики Древнего Китая, должно быть «тихим, как летний вечер, и тонким, как нить паутины».

Упражнение 5. Палочник.

Наверняка вы видели маленьких насекомых, живущих на деревьях и кустарниках, питающихся листьями и похожих на обычных гусениц. Их называют палочниками из-за того, что при малейшей опасности они, опираясь на передний конец тела, поднимают корпус почти вертикально, маскируясь под сухую веточку. Это очень эффективное упражнение, не только развивающее устойчивость, но и дающее достаточную нагрузку на многие группы мышц.

Выполнять его лучше в три приема, по мере освоения:

1. И. П. — лечь на пол, поднять ноги и корпус вверх, опираясь руками в поясницу, а локти поставить на пол. Поддерживать это положение, медленно считая до десяти, затем опуститься.

2. И. П. — убрать руки с поясницы и, положив их на пол, удерживать равновесие, считая до десяти. Затем опустить корпус на пол.

3. Прodelав описанное во втором варианте и удерживая корпус в вертикальном положении, поднять руки вдоль корпуса и ног (руки по швам) и сохранить равновесие за счет опоры на шею и плечи. Сосчитать до десяти и опуститься на пол.

Дыхание — свободное нижнее плюс среднее. При выходе тела в вертикальное положение — вдох, при удерживании — выдох.

Упражнение не рекомендуется людям, страдающим головокружениями, повышенным артериальным давлением, заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

Упражнение 6. Крокодил.

Сесть на колени, подложив под себя пятки; колени развести в стороны, локти разместить в нижней части живота,

в области паховых складок, ладони упереть в пол. Наклониться вперед, слегка опираясь о пол головой. Затем выпрямить корпус и ноги, поднять голову от пола и удерживать равновесие, стоя на руках и считая до десяти.

Освоив упражнение полностью, выполняйте его на одной руке. Во время подготовительной части — вдох, дыхание среднее, при удерживании положения — долгий выдох.

Упражнение 7. Уголок.

Делается сидя — сначала на стуле, а после изучения всех нюансов — на полу. Итак, вы сели на стул: спина и шея выпрямлены, взгляд — вперед. Взяться руками за боковые края сиденья, поднять прямые ноги параллельно полу и, удерживая их, отжать тело от сиденья. Удержание — на выдохе, счет — до пяти. Опустить и отжаться вновь. Для начала хватит и двух раз, впоследствии — десяти. Кстати, очень эффективное упражнение для укрепления мышц передней брюшной стенки.

Упражнение 8. Парадоксальные движения.

Освоение предлагаемых навыков заметно обогащает арсенал двигательных возможностей, расширяя его границы. Упражнение делается при ровном спокойном дыхании, тип — нижнее или нижнее плюс среднее. Имеет четыре варианта.

1. Вращение рук в локтевых суставах в вертикальной плоскости перед собой так, чтобы они были параллельны друг другу. При этом правая рука вращается вперед (от себя), а левая — назад (к себе). Необходимо, чтобы руки описывали ровные правильные окружности.

Упражнение выполняется в обе стороны, то есть после первого цикла направления движения рук меняются: правая идет к себе, левая — от себя.

2. И. П. — стоя на правой ноге, согнуть левую в коленном суставе так, чтобы бедро и стопа были параллельны полу; руки согнуты в локтях и расположены перед грудью. Начинайте вращать руки в двух противоположных направлениях и в параллельных плоскостях, а ногу в ритме с этими движениями сгибайте и разгибайте в колене. При этом стопа и голень маятникообразно двигаются в вертикальной плоскости.

Затем — смена направления вращения рук и ноги. И так — по 2-3 минуты на каждой ноге.

3. И.П. — то же. Только при вращении руками нога выполняет не колебательные движения в вертикальной плоскости, а вращательные в горизонтальной так, что стопа чертит окружность параллельно полу. Вращение ногой также желательно делать в обе стороны, дабы увеличить вариабельность упражнений. Поменяйте ноги и повторите.

4. И.П. — стоя, ноги на ширине плеч, спина и шея выпрямлены. Вращения рук: правая от себя в вертикальной плоскости перед грудью, левая — в горизонтальной около бока тела. Поменяйте сначала направления вращения, а затем и положение рук.

Приобретенные навыки — хорошая тренировка для развития нервной системы.

Упражнение 9. Мельница.

И.П. — стоя на правой ноге, выпрямите левую параллельно полу и разведите руки в стороны для лучшего равновесия. В ритме дыхания вращайте прямой левой ногой вначале по часовой стрелке, затем — против.

Упражнение выполняется по десять раз в каждую сторону то на правой, то на левой ноге. Ритм дыхания — свободный: один оборот ноги соответствует одному дыхательному движению.

Более сложный вариант: одновременно с вращениями ноги вращайте руками в локтевых суставах или в лучезапястных. Причем сначала в одну, а потом — в другую сторону.

Упражнение 10. Журавль.

И.П. — стоя на правой ноге, согнуть левую в колене так, чтобы бедро и стопа были параллельны полу, а руки развести в стороны. Вдох: дыхание нижнее. На выдохе — медленный наклон вперед, и как можно ниже, левая нога отводится назад, но не разгибается в коленном суставе. Движение вниз заканчивается одновременно с выдохом. На вдохе — выпрямляемся и выходим в исходное положение. И так — 10-12 раз. Поменяйте ногу и повторите все сначала.

Упражнение 11. Паучок.

И.П. — стоя на полусогнутой правой ноге, согните левую в колене так, чтобы ее голень и стопа легли на нижнюю

треть бедра правой. Руки свободно свисают вниз, корпус несколько наклонен вперед. Вдох — дыхание нижнее, руки сгибаются в локтях и кисти подтягиваются к подмышечным впадинам. Во время выдоха медленно вынести вперед правую руку и осторожно захватить пальцами воображаемую нить. Вдох — правая рука идет назад. Выдох — левая медленно выносится вперед и захватывает нить, а на вдохе тянет ее на себя.

Повторите движения, изменив фазы вдоха и выдоха. Упражнение делайте до появления в опорной ноге ощущения усталости, после чего поменяйте ногу и выполните все сначала.

Упражнение 12. Неваляшка.

И.П. — сидя, ноги скрещены по-турецки. Возьмите правой рукой наружный край правой стопы, а левой — наружный край левой стопы и, удерживая равновесие, сидя на ягодицах, разводите ноги в стороны, стараясь полностью разогнуть их в коленях. При этом не следует заваливаться назад. Затем ноги опять сгибаются, но пола не касаются. Выполняется от трех до десяти раз с удержанием дыхания от двух до пятнадцати секунд. Тип дыхания — нижнее.

Это довольно сложное упражнение и поэтому предлагаю систему подводящих к нему ступеней.

Из исходного положения поочередно разгибайте то правую, то левую ногу, держа ступни одноименными руками. После того, как научитесь выпрямлять каждую ногу в колене и удерживать ее, переходите к выполнению упражнения в целом. Не огорчайтесь, если сначала вы все-таки будете заваливаться назад — тренируйтесь.

Тем, кто достаточно хорошо освоит неваляшку, рекомендую иной, видоизмененный вариант.

И.П. — стоя на правой ноге, согните левую в колене так, чтобы ее стопа была расположена под левой же ягодицей; левая рука держит наружный край ступни левой ноги, правая — отведена в сторону для баланса равновесия. Вдох — дыхание нижнее. На выдохе выпрямляем левую ногу в коленном суставе, отводя ее вперед, вдох — возвращаем ее в исходное положение. Выдох — выпрямляем левую ногу в сторону, вдох — исходное положение. И так — 8-10 раз. А после поменяйте опорную ногу.

Упражнение 13. Кораблик.

И. П. — стоя, ноги на ширине плеч, руки свободно опущены вдоль тела, шея и спина выпрямлены, взгляд устремлен вперед. Вдох — дыхание нижнее, руки сгибаются в локтях, кисти подтягиваются к подмышечным впадинам, левая нога сгибается в коленном суставе, правая выносится вперед, параллельно полу. В конце вдоха положение приседа на одной ноге. Выдох — свободный, через рот; выпрямляя левую ногу, подымаемся, правая нога по мере выдоха опускается, и ноги вновь ставятся на ширине плеч, а руки выносятся вперед. Повторите упражнение 10-20 раз на каждой ноге поочередно. Старайтесь садиться как можно ниже, удерживая равновесие.

Упражнение 14. Вытяжение.

И. П. — стоя, ноги вместе, ступни параллельны, руки свободно свисают вдоль тела. Вдох — дыхание нижнее плюс среднее, руки поднимаются вверх, встаем на кончики носков. Выдох свободный, через нос, без смены положения. Удерживаться в кульминационной точке от 2 до 8 минут.

Есть и другой, несколько видоизмененный вариант: во время вдоха поднимайтесь не на оба носка, а на носок одной ноги, держа стопу второй параллельно полу. Поменяйте ноги.

Упражнение 15. Мостик.

И. П. — стоя, ноги на ширине плеч, руки свободно свисают вдоль тела, спина и шея выпрямлены, взгляд вперед. Вдох — дыхание нижнее плюс среднее, руки поднимаются вверх, голова запрокидывается назад. Выдох свободный, через рот; прогибаясь назад, встаем на мостик, опираясь на пол ступнями и ладонями. Вдох — свободный, через нос. Выдох — поднимаем одну руку и удерживаем равновесие на трех точках опоры. Во время следующего дыхательного цикла поднимаем другую руку, потом попеременно — ноги. Стараемся удержать равновесие в любом положении, оставаясь на трех точках опоры.

Упражнение повторяется от 4 до 40 раз по мере освоения. Но оно не рекомендуется людям, страдающим головокружениями, головными болями, повышенным артериальным давлением, заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

Упражнение 16. Жучок.

Усложненный вариант мостика. Встав на мостик, передвигаемся головой вперед по комнате, а затем возвращаемся обратно, но теперь уже головой назад — эффективная тренировка координации.

Упражнение 17. Краб.

И. П. — сидя, опираясь ногами и руками о пол. Отрываем ягодичцы от пола, оставаясь на четырех точках опоры, и перемещаемся по комнате вначале головой вперед, а затем назад, правым боком и левым и после — с вращениями в правую и левую сторону. Это не только развивает координацию, но и значительно нагружает мышцы рук и ног. Дыхание — нижнее плюс среднее. Упражнение выполняется от 2 до 8 минут в зависимости от вашего функционального состояния.

Упражнение 18. Челнок.

И. П. — лежа на животе, тело выпрямлено, руки в упоре на уровне плеч. Вдох — дыхание среднее или среднее плюс верхнее, голова приподнимается от пола. Выдох свободный, через рот, руки резко отжимают тело от пола, ноги подтягиваются к животу и выносятся вперед так, что вы сидите, придерживаясь руками о пол, ноги выпрямлены вперед. Затем на вдохе лечь на спину, перевернуться на живот и вновь, отжавшись, вынести вперед ноги и сесть на ягодичцы. Упражнение выполняется от 5 до 20 раз. Усложненный вариант: при выдохе и выносе ног вперед не садиться на ягодичцы, а лечь на спину.

Упражнение 19. Бабочка.

И. П. — стоя, ноги на ширине плеч, руки свободно опущены. Вдох — дыхание среднее, корпус наклоняем вперед, правая нога отводится назад, колено выпрямлено, руки разведены в стороны. Выдох свободный, через рот; медленно поворачиваемся вправо, руки описывают полукружности — правая сверху, левая снизу, голова повернута вправо, взгляд — на правую руку. Разворачивайтесь как можно дальше, не теряя равновесия. Вдох — обратный разворот. Выдох — поворот в левую сторону. И так — по 10-15 раз на каждой ноге.

Еще один совет: не пытайтесь выполнять все упражнения сразу, осваивайте их постепенно.

РЫБОЛОВАМ И ОХОТНИКАМ

Старшенькая наша, Лена, в тот раз отдыхала под Тарусой, в летнем пионерлагере. Я предложил жене съездить навестить дочь. Супруга с готовностью согласилась. Правда, при этом с улыбкой уколола: небось не так по ребенку соскучился, как порыбачить захотелось. Не стал особо оправдываться — имелась в той поддевке своя доля истины: давно мечтал побывать на Оке...

Дорога оказалась неблизкой, но об этом даже не заикнулись, когда вместе с дочерью, устроились на берегу красавицы реки в нескольких сотнях метров от места впадения в нее не менее живописной Таруски. Места просто сказочные. Не случайно их очень любил великий писатель земли русской Константин Паустовский, который завещал похоронить себя здесь.

Отдых удался на славу, благо и с погодой подфартило. Мы купались, загорали. И конечно, рыбачили. Я оборудовал две удочки с резиновыми амортизаторами, на которые неплохо брали окуни и чуть ли не королевские ерши.

Когда солнце начало палить совсем немилосердно, жена с дочерью устроились подремать в тени под деревьями, а я отправился на разведку окрестностей. Неподалеку, в районе уютного, из симпатичных домиков поселка набрал на двух рыбаков, которые, зайдя довольно далеко в воду, ловили в проводку. На моих глазах каждый из них вытащил по паре отменных язей.

Удочка поплавочная у меня была с собой, и я решил тоже попытать счастья. Без сапог резиновых, как местные, а в одних плавках залез по пояс в воду и... Короче, ничего из моей затеи не получилось: снасть оказалась не приспособленной для ловли на довольно мощном течении. Тем более что и насадка — манка тут явно не годилась: при частых забросах слетала.

Чтобы не расстраивать себя понапрасну, выбрался на берег и стал присматриваться к рыбакам, которые продолжали одну за другой выводить крупных рыб. В основном это были крутобокие язи, но нет-нет попадались и широченные, как тарелки, лещи.

Обратил внимание: снасти у кудесников имели ряд особенностей. Во-первых, они были оборудованы проводочными катушками, а сами удилища — пропускными кольцами. Поплавки — высокие, типа лещевых, довольно большие. К тому же скользкие. Чтобы быстрее доставить насадку на дно и как

ет уяснить, как их готовить. Тут тоже имелись нюансы. Прежде всего горох применялся нелущеный и отваривался после предварительного замачивания так, чтобы его можно было насаживать с некоторым усилием.

... С каким нетерпением я ждал очередных выходных! В течение недели подготовил соответствующим образом удочку, прикорм и насадку. Выехал вечерней электричкой в пятницу. Уже в сумерках был на месте. Прежде чем поставить палатку, отрегулировал первым делом работу снасти.

Только начало светать, я сделал первый заброс. И...

Архиерейская уха под Тарусой

следует огрузить крупный поплавок, на леске установивалось по 4—5 тяжелых грузил — свинцовых дробин.

Интересна была сама техника лова. Рыболов брался за леску между вторым и третьим пропускными кольцами, выбирал слаbinу — метра три-четыре и делал заброс из-за головы — подалше, навстречу водному потоку.

Поплавок почти сразу после падения принимал вертикальное положение и сплавлялся по течению. При погружении его или, наоборот, при подъеме следовала моментальная подсечка. Если удавалось зацепить рыбу, ее выводили, подмотав леску на катушку и используя гибкость удилища, на песчаный берег. Если поклевка оказывалась лустой, то после подсечки рыболов вновь брался за леску, выбирал слаbinу и делал очередной заброс. И так раз за разом.

Когда один из рыбаков выбрался на берег отдохнуть и выкурить сигарету — в воде заниматься этим некогда и несподручно, — я тщательно осматрел его удочку. В частности, меня интересовало, какие используются крючки, насадка. Оказалось, крючки у него с коротким цевьем, № 5,5. Насадка — горох. Попросил немного распаренных зерен, чтобы как следу-

за несколько часов не поймал ни одной рыбки. Уже в восьмом часу утра подошел рыбак — один из тех, кто ловил здесь в прошлый раз. Поприветствовав меня как старого приятеля, он улыбнулся:

— Часа через полтора, не раньше, начнет брать — у нее насчет распорядка дня строго.

И действительно, сразу после девяти часов сначала сосед, а потом и я поймали по язю. И дело пошло.

К обеду у меня в садке плескался чудесный набор рыб: шесть язей, пара лещей и крупная плотвица.

Вечером на костре по случаю удачи мы сварили уху, о которой давно мечтали, — архиерейскую. Грибы собирали в прибрежном лесочке, вместо курицы использовали кубики куриного бульона. А с третьим компонентом — рыбой, как нетрудно догадаться, тоже проблем не возникло.

Давно выросла дочь, но маршрут на Оку не забыт. Хоть раз в году, обычно в июле, выбираемся под Тарусу. И как правило, поездка не обходится без ухи. Ну конечно, архиерейской.

Полковник
В. АФАНАСЬЕВ.

... И поймали — раков

После обеда погода испортилась окончательно. Порывистый ветер пригнал с востока огромную тучу. Едва мы успели помыть посуду и убрать свои рыбацкие пожитки в палатку, как пошел дождь.

— Погода меняется, теперь клева до утра не будет, — солидно заметил шестилетний Женька и вопросительно посмотрел на отца.

— Здесь всегда так, — поддержал сынишку Валерий Новоселов.

С Новоселовым мы знакомы давно. Его Женька, как говорится, еще пешком под стол ходил, когда повстречались однажды мы с ним на зимней рыбалке, и вот с тех пор частенько выбираемся на природу вместе. И уж кто-кто, а я-то хорошо знаю, насколько нелегко сидеть так без дела моему энергичному товарищу.

— Пап, а помнишь, ты рассказывал про раков, которые зимой у тебя мотылей с крючка стаскивали? — вновь подает голос Женька. — Ты еще говорил тогда, что неплохо бы их тут летом половить.

— Было такое, — задумчиво произносит Новоселов-старший.

И вдруг благодарная улыбка появляется у него на лице.

— За идею тебе, старичок, спасибо. Сейчас мы ее обмозгуем с дядей Вензой, прикинем наши возможности — и за работу.

А возможности наши на поверку оказались не такими уж и скудными: небольшой подъемник для ловли малька, подсачек, легко снимающийся с деревянной ручки, и аж целых три садка, изго-

товленных, к всеобщему удовлетворению, из больших металлических колец, обтянутых обычной мелкочаистой сеткой. Плюс моток тонкого капронового шнура. Короче, пока суд да дело, мы оборудовали пяток добротных раколовок. В качестве наживки приспособили рыбешек из утреннего улова, предварительно разрезав их вдоль спины.

К вечеру дождь все-таки закончился. На землю уже опустились густые сумерки, когда мы, заранее проведя рекогносцировку и привязав раколовки к вырубленным ольховым шестам, забросили свои нехитрые снасти. Выждав минут 10–15, энергично вытаскиваем первую. В ней — троица вполне приличных раков, которые пытаются тут же отработать задний ход. Но Женька решительно пресекает эти попытки, и через секунду другую наши трофеи оказываются в пластмассовом ведре. А мы идем к следующей раколовке. И вновь нам сопутствует успех.

Вполне утолив свой охотничий азарт, довольный Женька отправляется спать. Уже залезая в спальный мешок, он весьма серьезно высказывает опасение, что мы можем выловить в водохранилище всех раков... И просит непременно разбудить его к утренней зорьке.

Спи спокойно, Женька. Нам не нужна большая добыча. Пусть живут и размножаются в чистой воде грозные с виду раки. Мы с отцом посидим еще часок у костра, потом вздремнем чуток, а едва забрезжит рассвет, непременно тебя разбудим. Ведь после непогоды должен быть хороший клев.

Полковник
Г. ЧЕРНЫШЕВ.

Возвращаясь к напечатанному

ЗАЯВКИ ПРИНИМАЮТСЯ

В редакцию поступают письма наших читателей, сетующих на то, что они не могут приобрести книгу К.Оглоблина и Ф.Гаврикова "С ружьем и удочкой", о которой сообщал журнал в № 11–12 за 1993 год. Этот справочник военного охотника и рыболова, выпущенный Воениздатом, быстро раскупили, и ныне его на прилавках книжных магазинов не сыскать.

Мы связались с одним из авторов этой своеобразной энциклопедии, Константином Семеновичем Оглоблиным, и попросили его прокомментировать ситуацию. Вот что он нам сообщил:

— Книга действительно быстро разошлась по рукам любителей охоты и рыбной ловли. Но мы делаем все возможное, чтобы удовлетворить запросы тех, кто не сумел ее купить. Сейчас справочник можно приобрести наложенным платежом, послав заявку по адресу: 117513, Москва, 513, а/я 20.

По этому же адресу примут заказы на брошюры, выпущенные журналом "Охотник": "Выделка шкурок дома", "Ружье, которое бьет хорошо и служит долго (советы оружейников)", "Грибы и ягоды: заготовка и хранение",

В. СЕДОЙ.

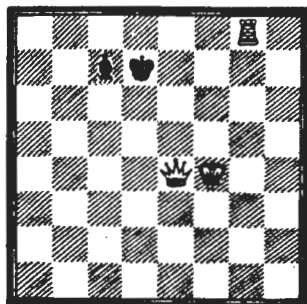
Под редакцией
мастера спорта
А. КАЛИНИНА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАЛЮТКИ

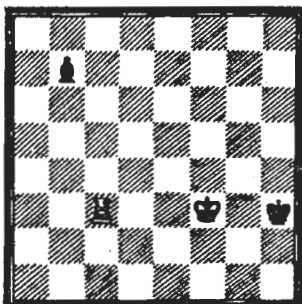
№ 1. А. Галицкий, 1903

№ 2. В. Брон, 1970

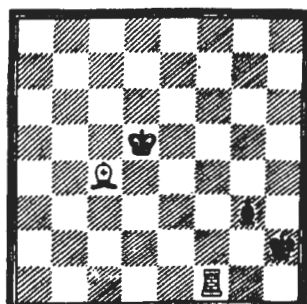
№ 3. Р. Рети, 1925

Мат в 2 хода

Мат в 4 хода

Выигрыш

КОМПОЗИЦИЯ — искусство, ее цель — познание эстетики шахмат. Авторы публикуемых произведений — известные шахматисты. А. Галицкий (1863—1921) является основоположником художественной композиции в России. Секреты малюток (произведений с числом фигур не более пяти) хочется сразу же сообщить, но самостоятельное их решение принесет вам, дорогие читатели, большее удовольствие. Решать можно без доски, глядя на диаграммы. Решайте эти превосходные произведения!

ШАХМАТНАЯ АЗБУКА

Продолжаем изложение шахматных основ для начинающих. Шахматная игра — это непрерывная атака противника и надежная защита собственного короля. Цель игры, как указывалось, — дать мат неприятельскому королю. Посмотрите позиции, в которых матуют пешка, конь, слон, ладья и ферзь.

№ 1. Белые — Крс8, Кb5, п. b6, черные — Кра8, п. a2. Матует пешка 1. b7X или конь 1. Кс7X. Без черной пешки a2 указанные маты не проходят, у черных пат. Дело в том, что в этом случае ходить должны черные, а не белые, что устанавливается простейшим ретроанализом.

№ 2. Белые — Крс3, Ла4, Са8, Кb2, черные — Крб5. Мат в 2 хода. 1. Кс4 Кр: a4 2. СсбX — матует слон, 1...Крс5 2. Ла5X — матует ладья.

№ 3. Белые — Крд1, Фа8, Са5, п. f2, черные — Крд3, Кg1, пп. c4, d4, мат в 2 хода. 1. Сс3! Кр: c3 2. Фа3X!, 1...dc 2. Фд5X, 1...К — любой ход 2. Фf3X. Трижды матует ферзь.

Матовых картин в шахматах бесчисленное множество.

ЭТО ИНТЕРЕСНО. Наши читатели уже знают, что современную алгебраическую шахматную нотацию изобрел в XVIII веке араб-

ский шахматист Филипп Стамма. Изобретение это, увы, не сразу получило признание, еще долгое время пользовались так называемой описательной нотацией. В чем ее сущность? Это станет ясным, если обратиться, например, к книге "Открытые тайны древних магов и чародеев...", изданной в Москве в 1804 году. В ней позиция старинной трехходовой задачи (мансубы) и ее решение изображены так.

УЧРЕЖДЕНИЕ ИГРЫ ШАШЕК БЕЛЫХ.

Царь в клетке слона со стороны царя игры противной. Ладья в клетке слона со стороны царя своей игры. Другая ладья в клетке или месте своей ферзи. Конь в третьей клетке слона своего царя. Пешка в четвертой клетке своего царя.

УЧРЕЖДЕНИЕ ИГРЫ ШАШЕК ЧЕРНЫХ.

Царь в третьей клетке. Ферзь в четвертой клетке своей ладьи. Ладья со стороны царя в своей четвертой клетке. Вторая ладья в третьей клетке коня со стороны своей ферзи. Конь в третьей клетке слона своей ферзи. Пешка в четвертой клетке своего царя.

Играющий белыми исполняет мат таким образом: белый конь вступает в четвертую клетку коня со стороны царя и дает шах; черная ладья вынуждена взять коня; белая ладья дает шах в третью клетку слона со стороны царя противной стороны; черный царь вынужден взять эту ладью; вторая белая ладья, становясь в третью клетку ферзя противной стороны, дает шах и мат".

В алгебраической нотации позиция задачи и решение выглядят так: белые — Крf8, Лf1, Лd1, Кf3, п. e4, черные — Крe6, Фа5, Лh5, Лb6, Кс6, п. e5. Решение 1. Кg5+ Л: g5 2. Лf6+ Кр: f6 3. Лd6X!

Сад-огород

УКРОП

Родина укропа — страны Средиземноморья. Культура была известна в глубокой древности: укроп выращивали еще до Х века. В диком состоянии он встречается на юге Европы. Как культурное растение его возделывают не только во всей Европе, но также в Америке и Западной Индии.

В пищу используют молодые листья (в фазе пяти-десяти листьев) и стебли: из них готовят салат и приправу ко многим блюдам. В начале созревания семян укроп применяют в качестве специи для засолки огурцов, помидоров, приготовления маринадов. Молодой укроп заготавливают впрок путем сушки и засолки.

Семена укропа применяют в кондитерском производстве, парфюмерии, в консервной промышленности, используют в медицине для изготовления укропной воды и препарата анетина, который рекомендуется при лечении некоторых заболеваний сердечно-сосудистой системы. Настои из листьев укропа применяют для лечения гипертонической болезни. Отвар из плодов употребляют для улучшения аппетита, как успокаивающее средство при бессоннице.

Укроп — однолетнее скороспелое и пряно-вкусовое овощное растение семейства сельдереевых.

Листья укропа перисторассеченные, темно-зеленые или желто-зеленой окраски с восковым налетом. Прикорневая розетка листьев достигает высоты 30-36 см, с 5-12 листьями. Прямостоячий ветвистый стебель может достигать 140-150 см, цветы собраны в соцветие — сложный зонтик. Плоды — мелкие, коричневые двусемянки яйцевидной формы.

Укроп — светолюбивое и холодостойкое растение. Семена его начинают прорастать при 3° С, расти он может при относительно прохладной погоде, но оптимальной температурой для наращивания массы растения является 18-22° С. Для цветения и созревания семян необходима температура не ниже 20° С. Цветение растянутое, созревание семян неравномерное. Укроп особенно дружно цветет и образует хорошие семена в жаркую солнечную погоду на влажной почве. В засушливую погоду листья бывают мелкие и грубые.

Для получения хорошего урожая зеленой массы и семян укропа его выращивают на плодородных, хорошо обработанных, некислых почвах.

Особенно хорошо он растет на освещенных участках. При затенении растения вытягиваются, увеличивается длина стебля, а листья теряют свою яркую зеленую окраску. При длинном световом дне укроп быстро переходит к стеблеванию. В условиях 10-12-часового дня происходит только нарастание листьев. В центральных районах Нечерно-

земной зоны урожай зелени укропа бывает выше при ранневесеннем посеве, чем при летних сроках посева.

Наиболее распространены следующие сорта: ранний — Грибоедовский, среднеранние — Каскеленский, Харьковский 85; среднеспелый — Лесногорский и среднепоздние и поздние — Узбекский 243, Армянский 269, Кибрай.

У скороспелых сортов от массовых всходов до стеблевания проходит 30-35 дней, у среднеспелых и поздних — 35-46 дней. Эти сорта с 1 м² дают урожай зелени от 1 до 2,5 кг.

Обычно уборку урожая зеленого укропа проводят при высоте растений 8-10 см. У Лесногорского и других среднеспелых и поздних сортов, более устойчивых к стеблеванию, в этот период проходят активные процессы роста листьев, и убирать зелень у них можно позднее, при высоте до 20 см (фаза закладки соцветия).

При этом урожай увеличивается при сохранении хорошего качества продукции.

Чтобы обеспечить непрерывное поступление зелени укропа с участка, необходимо подобрать сорта различной скороспелости, применять разные сроки посева, использовать в ранневесенний период пленочные укрытия.

Особенности выращивания. Наиболее высокие урожаи укропа получают при размещении его на плодородных, свободных от сорняков землях.

Под перекопку почвы вносят 15-20 г/м² аммиачной селитры, по 20-25 г/м² суперфосфата и калийной соли.

Высевают укроп в самые ранние сроки, как только к этому бывает готова почва. Чтобы можно было раньше провести посев, грядки готовят с осени. Для получения зелени укропа в течение всего лета посеvy проводят три-четыре раза за сезон. Наиболее ранний урожай (из открытого грунта) получают от подзимнего посева. Он посевают на две недели раньше, чем при ранневесеннем посеве.

Можно вырастить зелень укропа и в зимне-весеннее время (ближе к весне) в домашних условиях в посевных ящиках или горшках высотой 12-15 см, которые устанавливают вблизи окон.

Почвенный грунт готовят из перегноя или компоста, торфа, дерновой земли (1 часть) с добавлением песка. В почвенную смесь вносят минеральные удобрения — аммиачную селитру, калийную соль по 5-7 г на ведро грунта.

Укроп опыляется насекомыми. Для сохранения сортовых качеств надо соблюдать пространственную изоляцию от семенников других сортов укропа. На семена оставляют лучшие растения. Из посева удаляют заболевшие растения и все примеси до цветения.

Семена обычно созревают в начале или в конце августа. К уборке приступают, когда они начинают буреть, а листья на стебле желтеют. Уборку лучше проводить выборочно, срезая вначале только созревшие зонтики. При дружном созревании семян срезают целые растения. Их подсушивают, обмолачивают и семена очищают от примесей. Урожай семян укропа 40-60 г/м². Всхожесть хорошо вызревших семян 75-80 процентов, масса 1000 семян 1,8-2 г.

В. ГУЩИНА,
садовод-любитель

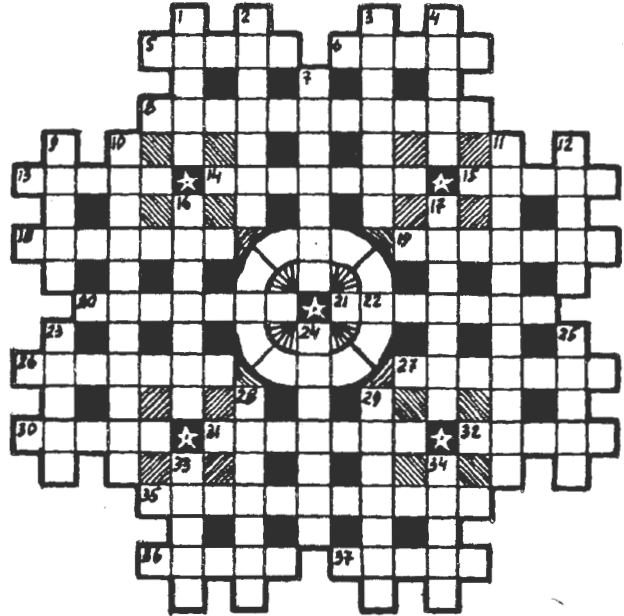
ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Приспособление в огнестрельном оружии, предназначенное для воспламенения заряда при выстреле. 6. Орган разведки или охранения, высылаемый от части в боевой обстановке. 8. Система мероприятий по полному уничтожению или полному сокращению средств ведения войны. 13. Ледокол Арктического флота, в годы Великой Отечественной войны обеспечивал плавание судов через льды на Балтике. 14. Автор рассказов "Русский характер", "Родина", и др. 15. Отравляющее вещество нервно-паралитического действия. 18. Боевой надводный корабль. 19. Укрепление в крепости (стене, ограде) для обстрела прилегающей местности. 20. Военнослужащий, отслуживший установленный срок службы в армии. 21. Тайная государственная полиция в фашистской Германии. 26. Город в Германии, где проходила в 1945 году конференция глав правительств СССР, США, Великобритании. 27. Землеройно-транспортная машина, используемая в инженерных войсках. 30. Конструктор тяжелых танков типа KB и ИС. 31. Отраженный полет снаряда (пули) после удара. 32. Разворот самолета в воздухе на 360° в горизонтальной плоскости. 35. Древний город в Подмосковье, где в 1941 г. отличились воины стрелковой дивизии генерала Панфилова. 36. Генерал армии, участвовавший в Московской, Сталинградской и Курской битвах, в освобождении Карелии и Прибалтики. 37. Летчик, ведущий самолет.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Способ воздушного боя. 2. Главный маршал артиллерии, в годы войны — начальник артиллерии Красной Армии. 3. Русский писатель, автор книги "Повесть о настоящем человеке". 4. Советский офицер, Герой Со-

КРОССВОРД

ветского Союза, национальный герой Франции. В 1943 году, будучи в плену, создал на севере Франции партизанский отряд для борьбы с фашистами. 7. Геодезический инструмент для измерения горизонтальных углов при управлении огнем артиллерии во время стрельбы. 9. Город в Белоруссии. 10. Маршал Советского Союза, начальник Генерального штаба Вооруженных Сил в 1942 году. 11. Основной вид боевых действий. 12. Российский полководец, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза. 16. Воинское звание в Российской армии. 17. Составная часть военного искусства. 23. Передвижение войск на большие расстояния. 24. Российский авиа-

конструктор, создатель самолета-гиганта "Антей". 25. Открытое полевое фортификационное сооружение, выступающее в сторону противника для ведения прицельного огня. 28. Российский писатель, автор романов "Живые и мертвые", "Солдатами не рождаются". 29. Юный партизан, Герой Советского Союза. 33. Твердая взрывная смесь. 34. Областной центр в России, освобожденный от немецких оккупантов в июне 1944 года войсками 3-го Прибалтийского фронта.

В центре по кругу: 22. Форма единовластного управления войсками в вооруженных силах.

Составил Е. КУЛИКОВ.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В N 5.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Плесецк. 9. Аудитор. 10. Обломов. 11. Акустика. 12. Колорадо. 13. Древо. 15. Пекин. 18. Кирпич. 22. Обитель. 23. Листов. 24. Юбилей. 25. Онколог. 28. Кадило. 30. Шпага. 32. Ан-

шлаг. 36. Аспирант. 37. Аникушин. 38. находка. 39. Бригада. 40. Радищев.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Клинкер. 2. Генетика. 3. Скобки. 4. Павлов. 5.

Адамович. 6. Городки. 8. Кобчик. 14. Еврипид. 16. Епископ. 17. Идеолог. 19. Перевал. 20. Довод. 21. Вьюга. 26. Хлорциан. 27. Анаконда. 29. Айсберг. 31. Ацетон. 33. Ахиллес. 34. Ананас. 35. Янтарь.

*Под высокие своды июля,
в глубину убегающих нив,
вот вступаю я, плечи сутуля,
трудно голову долу склонив.
Я иду по надвижному зною
в этот мир, что покойно высок...
Будет долго качаться за мною
мной задетый в пути колосок!
Сяду я у пречистого брода,
забывая навеки вчера...
И меня пожалует природа,
потому что проста и добра!*

Евгений ВИНОКУРОВ.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО
ОТКРЫТОГО ТИПА

NOVO

ВАШУ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЕСПЕЧИТ
ТЕХНИКА "НОВО"!

127434, г. Москва, ул. Дубки, д. 6
Телефоны: (095) 211-24-22, 976-30-83
Факс: (095) 211-24-22
Телекс: 411700 "СогрNOVO", бокс N 13741.

Акционерное общество открытого типа "НОВО",
имеющее большой опыт в оснащении техникой
правоохранительных органов и негосударственных
служб безопасности, а также защите объектов,

ПРЕДЛАГАЕТ:

- устройства съема информации из помещений и с линий связи, поисково-обнаружительные системы, аппаратуру защиты и противодействия утечке информации, средства общей и индивидуальной защиты, радиостанции (персональные, автомобильные и офисные), приборы ночного видения (в т.ч. совмещенные с фотоаппаратами и видеокамерами), технику обнаружения диверсионно-террористических средств и защиты от них, а также многое другое из арсенала индустрии безопасности.

ОРГАНИЗУЕТ:

- обучение руководителей и технического персонала служб безопасности обслуживанию систем защиты объектов, работе с техническими средствами поиска каналов утечки информации и их закрытия, а также противодействия диверсионно-террористическим акциям.